

И.Б.Бабулин

КНЯЗЬ СЕМЕН ПОЖАРСКИЙ
И КОНОТОПСКАЯ БИТВА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт Российской истории

И.Б.Бабулин

**КНЯЗЬ СЕМЕН ПОЖАРСКИЙ
и
КОНОТОПСКАЯ БИТВА**

350 лет Конотопской трагедии

Санкт-Петербург
2009

Свято-Вознесенский собор в Конотопе – памятник битвы 1659 г. *Фото автора*

На 1-ой полосе обложки -

«Воевода» (рисунок из книги: А.Висковатов. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. Т.1. СПб.,1899.)

Происхождение князя С.Р. Пожарского

Род князей Пожарских оставил яркий след в истории России прежде всего благодаря князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому, предводителю народного ополчения 1612 года, освободившего Москву от польско-литовских интервентов в Смутное время.

Менее известен другой достойный представитель рода князей Пожарских, дальний родственник спасителя России, храбрый князь Семен Романович Пожарский. Он был одним из тех редких народных героев, память о которых сохранилась в старинной песне. В наше время почти забыто то, что после своей гибели в 1659 году воевода был причислен Церковью к лику святых как благоверный князь Симеон Пожарский¹.

Предки Пожарских происходили из Стародубских князей. В Суздальском княжестве был город Стародуб, называемый иногда Стародубом-Ряполовским (в отличие от Стародуба Черниговского, в нынешней Брянской области). Впервые он упоминается в 1218 году. Город находился на р.Клязьме, ниже Владимира на 60 верст. Сейчас на его месте осталось лишь село Клязьминский городок, расположенное в 14 верстах от г. Коврова.

В 1236 году князь Владимиро-Суздальского княжества Ярослав Всеволодович отдал Стародуб брату Ивану,

родоначальнику князей Стародубских. У князя Андрея Федоровича Стародубского, павшего в Куликовской битве, было четыре сына, от которых пошли известные княжеские фамилии: Пожарские, Гагарины, Ромодановские, Ряполовские, Хилковы, Татевы, Палецкие и другие. Родоначальником князей Пожарских стал Василий Андреевич Стародубский, получивший прозвище «Пожарский» от названия своей вотчины - волости Пожар в Суздальской земле. Первоначальный удел князей Пожарских находился на юго-западе Стародубского княжества, в нынешнем Ковровском районе Владимирской области.

«Местоположение Пожары в пределах этого (Стародубского) княжества можно определить по сельцу Троицкому «в Пожаре», бывшему во владении князей Пожарских... в Ковровском уезде в шести верстах от Коврова, где и в настоящее время находится село Троицкое². В приходе к этому селу находятся деревни Чернево, Мелехово, Федотово, Бабенки и другие. В селе Троицком еще в XV веке упоминается деревянная церковь Св. Троицы. Как считает протоиерей А.Соколов «село Троицкое есть не что иное, как древний городок Погары, получивший новое название по наименованию Троицкого храма»³.

В 1555 году Троицкое было выкуплено прадедом Семена – князем Тимофеем Федоровичем и в дальнейшем находилось во владении старшей ветви рода, к которой относился Семен Романович. До конца XVI века о князьях Пожарских в истории не встречается особых известий. Они служили в невысоких чинах: «Опричь городничих и губных старост нигде не бывали»⁴. Брат Тимофея – князь

Иван Федорович, прозванный «Бык», погиб при штурме Казани в 1552 году.

Однако после известных событий «Смутного времени», благодаря своим воинским заслугам в освобождении Москвы, род князей Пожарских значительно возвысился над многими другими дворянскими фамилиями. Тем не менее, Пожарские так и не вошли в высший слой русской аристократии, представители которого имели право занимать важнейшие военные, административные и придворные должности в Московском государстве*.

Отец князя Семена – князь Роман Петрович Пожарский, в 1612 году носил придворный чин стольника. Вместе со своими родственниками он принял активное участие в Освободительной борьбе против польско-литовских интервентов. Князь Роман участвовал в походе Нижегородского ополчения против поляков, был послан князем Д.М.Пожарским в Суздаль с отрядом войск по просьбе жителей. Воевода пришел к городу, выгнал врагов и освободил Суздаль⁵. В 1613 г. князь Роман значится в числе подписавших грамоту об избрании на царство Михаила Романа. В том же году он снова был отправлен в Суздаль, откуда ему было велено идти в Тулу, на сход к войску князя Ивана Никитича Одоевского.

В апреле 1613 года князь Одоевский был послан царем против известного «воровского» казацкого атамана

*К середине XVII века к таковым относились: Воротыньские, Голицыны, Куракины, Морозовы, Одоевские, Пронские, Романовы, Темкины-Ростовские, Буйносовы-Ростовские, Репнины, Трубецкие, Урусовы, Хованские, Черкасские, Шеины и Шереметевы.

Ивана Заруцкого, с которым в то время находилась бывшая «московская царица» и вдова двух самозванцев - Марина Мнишек. Стремительно передвигаясь от города к городу, разоряя города и села, банды Заруцкого совершили налеты на Епифань, Дедилов, Кропивну, Новосиль, Ливны, Лебедянь. Преследуя атамана, царское войско сошлось с казаками под Воронежем 29 июня 1613 г. Русские ратные люди «билися два дни безпрестани», Ивашка Заруцкого побили наголову, и наряд, и знамена, и обоз взяли. А с того бою Заруцкий побежал за Дон, к Астрахани»⁶.

Выполнив свою задачу и разгромив основные силы Заруцкого, воеводы вернулись в Тулу, после чего войско было распущено. За победу в Воронежской битве царь пожаловал дворян землями и денежным жалованием, в том числе и князя Романа Петровича.

В 1626-1628 гг. князь Роман Петрович был воеводой в Брянске, а в 1631-1632 гг. - первым воеводой в Вязьме. Сведения о его службе достаточно скудны, в ратных и иных делах князь более не отличался. Большой служебной карьеры князь Роман не сделал и умер около 1637 г. Позднее этой даты его имя в документах больше не упоминается.

Жена Романа Петровича – Евдокия Андреевна, подарила ему сына Семена и пятерых дочерей: Марию, Федосью, Анастасию, Дарью и еще одну, имя которой неизвестно. Мария вышла замуж за Н.И.Борисова-Бороздина, Федосья – за князя Н.И.Белосельского, Анастасия – за М.Л.Плещеева, Дарья – И.И.Бутурлина, и последняя – за новокрещена князя Ф. Н.Шейдякова.

Князь Семен родился около 1618 года. Вероятнее всего местом рождения князя была одна из суздальских вотчин его отца. О воспитании и образовании Семена Романовича никаких сведений найти не удалось. Несомненно, будущий герой Конотопской битвы имел хороших учителей воинской науки в лице своих талантливых родственников – князей Дмитрия Михайловича Пожарского и Дмитрия Петровича Лопаты-Пожарского. С юных лет князь Семен Романович отличался богатырской силой и удачью. Он прекрасно владел холодным оружием, научился рубиться на саблях как именитый польский шляхтич, что в дальнейшем позволяло ему выходить победителем из единоборства с любым противником. Молодой князь обладал прямым и крутым нравом, не терпел несправедливости, не искал влиятельных покровителей при дворе, равнодушно относился к богатству. Он был честолюбив и азартен, никого не боялся и ни перед кем не унижался. Как следует из немногих сохранившихся документов, характеризующих его как личность, превыше всего князь ценил собственную честь и честь своего рода.

Семен Романович был женат на Евдокии (Авдотье) Васильевне Третьяковой⁷, девицы из знатного дворянского рода. Третьяковы вели свое происхождение от Радши и Андрея Кобылы – общих предков Пушкиных, Бутурлиных, Челяднинных, Мусиных, Чулковых и других известных фамилий. Отец жены: Василий Ильич Третьяков, дослужился до чина жильца. В 1634 г. он был на службе с князьями Д.М.Черкасским и Д.М.Пожарским в Можайске, а в 1635-36 гг. являлся воеводой в Дедилове. Известно,

что в 1637 г. Третьяков просил царя о списании со службы при дворе по старости, поскольку он «на службах бывал многих и на боях ранен», просьба его была уважена⁸. Василий Ильич имел трех дочерей: Прасковью, Евдокию и Ксению. Все трое удачно вышли замуж за самых видных лиц при дворе.

Старшая дочь, сестра Евдокии, Прасковья Васильевна была замужем за боярином Василием Борисовичем Шереметевым (его 2 жена), а другая сестра Ксения – за Иваном Петровичем Пронским (его 2 жена), родным братом Ульяны Петровны Шереметевой (Пронской). Князь Пронский, в частности, был воспитателем наследника престола Алексея Алексеевича.

Впервые князь Семен Романович Пожарский упоминается на государственной службе в Можайске 8 декабря 1634г⁹. Только что закончилась неудачная война с Речью Посполитой, в которой русская армия воеводы М.Б.Шеина в боях под Смоленском потерпела тяжелое поражение от полков польского короля Владислава. После окружения и капитуляции Шеина, Владислав готовился к решающему походу на Москву. Русские войска во главе с князьями Д. М. Черкасским и Д.М.Пожарским были собраны в Можайске. Столицу укрепляли и спешно готовили к обороне. Все наличные силы стягивались в Можайск, туда прибыли даже «московские чины»: стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы. В случае личного участия царя в походе они составляли «Государев полк», отчасти являющийся гвардией царя. Однако поход польско-литовского войска на Москву так и не состоялся. Упорная оборона

крепости Белой князем Ф.Ф.Волконским вынудила поляков начать переговоры о мире. Тем не менее, царю Михаилу Федоровичу пришлось заключить с королем униженный Поляновский мирный договор (1634), согласно которому за Речью Посполитой остались захваченные в ходе «Смутного времени» Смоленская и Северская земли.

С 19 января по 15 июня 1635 года князь Семен упоминается в смотренных списках русского войска, собранного в Можайске. В документе отмечено, что Пожарский, не в пример многим, приехал на государеву службу в Можайск «рано и жил (там) до отпуску», то есть до роспуска всей армии.

12 июля 1635 г. князь Семен Пожарский был вызван в Москву и пожалован чином стольника¹⁰. Это был начальный придворный чин для знатных московских фамилий. Каждый чин (боярин, окольничий, стольник, стряпчий и т.д.), с соответствующим поместным и денежным окладом, определял тогдашнее положение человека в служебной иерархии Московского государства.

Документы сохранили пример обычной рутинности и волокиты, свойственной московским приказам: чином князя пожаловали, а о положенном по чину окладе забыли. Сохранилась челобитная стольника князя С.Р. Пожарского о поверстании его поместным и денежным окладом от 27 ноября 1636 года: «Бьет челом Сенька Пожарской. Ставлю я перед тебя, государя, есть, а твоим государевым жалованьем и поместьем не верстан», - лаконично заявил о себе князь. 6 декабря 1636 года государь его пожаловал, велел ему «поместный оклад для

службы учинить 600 четей, денег тридцать рублей, для того, что был он на службе»¹¹.

В «Боярской книге» 1639 г. также сохранилась запись об этом пожаловании князя. «Стольник князь Семен княж Романов сын Пожарской. В 145-м году учинен ему поместный оклад вновь 600 чети, денег 30 рублей»¹².

У его отца, князя Романа Петровича, были земельные владения в Суздальском уезде: село Яренное, деревни Захарова, Взблеово, Долкова, Москвино, Заполища, Борщиха, Запрудная. Неизвестно, однако, перешли ли они князю Семену или отошли его сестрам, как возможное приданое.

Князь Семен приходился племянником князю Дмитрию Петровичу Лопате-Пожарскому, одному из видных вождей Нижегородского ополчения, принимавшему активное участие в победных боях под Москвой 22-24 августа 1612 г. В 1637 г. Семен Романович получил от него в дар земли в Галицком уезде: деревни Немцово, Бетелево, Данилково, Подлесное, Исаково. Всего 201 четь земли. В дальнейшем, в 1641 году, когда князь Дмитрий Петрович Лопата-Пожарский умер, он, не имея наследников, завещал племяннику своему Семену Романовичу земли в Московском уезде – пустоши Михеево, Долгое, Агафоново, Сущево – всего 100 четей. В 1646 г. князь Семен также имел вотчины в Бежицком уезде Лошицкого стана - деревня Тетерино; в Рязском уезде Пехлецкого стана - село Моклаково; а также ранее упомянутое село Троицкое в Суздальском уезде Стародуб-Ряполовского стана.

По данным 1646 года князь С.Р.Пожарский уже был видным представителем земельной аристократии, одним

из восьми окольных, которые, наряду с 12 боярами, относились к самым крупным вотчинникам Московского государства¹³.

Известно также, что после гибели князя Семена Романовича под Конотопом, у его вдовы Евдокии Васильевны остались земли: в Московском уезде село Вытенево на р. Уче, сельцо Юрьевское, деревня Сафоново; в Рязанском уезде деревня Путятино, пустошь Аносова (которые в 1700 г. отошли Московскому женскому Ивановскому монастырю); в Шуйском уезде в Борисоглебском стане сельцо Кудряково и деревня Жилая (в 1700 г. справлены за князем И.Ф.Шаховским); в Суздальском уезде село Троицкое, деревни Федотово и Мелехово¹⁴. 5 сентября 1667 года вдова князя Семена Романовича – Авдотья Васильевна упомянута также как владелица вотчины князя: села Якимово и деревни Ширилиха Владимирского уезда¹⁵. Со смертью князя Семена Пожарского в 1659 году, пресеклась старшая ветвь рода князей Пожарских, прямых наследников у него не было.

С начала 40-х годов XVII века имя князя Семена Пожарского часто появляется в Дворцовых разрядах. В 1641 году он сопровождал царя Михаила Федоровича в его поездке в село Покровское под Москвой. Вскоре князь оказался в числе рынд - почетной стражи царя. Документы сообщают о том, что на встрече датского королевича Вальдемара 28 января 1644 г. в рындах стояли: Василий Борисович Шереметев, Петр Борисович Шереметев, Иван Дмитриевич Пожарский и Семен Романович Пожарский¹⁶. Рынды были оруженосцами-телохранителями государя. Во

время дворцовых приемов, они, вооруженные парадными секирами, находились по обе стороны трона. Рынды обычно назначались из молодых представителей знатных фамилий, причем на встречи высоких особ и иноземных послов выбирали наиболее рослых и физически сильных людей.

Весной 1644 года князь уже исполнял обязанности воеводы Переяславля-Рязанского (Рязани)¹⁷. Через год, при проходах в Данию королевича Вальдемара 13 августа 1645 г., князь Семен Романович Пожарский, наряду с Василием Ивановичем, Петр Васильевичем и Матвеем Васильевичем Шереметевым снова упоминается в рындах¹⁸.

В сентябре 1645 года на престол вступил шестнадцатилетний царь Алексей Михайлович, вся власть при молодом государе оказалась в руках боярина Б.И.Морозова и его родственников. Князь Пожарский к таковым не относился.

Вскоре ему представилась возможность проявить себя в настоящем боевом деле. Князь показал себя достойным наследником былинных богатырей и умелым защитником земли Русской. В декабре 1645 г., когда неожиданно пришли вести о набеге крымских татар на русские земли, князь Семен Романович Пожарский получил назначение воеводой в Курск.

В сражениях с крымскими татарами и на службе при дворе (1645-53)

В декабре 1645 года крымские татары и ногайцы совершили один из своих крупных походов на русские зем-

ли. Большой голод и засуха в Крыму гнали кочевников в зимний набег. Около 40 тыс. татар во главе с нураддином Казы-Гиреем, князем Кутлушей Ширинским и Карашмурзой, по приказу хана, пошли в поход. К началу декабря царь назначил воевод: в Тулу – князя А.Н.Трубецкого, в Мценск – князя С.В.Прозоровского и И.М.Беклемишева, в Курск – князя С.Р.Пожарского и А.Т.Лазарева¹⁹. По «татарским вестям» были посланы полковые воеводы в Кропивну, Одоев, Венев и в Рязань.

18 декабря станичный казак привез сообщение в Белгород о том, что по Муравскому шляху идут большие силы ордынцев – 20 тысяч и более. На следующий день, повернув на Бакаев шлях, крымцы вышли на Рыльскую дорогу.

Перед нападением в городах не было больших сил, не все воеводы были на своих местах, главнокомандующий обороной – князь А.Н.Трубецкой был назначен в Тулу лишь 24 декабря. Предполагалось соединение русских отрядов под началом белгородского воеводы князя Ф.А.Хилкова и выдвижение их к Курску. Но сам Хилков получил это распоряжение только 15 января. Разбросанность вооруженных сил по черте, медленность их сосредоточения в нужном месте, отсутствие единого руководства были основными причинами слабой организации обороны степной границы.

19 декабря Хилков, имея всего 800 ратников, вышел из Белгорода на Муравский шлях и стал ждать других воевод. Через два дня подошли воеводы Яблонова и Корочи (всего 1100 чел.). Ожидая воевод Усерда, Вольного, Хотмыжска, Хилков стоял в бездействии до 22 декаб-

ря, в то время как татары разоряли окрестные земли и угоняли людей.

19 декабря князь С.Р.Пожарский спешно прибыл из Москвы в Курск. В городе находился лишь курский гарнизон (около 1500 чел.). На помощь Пожарскому успел подойти только отряд стрелецкого и казачьего головы С.Протасова из Оскола (300 чел.). Тем не менее, не теряя времени и не дожидаясь подкреплений, князь смело вступил в борьбу с татарами²⁰.

20 декабря, не доходя Рыльского и Путивльского уездов, от татарского войска отделилась примерно тысяча человек во главе с ногайским Эл мурзой Урмаметевым. Перейдя р. Сейм, враг появился в 3-5 верстах от Курска. В тот же день Пожарский атаковал врага, бился с татарами в Курском уезде у деревень Сныхино, Костино, Жеребцово, взяв в плен самого Эл мурзу.

Сообщение станичников о набеге запоздало, в наступившую ночь татары захватили людей в Рыльском и Путивльском уездах. Сначала в Рыльский уезд ворвались люди царевича Казы-Гирея, за ним князь Кутлуша, князь Тугай, Караш-мурза и другие. Татары разбили свой стан между Рыльском и Путивлем, грабили и жгли деревни, угоняя людей в свой лагерь. Только в Курском уезде татары захватили более 3 тыс. человек.

23 и 24 декабря Пожарский снова и снова сражался с татарами в Рыльском уезде, нападая, отступая и снова нападая, он беспощадно рубил ордынцев, освобождая захваченных ими людей.

28 декабря, в большом бою у села Городенка, князь

одолеет татар, освободив 2700 жителей Рыльского, Путивльского и Комарицкого уездов, ранее попавших в плен²¹. Только к этому времени подошли запоздавшие отряды князя Ф.А.Хилкова, но они уже не успели к сражению. Лишь яблоновский воевода С.А. Измайлов принял непосредственное участие в боях, остальные военачальники со своими отрядами находились в 10 верстах от места битвы.

В тот же день татары с полоном стали отходить, 30 декабря воеводы вели бои лишь с арьергардами татар. Пожарский с другими отрядами догонял и бил последние татарские коши, уходящие в степь. Зима была «студена», крымцы быстро уходили на юг. 31 декабря, с освобожденным полонем, Пожарский вернулся в Курск.

Князь Хилков сообщил в Москву о том, что сам он лично участвовал в освобождении пленных, что было явной ложью. Оправдывая свою бездеятельность и ревнуя к успехам Пожарского, Хилков затаил на него обиду. Вероятно белгородский воевода не желал объединять свои силы с силами Пожарского, видя в этом урон своей «чести». Частичным оправданием Хилкова может служить тот факт, что приказ о преследовании татар был получен из Москвы только 15 января, когда татары уже ушли.

31 января Хилков с другими воеводами наконец-то собрал все наличные воинские отряды в Курске, приказав им преследовать крымцев. Пожарский отказался выполнять этот запоздалый приказ, мотивируя тем, что татары уже далеко ушли в степь, догнать их не представляется возможным, и нет царского указа о таком дальнем походе.

Руководители Разрядного приказа – высшего военного ведомства Московского государства, желая свалить всю вину на нерасторопность воевод, приказали подвергнуть виновных заключению в тюрьму от 3 дней до 1 недели. Мотивом заключения был отказ от преследования татар и опоздание явки на место сбора войск. При этом князь Пожарский отказался в числе «виновных». За отказ выполнить приказ Хилкова о преследовании татар, Пожарского, по требованию Разряда, также следовало посадить в тюрьму. Арестовать князя следовало на пути из Курска в Москву. Калужскому воеводе А.Д.Тургеневу, по прибытии Пожарского в Калугу было велено заключить его в тюрьму сроком на три дня. Причем Тургеневу было приказано: «беречь накрепко, чтоб князь Семен Пожарской мимо Калуги безвестно и ночным временем не проехал», а как отсидит 3 дня, его в Москву отпустить. Тургенев исполнил все в точности, после трех дней пребывания в Калуге, Пожарский был отпущен в Москву²².

Из большого числа воевод, бывших в то время на Белгородской черте, один Пожарский проявил бойцовский характер, инициативу и смелость. Он сыграл главную роль в отражении татарского набега 1645 года и освобождении части пленных. Интересно то, что князя Ф.А.Хилкова наказание миновало. Хотя за нерасторопность и бездействие на степной границе его следовало наказать в первую очередь.

Справедливости ради следует отметить, что Разрядный приказ все же оценил умелые действия и воинские способности князя Пожарского в боях под Курском, на-

значив его в следующем, в 1646 г. руководителем большого похода против крымцев и ногайцев на Дон.

Нураддин Казы-Гирей позднее сообщал хану о нападении на него русских ратных людей, отнятии большого количества полона и огромных потерях крымцев. В частности он рассказал о том, что в бою под селом Городенским погибли его конюший, голова сейменов, другие мурзы и многие татары. Зимний поход на московские земли был настолько тяжелым, а удары русских были настолько сильными, что треть крымско-татарского войска не вернулась из похода. Когда 12 февраля нураддин пришел в Крым, из восьми ближайших людей его сопровождало только двое, остальные погибли или умерли²³. Тем не менее, татарам все же удалось увести в Крым 5749 захваченных ими людей.

* * *

18 января 1646 года последовал царский указ о посылке в Астрахань князя С.Р.Пожарского для организации похода против крымцев и ногайцев²⁴. В марте 1646 года в Воронеж отправился дворянин Ждан Кондырев. Последнему было приказано набрать 3 тыс. «вольных и охочих людей» и выступить с ними на Дон. 26 апреля в Воронеж также прибыл голова Андрей Покушалов с путивльцами, рылянами и курчанами (около 1 тыс. чел.). 12 мая явился атаман Петр Красников с 1 тыс. донских казаков.

3 мая Кондырев со своими ратниками выступил на Дон с караваном из 84 стругов. 27 мая он со своим отрядом пришел на Дон к Черкасскому городку (с ним тогда было около 10 тыс. ратных людей). 15-16 июня туда же

прибыл Семен Пожарский. Под началом князя находилось 1700 ратников, в том числе 700 астраханских конных стрельцов и 2350 ногайских, юртовских и других служилых татар во главе с Салтанеш мурзой Аксаковым²⁵. Князь переправился на правый берег Дона, а его татары остались на ногайской стороне. Сюда же пришел кабардинский князь Муцал Черкасский с отрядом горских черкес, гребенских и терских казаков и татар (всего около 1200 чел.), а также ногайский Би мурза Иштереков (300 татар). Кавказцы и терские казаки остались на левой стороне Дона. Всего собралось около 20 тыс. чел. Единого командования не было, так как Пожарский официально не был назначен главнокомандующим всех собранных сил. Донские атаманы П.Федоров и И.Каторжный ссорились с Кондыревым. По царскому указу собранные войска должны были воевать с Крымом и ногаями, не задевая Азова и турецких владений. Донские атаманы напротив, хотели идти на турецкий Азов и повторить успешный захват города в 1637 году. Однако Азов к этому времени был уже сильно укреплен османами. В июне донские казаки все же рискнули напасть на город, однако турки легко отбили приступ. Захват Азова с налета не удался.

После неудачного приступа донские казаки решили разгромить улусы ногайских и азовских татар, кочевавших по р.Ее. Соединившись с казаками, Пожарский также напал на улусы. Успех сопутствовал их действиям. В плен было взято до 7000 татар и ногайцев, 6 тыс. коров и 2 тыс. овец. С огромной добычей русские вернулись обратно. Тут вспыхнул давно назревавший конфликт между

«вольными людьми» Кондырева – с одной стороны, и черкасами Муцала, казаками, астраханскими стрельцами – с другой стороны, едва не перечеркнувший все успехи. Вероятно казаки, астраханцы и кавказцы не признавали в «охочих людях» - бывших крестьянах, воинов, равных себе. Они отняли добычу у людей Кондырева и ушли на Кагальник, где занялись дележом трофеев. Возмущенный несправедливостью, князь Пожарский потребовал возвращения части добычи ратным людям Кондырева. Он смело явился в «разбойничий лагерь» и высказал свое требование черкесам, казакам и астраханцам. Разъяренные его смелостью и требованием, последние отказали ему с бранью, и даже выстрелили из двух пищалей²⁶. Не желая доводить конфликт до братоубийственной кровавой бойни, понимая, что в любой момент могут подойти новые силы ордынцев, Пожарский не стал настаивать на выдаче добычи людям Кондырева. Астраханские стрельцы вернулись на крымскую сторону Дона, а князь Муцал и Би мурза со своими людьми остались на ногайской стороне. Как оказалось, Пожарский не зря ждал ответного удара крымских татар. Враг не заставил себя ждать и вскоре бои возобновились с новой силой.

В июне нураддин Казы-Гирей с войском вышел из Крыма к Азову. 6 июля рано утром лагерь князя Черкасского и Би мурзы на берегу Дона был внезапно атакован крымскими татарами (7500 чел.) под началом царевича Ният-Гирея. Напавшие смяли горское войско, отбили знамя князя Муцала, убежал в степи Би мурза. С большим трудом, устояв от натиска, князь Муцал с черкесами, тер-

скими и гребенскими казаками, стал биться с врагом. Вскоре на помощь им подоспели донские казаки. Пожарский, узнав о бое, быстро переправился на левый берег Дона и ринулся в битву. Князь Семен «перелезши Дон, пришел на тот бой к пешим людям и учал с татары биться»²⁷, - писал позднее царю Кондырев. Возможно другой на месте Пожарского, вспомнив обиду, не стал бы спасать людей Муцала от верного истребления татарами. Пожарский был не таков, он бросился к ним на помощь. «Охочие люди» Кондырева также не оставили в беде своих боевых товарищей. В 3 верстах от реки начался большой «свальный бой» длившийся до самого вечера. Сначала побеждали крымцы, но по прибытии подкреплений к русским, царевич отступил. Его преследовали около 5 верст. В бою Пожарский был ранен стрелой в правую руку²⁸.

От пленных крымцев русские узнали о возможном подходе хана с войском. Ногайские, юртовские и едисанские служилые татары с Салтанеш мурзой, не желая больше рисковать своими головами, ушли под Астрахань. Общие потери русских в боях составили 900 человек, у крымцев только из «именитых» было убито около 100 человек, сколько простых татар – неизвестно.

30 июля от татар-перебежчиков было получено сообщение, что Ният-Гирей стоит на Кагальнике, ниже Азова, на темрюцкой стороне, а с ним около 5 тыс. ордынцев. 2 августа, по приказу Пожарского, Ж.Кондырев и М.Шिशкин со своими отрядами ходили против него. 4 августа они решительно напали на татар, сбили их со станов, захватили шатры царевича, его постель и даже принадле-

жашую ему карету. Шишкин сообщал царю, что в этом бою были взяты 71 татарский шатер и палатка²⁹.

Вскоре появились большие силы крымцев и ногайцев (до 10 тыс. чел.). Русских тогда было всего 7200. Положение царского войска осложнилось подходом турецких янычар и артиллерии. Кондырев позднее писал царю о прибытии на помощь крымцам турок из Азова, которые пришли с пушками. Ратникам Пожарского и Черкасского пришлось отступить с боями, татары преследовали их до Койсуги реки, до самой ночи. «А Азовские люди сошлись с царевичем, и вывезли с собою наряд, и бои были с ними большие с утра до вечера, а князь Семен Пожарский и князь Мусал шли с пешими ж людьми...»³⁰. Эти слова Кондырева подтверждаются показаниями Шишкина, который сообщает о приходе азовского паши с янычарами и артиллерией: «пришел Азовский Мустафа-бей на помощь с огненным боем и нарядом... А крымских и азовских людей было по смете с 8000 человек; а пеших янычан было по смете с 2000 человек, а татар в языцах взято 207 человек»³¹. Шишкин писал, что «напуски» на отступающих были жестокие, «из пушек (турецких – И.Б.) стрельба была беспрестанно, и на тех напусках государевы ратные люди многих татар побили и переранили». По словам пленных, в этих яростных боях погиб даже сам царевич Ният-Гирей.

6 августа русские пришли к Дону. Тяжелый урон понесли астраханские стрельцы - погибло около 200 человек. Крымцы также потеряли много людей. Они просили помощи у хана, но тот дошел только до Перекопа, опасаясь вторжения донских казаков в Крым.

Действия русских войск в 1646 году были успешными и достигли своей цели. Тяжелые бои на Дону сковали крымско-татарские силы. Планируемый большой поход в московские земли не состоялся, крымцы прекратили нападения. Татары испугались активности русских у границ ханства и их возможного нападения на Крым. Султан потребовал от хана Ислам-Гирея готовности к обороне полуострова.

Крымская знать надолго запомнила эти кровопролитные бои с русскими. Много лет спустя, под Конотопом, хан Мухаммед-Гирей припомнил князю Пожарскому этот «побой» татар на Дону.

* * *

Царь Алексей Михайлович высоко оценил ратную службу князя Семена Романовича, пожаловав ему придворный чин окольничего. «В нынешнем в 154 – м году ... (1646) Октября в 6 день государь пожаловал ис стольников в окольничие князя Семена Романовича Пожарского»³². В Московском государстве чин окольничего был вторым по значению после чина боярина. Окольничие входили в Боярскую Думу и получали вторые, после бояр, должности в армии, в московских приказах, на воеводствах и в посольствах.

18 апреля 1647 года «на Велик день» Пожарский был впервые приглашен к царскому столу. У стола государя были самые именитые «гости»: патриарх Иосиф, бояре Б.И.Морозов, В.П.Шереметев, оружейничий Г.Г.Пушкин и окольничий князь Ф.А.Хилков.

16 января 1648 года во время свадьбы царя Алексея Михайловича и Марии Милославской князю Пожарскому

была оказана большая честь - доверена охрана Кремля и его ворот: «А город Кремль приказан был окольному князь Семену Романовичу Пожарскому да дяку Степану Чернышеву»³³.

25-26 марта 1648 г. на Благовещенье, он снова был приглашен к царскому столу. У стола тогда были патриарх Иосиф, бояре Б.И.Морозов, князь М.М.Темкин-Ростовский, Г.Г.Пушкин, окольный князь И.В.Хилков.

Однако даже служба при царском дворе не стала для Пожарского спокойной и размеренной. Летом 1648 года в Москве произошел «Соляной бунт». Предпосылкой бунта послужило введение высокого налога на соль, что вызвало подорожание мяса и рыбы. Продажа их упала, товар стал портиться. В народе росло общее недовольство, в Москве начались поджоги домов. 1 июня 1648 года царь Алексей Михайлович возвращался из поездки в Троице-Сергиеву лавру. Князь Семен Пожарский находился в охране царицы Марии Ильиничны. В пути движения царский «поезд» был окружен восставшими горожанами, требующими расправы над «изменниками» - боярами. Челобитчики пытались пробиться к государю, но по приказу боярина Б.И.Морозова были разогнаны стрельцами. «Крайне возмущенный этим народ схватился за камни и палки и стал бросать их в стрельцов, так что даже отчасти пострадали и получили раны лица, сопровождавшие супругу его царского величества»³⁴. Разъяренную толпу удалось остановить, но при этом князю Пожарскому камнем рассекли лицо. Скорее всего шрам от острого камня остался у него на всю жизнь.

Москва была во власти разъяренных горожан, «учинилась большая смута», в ходе которой были убиты судья Земского приказа Л.С.Плещеев и думный дьяк Н.Чистой, а дома их разграблены. Многие бояре и дворяне, опасаясь народного гнева, попрятались в своих хоромы и боялись выходить на улицу. Восставшие требовали выдать им на расправу всех лиц, виновных во введении соляного народа.

5 июня, по царскому указу, князь Пожарский отправился в погоню за бежавшим из столицы главой Пушкарского приказа окольничим П.Т. Траханиотовым. Этот человек был одним из самых ненавистных и властных «временщиков», сделавших быструю карьеру благодаря родству с фактическим главой государства при молодом царе - боярином Б.И.Морозовым. Народ считал Траханиотова «виновником незадолго перед этим наложенной на соль пошлины»³⁵, которая вызвала массовое выступление недовольных москвичей. В известном сочинении о России А.Олеария, сообщается о том, что Траханиотов со своими подчиненными «обходился весьма немилосредно и не выдавал им положенного за работу вознаграждения»³⁶, месяцами задерживал жалование служилым людям; выдавая половину суммы, требовал от них расписки за получение всех денег. Автор «Книги о чудесах пр.Сергия» Симон Азарьин характеризует главу Пушкарского приказа как человека ум которого «простирается, идеже бы откуду корысть приобрести...»³⁷, поэтому вполне возможно, что идея обогатиться на соляном налоге принадлежала именно Траханиотову.

Князю Пожарскому предстояло сложное задание. В помощь ему выделили полсотни конных стрельцов, но что

они могли сделать в случае нападения агрессивной многочисленной толпы? Тем не менее, царь не сомневался в том, что именно Пожарскому можно доверить дело, на которое другой бы не решился. «И видя государь царь во всей земле великое смятение, а их изменничью в мир великую досаду, послал от своего царьского лица окольниково своего князь Семена Романовича Пожарского, а с ним 50 человек московских стрельцов, велел тово Петра Траханиотова на дороге сугнать и привести к себе государю к Москве. И окольниковей князь Семен Романович Пожарской сугнал ево Петра на дороге у Троицы в Сергееве монастыре и привез ево к Москве связана июня в 5 день. И государь царь велел ево Петра Траханиотова за ту их измену и за московской пожег перед миром казнить на Пожаре»³⁸, - записал об этом неизвестный летописец. Восставшие горожане «учали всею землею просить у Государя убить окольникового Петра Траханиотова. И Петра Траханиотова велел Государь им отдать, и они на площади Петра казнили»³⁹. По требованию народа, «изменнику» Траханиотову отрубили голову. «Это обстоятельство вновь несколько успокоило разгоряченные умы, все благодарили его царское величество за доброе правосудие»⁴⁰, - записал Олеарий. Боярина Б.И.Морозова отправили в ссылку, налог на соль был отменен, бунт вскоре прекратился.

В сентябре 1648 года, когда царь ездил в Троице-Сергиеву лавру, окольниковый князь С.Р.Пожарский снова был среди приглашенных к царскому столу, наряду с боярами Г.И. Морозовым и М.М.Салтыковым. В 1649 г., в числе других бояр, дворян и всех служилых людей, князь

поставил свою подпись под новым законом государства – «Соборным уложением».

Стремительный взлет по служебной лестнице князя Семена Романовича испугал влиятельных особ в окружении молодого царя Алексея Михайловича. Гордый и самоуверенный Пожарский, не унижающийся перед родовитыми боярами и не терпевший возражений, вызывал раздражение и ненависть со стороны представителей самых знатных московских семейств, стремящихся быть как можно ближе к вершинам власти. Эти люди попытались добиться удаления Пожарского из столицы, подальше от глаз царя, что им, в конечном счете, удалось.

В апреле 1649 года он отправился в Астрахань, куда был послан вторым воеводой, вместе с князем И.А.Голицыным⁴¹. Однако Пожарский пробыл там не более года, уже 22 апреля 1650 года его вернули в столицу. Энергия и способности князя были нужны Алексею Михайловичу для более важных дел, чем воеводство в далекой от двора, провинциальной Астрахани. В последующие четыре года князь постоянно находился при царе, сопровождая его в числе ближайших людей во всех поездках. Несомненно, это было вызвано особой честью, доверием и расположением к нему Алексея Михайловича.

В декабре 1652 г. князь сопровождал царя в поездке в Савино-Сторожевский (Звенигородский) монастырь, бывший чем-то вроде загородной резиденции государя. Князь Пожарский был приглашен к царскому столу вместе боярами князьями Я.К.Черкасским и И.И.Хованским. В апреле 1653 года, на Пасху, он снова был за одним столом с

патриархом Никоном и боярами: князем Я.К.Черкасским, князем М.П.Пронским, Г.Г.Пушкиным и окольничим И.А.Хилковым. 2 февраля 1654 года царь пригласил к столу в Передней палате, по случаю праздника Сретения Господня, бояр князя А.Н.Трубецкого, князя М.П.Пронского и князя С.Р.Пожарского. 1 апреля 1654 года князь Семен Романович приглашен на царский пир в Золотой палате, где присутствовали: патриарх Никон, грузинский царевич Николай Давыдович, сибирский царевич Петр Алексеевич, бояре князя А.И.Трубецкой, Г.С.Куракин, Ю.А.Долгоруков и окольничий князь И.А.Хилков.

Перечислением приглашенных к царскому столу лиц, возможно утомительным для читателя, автор обращает внимание на то, что князь Семен Пожарский вошел в ближний круг избранных не по причине знатности фамилии (Пожарские не принадлежали к боярским родам), а исключительно благодаря своим личным заслугам.

1 октября 1653 года Земский собор, собранный в Москве по украинскому вопросу, принял решение о принятии Украины в русское подданство. (*стр.* 52-53)

Война с Речью Посполитой и бои со шведами (1654-56)

8 января 1654 года состоялась знаменитая Переяславская Рада, на которой гетман Богдан Хмельницкий со всей старшиной «под государеву высокую руку поклонилися». Во всех казацких полках и городах Войска Запорожского состоялись церемонии присяги царю. После

долгих колебаний, Алексей Михайлович ответил на многочисленные просьбы Хмельницкого о скорейшей военной помощи. Московское государство вступило в тяжелую и многолетнюю войну с Речью Посполитой за Украину и Белоруссию (1654-1667 гг.).

Три русские воинские группировки были сосредоточены вдоль неприятельской границы: Северная (в Великих Луках), Центральная (Вязьма) и Юго-Западная (Брянск). Главным силам, собранным в Вязьме, была поставлена задача овладения Смоленском. Князь Семен Романович Пожарский был назначен одним из воевод юго-западной армии, которой предстояло выступить в поход из Брянска.

23 апреля 1654 г. последовал царский указ о посылке в Брянск воевод князей А.Н.Трубецкого, Г.С.Куракина, Ю.А.Долгорукова, С.Р.Пожарского и дворянина С.А.Измайлова, а «указал Государь боярам и воеводам во Брянску стать Мая в 9 день. А собрався с ратными людьми, указал Государь боярам и воеводам из Брянска идти за рубеж на Полские и Литовские города, на Рославль и на иные»⁴². Уже 26 апреля они вышли с полками из Москвы.

Литовский поход начался в июне 1654 г. Рославль сдался русским войскам без боя (27 июня), жители полки Трубецкого «встретили с честью, добились челом и город сдали». 12 июля, после ожесточенного штурма был взят оказавший сопротивление Мстиславль. Стремительно двигаясь на запад, войска вышли к Днепру.

Великий гетман Литовский Януш Радзивилл отступал, не принимая боя. Русские шли за ним. Передовым

полком командовал князь Г.С.Куракин, Большим - князя А.Н.Трубецкой и Ю.А.Долгоруков, Сторожевым – князь С.Р.Пожарский. Зная горячий и неукротимый нрав князя Семена Романовича, царь специально поставил его во главе арьергарда. Однако даже это назначение не помешало Пожарскому сыграть важную роль в главной битве летней кампании 1654 года.

После боя с армией князя Я.К.Черкасского под Шкловом, гетман Радзивилл остановился в Головчине. Общая численность войска ВКЛ составила примерно 6000 чел. Радзивилл решил закрыть дорогу армии князя А.Н.Трубецкого (около 15.000 чел.), которая 10 августа переправилась на правый берег Днепра. Перейдя через р. Друть под Бельничами, Радзивилл выступил в направлении Шепелевич, к переправе через речку Ослинку. Обоз литовского войска под защитой одного полка, был направлен к Заозерью. Утром 14 августа литовцы узнали, что русские нашли брод через Друть под Тетериным и, форсировав речку, загородили им дорогу.

Передовые конные сотни русских ворвались в Шепелевичи. Село уже горело, когда там появились литовские хоругви. Попытка отразить наступление войск Трубецкого была неудачной. Части московской пехоты, переправившись через р.Ослинку ниже мельницы, заняли Шепелевичи и укрепились там⁴³. При приближении русских литовцы атаковали Передовой полк Куракина, развернувшийся в боевую линию. В завязавшемся сражении воевода был ранен. Затем подошел и развернулся в линию Большой полк Трубецкого и Долгорукова. В бой

вступили полки солдатского строя Данилы Крафферта, Ивана Ниротморцева, Германа и Николая Фанстадена, Александра Баркляя, Якова Флека, Елисея Цыклера и Андрея Гамолтона. Они остановили натиск литовцев. Атака знаменитых «крылатых» гусар была отражена. Русская пехота, построенная в три линии⁴⁴, начала теснить войско Великого княжества Литовского. В то же время конница левого крыла под началом князя С.Р.Пожарского обошла Радзивилла с фланга, окружая противника с юга. Известие об обходе неприятеля вызвало расстройство и бегство всего литовского войска. Драгуны полков Г.Ганскопфа, Э.Я.Корфа и Э.Путкамера, дольше всех других частей державшие оборону, атакованные и окруженные московскими рейтарами, пошли врасыпную⁴⁵.

Часть литовского войска во главе с гетманом отступала через поля и леса, неся большие потери от преследовавшей ее русской конницы. В ходе продолжительной погони были рассеяны остатки конных хоругвей Радзивилла.

15 августа русские настигли отходящую немецкую пехоту и артиллерию на переправе под Черцами, весь гетманский пеший полк был вырублен, пушки захвачены. Литовская челядь, оставленная в обозе, видя бегство своего войска, бросилась грабить возы.

Князь С.Р.Пожарский со своей конницей долго преследовал противника. В ожесточенном бою под гетманом убили коня, он сам был ранен в ногу. Тем не менее, Радзивиллу удалось уйти от погони. На одной из переправ через многочисленные речки и болота четыре московские

сотни неожиданно окружили отступающих. В происшедшем бою из 50 человек гетманской казацкой хоругви, охранявшей Радзивилла, в живых при нем осталось только пять⁴⁶. Поручик немецкой пехоты Грэффенберг закрыл гетмана своим телом, получив огнестрельную рану и удар рогатиной. Сам Радзивилл, раненый в правую ногу, был спасен ротой венгерской пехоты под началом Юшкевича. Участники битвы позднее говорили, что если бы Юшкевич не подоспел к месту боя, гетман не ушел бы живым.

Царю под Смоленск отправили донесение о победе, только по ошибке Трубецкого, речка Осливка в отписке была названа «Шкловкой». Поэтому эту битву иногда неправильно называют «сражением на реке Шкловке». Воевода писал царю, что «гетмана Радивила побили, за 15 верст до литовского города Борисова, на речке на Шкловке, а в языках взяли 12 полковников, и знамя, и бунчук Радивилова взяли, и знамена и литавры поимали, и всяких литовских людей в языках взяли 270 человек; а сам Радивил утек с небольшими людьми, ранен»⁴⁷. В документах отмечено, что бой под Шепелевичами «был на семи верстах и больше». Среди погибших были польный писарь ВКЛ М.Ф.Радзиминский, полковники Ганскопф, Путкамер, Оттенхауз, Сулима и другие офицеры⁴⁸.

После победы при Шепелевичих, армия Трубецкого повернула к Шклову, гарнизон которого продолжал оказывать сопротивление. 31 августа город сдался. 29 сентября русские взяли крепость Горы, в пятидесяти верстах восточнее Шклова. После этих успешных действий царь приказал Трубецкому идти к Дубровне, осажденной вой-

ском князя Черкасского. При приближении войск Трубецкого Дубровна сдалась без боя 12 октября 1654 года.

Поражение главных сил гетмана Радзивилла в летней кампании 1654 года позволило России вернуть потерянный в Смутное время Смоленск. 23 сентября литовский гарнизон сдался и открыл ворота русским войскам. Царь Алексей Михайлович торжественно вступил в освобожденный город.

* * *

В летнюю кампанию 1655 года армия князя А.Н.Трубецкого осадила Старый Быхов, осада продолжалась до 26 июля. После продолжительной осады, оставив под городом полк солдатского строя Якова Ронарта и казацкий полк Ивана Косицкого, Трубецкой выступил к Слуцку⁴⁹.

Впереди двигались полки князя Ю.А.Долгорукова и С.А.Измайлова, с ними сотни и пехота полка Трубецкого, в арьергарде – сторожевой полк князя С.Р.Пожарского. За 8 верст до Слуцка навстречу русским вышли литовские и немецкие хоругви. Противник был разбит, остатки его отрядов бежали под защиту города. 26 августа Трубецкой был под Слуцком. Губернатор города Петерсон отказался сдаться, русские сожгли посады и, не задерживаясь, пошли дальше к Слониму. 29 августа в селе Тинковичи были взяты языки, которые сообщили о наличии неприятеля в Клецке, до которого оставалось 15 верст. Князь Трубецкой послал против него стольника Г.М.Измайлова с сотнями и рейтарские роты. Когда Измайлов подошел к Клецку, литовцы сделали вылазку. Русские разбили их и с ходу взяли город, бегущего противника преследовали 5 верст.

Однако, когда войско отошло от Тинкович примерно 10 верст, неожиданно прибежали люди с обозов полка Трубецкого, сказав, что «пришли в Тинковичи по слущкой дороге литовцы и стали бить отставших с обозами». Трубецкой послал против врага князя Пожарского с его полком, дав ему также сотни и рейтарские роты из своего полка и полка князя Долгорукова, приказав разбить неприятеля. Сам Трубецкой также повернул к Тинковичам, а Долгорукову и Измайлову велел идти вперед, к Клецку, опасаясь прихода литовских хоругвей из Несвижа и Ляхович.

В тот же день у Пожарского с литовцами был бой у Тинкович, противник был разбит наголову, взяты «языки». Князь преследовал бежавших литовцев 7 верст до болота⁵⁰. В плен были взяты ротмистры, поручики и рейтары - всего 172 чел., знамена и литавры. Кроме того, удалось отбить ранее взятых в плен русских людей. Пленные литовцы показали, что разбитые под Тинковичами 11 хоругвей посполитого войска (более 1 тыс. чел.) были посланы из Новой Мыши воеводой Новогрудка Петром Вяжевичем. Сам Вяжевич в то время стоял в Новой Мыши, в 40 верстах от Клецка.

30 августа 1655 года Трубецкой отправил против г. Мышь князя Долгорукова и Измайлова с полками, дав им также из своего полка голов с сотнями и рейтарские роты. 31 августа они были у Мыши, разбили бывших там литовцев. Направляясь к Мыши, Долгоруков подошел к Ляховичам, сжег посады и слободы у города. Вяжевич со своим отрядом бежал из Мыши к Бресту, за сутки до прихода русских. Из Новой Мыши Долгоруков пришел к

Столовичам, где высек оказавших сопротивление литовцев и выжег город.

4 сентября Трубецкой, встав лагерем у Клецка (в 50 верстах от Слуцка), оставил у себя пехотные полки, 4 сотни дворян и 2 роты рейтар, а «товарищей своих послал войною до Слонима по невоеванным местам» уничтожать отдельные отряды противника, продолжающие оказывать сопротивление. Воеводы ходили «за Слоним верст за 20», взяв замок Мир и другие небольшие города. К 10 сентября конные полки вернулись в лагерь, по пути овладев Слонимом. Дождавшись своих, Трубецкой повернул со всей армией к Клецку. Осенью 1655 года полки Трубецкого вернулись в Могилев. Военные действия продолжались только под Слуцком и Старым Быховом.

К концу 1655 года русские войска овладели Вильно, Ковно, Гродно и дошли до Бреста. Почти все земли Великого княжества Литовского (территория современной Беларуси и части Литвы) оказались под властью московского царя. Новый гетман литовского войска – Павел Сапега, не решаясь продолжать войну и заявляя о готовности принять царское подданство, направил в Москву своего представителя.

В ноябре 1655 г., уже будучи в Москве, князь Пожарский участвовал в переговорах с посланником гетмана Сапеги - Глядовицким. На приеме Пожарский заявил литовцу, чтобы он, «когда будет у государя, отнюдь не называл Сапегу гетманом Великого княжества Литовского, а если назовет, то его вышлют с великим бесчестьем и отпуску ему не будет: так он бы гордость свою отложил, да и то ему говорено, за какие гордости смирил бог коро-

ля их и панов радных, как посыланы были от великого государя великие и полномочные послы и посланники к королю, и король ни в чем не исправился, и за то, сами видите, как бог его смирил: покинувши все, с немногими людьми убежал в венгерские горы, но и там ему места нет; сенаторам бы вашим и вам всем давно поискать государственной милости, ехать самим к великому государю и милости просить не пересылкою»⁵¹.

Намекая на бегство польского короля Яна Казимира из своей страны, князь бросил посланнику: «Ты говоришь, что королю присылать о мире к государю, но где вашего короля сыскать?»

Глядовицкий отвечал: «Воля божия совершилась; кто бывает на коне, тот бывает и под конем, а уж без пана нам не быть, не тот пан, так другой».

На это Пожарский сказал: «Время вам бить челом великому государю, а не искать другого государя, и великий государь вас пожалует каждого по вашему достоинству; скажи нам последнее: как тебе гетмана назвать?»

Глядовицкий ответил: «Изговоря государское именование и титуло, скажу: посланный от Павла Сапеги, гетмана великих войск литовских».

Пожарский возразил ему: «Говори: гетмана великих войск, а литовских говорить тебе непристойно». Глядовицкий упрямо не соглашался и не был допущен к царю⁵².

25 ноября Глядовицкий был у бояр и думных людей. Бояре сказали ему, что Сапега подписался гетманом Великого княжества Литовского «непристойно», поскольку ему «подлинно известно, что даровал бог великому госу-

дарю нашему взять у его королевского величества всю Белую Русь и стольный город Вильну, и государь наш учинился на всей Белой России, и на Великом княжестве Литовском, и на Волыни, и на Подолии великим государем». Еще 1 сентября патриарх Никон прислал царю благословение писаться «Великим князем Литовским». Государь с тех пор стал подписываться как «Всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец»⁵³. (стр. 54)

12 января 1656 года Семен Пожарский был на именинах царевны Татьяны в Передней палате, а вскоре после этого пожалована ему за литовскую службу «шуба атласная золотая, кубок и придача к его окладу»⁵⁴.

Вторжение шведов в Речь Посполитую летом 1655 года изменило планы Москвы. Не закончив войну с польским королем, царь Алексей Михайлович решил начать борьбу с агрессивной Швецией, которая стремилась к территориальным захватам в Польше и Литве.

* * *

12 февраля 1656 г., для похода против шведов на Дерпт (Тарту, Юрьев), в Новгород были назначены воеводы князя А.Н.Трубецкой, Ю.А.Долгоруков, С.Р.Пожарский. Вскоре шведский гарнизон в Дерпте был осажден русскими полками. «Организуя осаду, Трубецкой не забывал о безопасности лагеря. По Ревельской и по Нарвской дорогам были посланы отряды И.И. Сунбулова и кн. Л.К. Шеховского, состоящие из сотенных, рейтар и драгун. Отряд Шеховского не встретил противника, а из сведений от местных жителей, узнал, что немногочисленные шведские отряды укрыли в Лаисе. Совсем иные вести

привез Сунбулов. По сведениям крестьян, в мызе Карбере (25 верст от Юрьева) располагалось «немецких людей 23 хорунги конных и пеших»⁵⁵. 21 августа Трубецкой послал против шведов сводный отряд «изо всех полков голов с сотнями и рейтар и драгунов» под командованием кн. С.С. Горчакова. Прикрывать его был отправлен воеводский полк кн. С.Р. Пожарского. Пожарский был одним из самых активных и смелых «товарищей» Трубецкого, не раз оказывавшийся на острие атаки всего полка. Выбор его в качестве руководителя посылки, показывает, насколько серьезно отнесся главный воевода к угрозе со стороны шведского отряда. Численность русских войск составляла около 3.000 человек, что, как казалось, должно было обеспечить превосходство над 2.000 шведов. При приближении русских войск, противник отступил к мельнице Пиба. Мельница располагалась в очень удобном месте «от тое мельницы версты за три через болото мосту нету, а обойти то место другими дорогами нельзя». Кроме того, к прежним силам, по сведениям крестьян, добавилось подкрепление из Ревеля»⁵⁶.

Дальнейший ход военных действий против шведов освещен в «Книге сеунчей»:

«Октября в 12 день, писали к государю царю... из под Юрьева Ливонского бояре и воеводы князь Алексей Никитич Трубецкой с товарищи, (что) сентября в 13 день писал к ним из Новаго городка воевода князь Кирило Шаховской: посылал де он князь Кирило под Немецкий город Гавье*

* Гавье (Адзель, совр. Гауена), Пыльцом (Оберпаллен, совр. Пыльтсамаа), река Пиба (Пипа) по-эстонски называется Пийбе.

государевых ратных людей для промыслу над немецкими людьми, и Божьей милостью... города Гавье осадные сидельцы государю добили челом и город сдали.

Да он же де боярин и воевода князь Алексей Никитич по вестям посылал товарища своего окольного и воеводу князя Семена Романовича Пожарского, а с ним ратных людей, под Немецкой городок под Пыльцом, а из под Пыльцома велел ему окольному и воеводе идти для промыслу ж над немецкими людьми на мельницу Пибу, потому что та мельница от города Пыльцома близко, и сентября де в 23 день, писал к нему из посылки окольных и воевода князь Семен Романович, что он к городку Пыльцома не пошел, для того, что по скаске взятого мужика в городе Пыльцома прибылых немецких людей нет, а пошел де по вестям на немецких людей на реку Пипу, и пришед к реке Пипе к мосту с немецкими людьми бились, и к мосту приступали, и милостью Божией государевы ратные люди на реке Пипе немецких людей многих побили, и языки поймали, и за рекою Пипою села и деревни пожгли и гнали за ними по Юрьевской дороге, и, догнав немецких людей у засеки потому ж многих побили и языки поймали и засеки розсекли. А с тою службою и с сеунчом к государю боярин и воевода князь Алексей Никитич Трубецкой с товарищи послали новгородца Ивана Матвеева сына Милюкова»⁵⁷.

В октябре 1656 года шведский гарнизон Дерпта капитулировал перед войском Трубецкого. Старинный русский город Юрьев, основанный еще киевским князем Ярославом Мудрым, перешел под власть царя Алексея Михайловича.

В апреле 1657 года Пожарский присутствовал на новопоставлении Рязанского и Муромского архиепископа, а затем был оставлен «Москву ведать в государево отсутствие на Воробьевы горы»⁵⁸.

К весне 1658 году война России со Швецией стала затихать, но мир так и не наступил. Уже осенью того же года возобновилась борьба с Речью Посполитой за Украину и Белоруссию.

Измена гетмана И.Выговского и миф о «резне» в Сребном (1658-59)

В 1658 году успешный для России ход русско-польской войны за Украину и Белоруссию был нарушен казацким мятежом на Украине. Гадячский договор, заключенный гетманом Войска Запорожского Иваном Выговским с польским королем Яном Казимиром в сентябре 1658 г., предусматривал возвращение Украины в состав Речи Посполитой.

Действия Выговского были справедливо расценены в Москве как измена, т.е. акт предательства по отношению к русскому царю, нарушение присяги подданным государя. Данное соглашение было выгодно казацкой старшине, но совсем не учитывало интересы большинства населения Гетманщины – украинских земель в пределах бывших польских Киевского, Черниговского и Брацлавского воеводств. В сепаратистском стремлении к отделению от России, изменник не нашел широкой народной поддержки. Ложью и репрессиями ему удалось привлечь

на свою сторону часть рядовых казаков. Тем не менее, несмотря на все усилия мятежника, гетманские полки были слабыми и малочисленными. В пользу этого тезиса свидетельствуют постоянные поражения Выговского во всех боевых столкновениях с русскими войсками (под Киевом, Пирятиным, Варвой) в 1658 г. От скорого и полного разгрома его спасли лишь орды крымского хана и коронные польские хоругви. Против разрыва с Москвой выступила большая часть казачества, что, в конечном итоге, привело Выговского к краху и к отречению от булавы.

Принятое в современной украинской историографии определение этих событий как «Украинско-российская война 1658-1659 гг.»⁵⁹ является надуманным и не отражает характера данного социально-политического явления, фактического соотношения сил и состава противоборствующих сторон, задействованных в разгоревшемся конфликте. Еще в декабре 1657 года греческий митрополит Колоссийский Михаил, проехавший по Украине, рассказывал в Москве, что «гетмана Ивана Выговского заднепрские черкасы любят. А которые по сю сторону Днепра, и те де черкасы и вся чернь ево не любят, а опасаютца того, что он поляк, и чтоб де у него с поляки какова совету не было»⁶⁰.

В начавшейся гражданской войне сошлись две стороны Днепра, причем украинские казаки, сторонники Выговского, убивали таких же казаков – его противников. Те, кто не желал возвращения под власть Речи Посполитой, просили Москву о помощи и защите.

«Сей Виговский, по властолюбию своему, Российскому государству изменил и много городов, местечек, сел

и деревень Орде на разграбление отдал – малороссийских»⁶¹, - так характеризовал мотивы изменника автор «Хронологии высокославных ясновельможных гетманов».

События на Украине 1658-1659 гг., связанные с изменой гетмана Войска Запорожского И. Выговского, следует расценивать как казацкий мятеж подданных русского царя - гетмана и части старшины Войска Запорожского. Он был лишь эпизодом русско-польской войны 1654-1667 гг. В пользу определения этих событий как «казацкого мятежа» свидетельствует и тот факт, что даже такой авторитетный для украинских историков источник как казацкий летописец Самойло Величко, называет их мятежом. Гетман Иван Выговский, писал он, государю «изменил, и откинулся до поляков, наведши на Украину Малороссийскую великое злоключение, многий мятеж, кровопролитие и крайное разорение»⁶².

В сентябре 1658 года Пожарский получает назначение в Севск⁶³. На этот раз его полк отправляется на юго-западную границу для борьбы с Выговским. В дальнейшем, зимой 1658-59 гг., вместе с воеводами князьями Ф.Ф.Куракиным и Г.Г.Ромодановским, Пожарский принял участие в боях с мятежниками и союзными гетману крымскими татарами под Лохвицей.

Еще в начале 1659 года в Москве был решен вопрос о направлении на Украину армии под командованием князя А. Н. Трубецкого. Уже 13 января Трубецкой, с двумя стрелецкими приказами, выступил из Москвы в Севск.

Предстоящий поход не был карательной акцией, как сегодня пытаются представить его украинские историки

Ю. А. Мыщык, В. С. Степанков, А. Г. Бульвинский и др. Вооруженные силы, как говорилось в царском указе, предназначались для «успокоения междоусобия подданных его, Великого Государя, Войска Запорожского жителей». Следуя инструкциям из Москвы, воевода как можно меньше старался прибегать к силовым методам. Вместо решительных действий, он начал долгие безрезультатные переговоры с представителями Выговского о мирном урегулировании конфликта.

Попытки некоторых украинских историков обвинить Москву в том, что сила стала «основным козырем в царской игре с Украиной»⁶⁴, противоречат фактам. Алексей Михайлович постоянно шел на уступки Выговскому, до последней возможности старался найти способ мирного решения конфликта. Напротив, гетман начал военные действия против русских войск (две осады Киева, нападения на порубежные русские крепости, поощрение набегов черкас-мятежников и татар на московские земли).

Военный союз Выговского с враждебным России Крымским ханством представлял серьезную угрозу для южных границ Московского государства. Именно этим обстоятельством, прежде всего, и был вызван поход большой русской армии на Украину.

Непосредственно поводом для похода стали участвовавшие сообщения верных Москве казаков о подготовке нового нападения Выговского на Киев. Стремясь предупредить новый удар по Киеву, русское войско во главе с князем А.Н.Трубецким по царскому указу направилось в «Черкасские города».

Целью князя А. Н. Трубецкого снова стал Переяслав. Причинами похода были следующие обстоятельства: необходимость защиты малороссийских подданных царя - «черкас, которые Великому Государю служат», от разорения их городов и сел сторонниками Выговского и крымскими татарами; блокада русского гарнизона, дислоцированного в Киеве и сообщения о подготовке нового нападения Выговского на город; участвовавшие разбойничьи набеги казацких и татарских отрядов на пограничные города и уезды юга России, и, соответственно, стремление предупредить возможное большое вторжение гетманских войск и крымских татар в московские земли.

В сложившихся условиях ввод русских войск в «черкаские города» стал неизбежным. Восстановить контроль над территорией мятежных полков Гетманщины, без активных наступательных действий, было невозможно.

В апреле 1659 г. князь Семен Романович Пожарский совершил рейд на Сребное, где разгромил Прилуцкого полковника П.Дорошенко. Сребное (по-русски – «Серебряное») в то время было сотенным городом в Прилуцком полку. Миф о «резне» якобы устроенной русскими войсками в Сребном в отношении «мирного украинского населения» кочует из одной работы в другую. Данную тему эксплуатируют не только украинские журналисты, но и известные историки. При этом они нисколько не утруждают себя поисками истины. Поэтому автор считает необходимым остановиться на истории появления данного мифа.

Начало мифу о «резне», якобы устроенной в Сребном Пожарском, было положено еще в конце XIX века. В своей известной работе «Гетманство Выговского», известный историк Н.И. Костомаров, ссылаясь на некоего «малороссийского летописца» утверждает, что «прилуцкий полковник Дорошенко хотел загородить москвитянам дорогу, но товарищ Ромодановского, отважный князь Семен Иванович Пожарский, поразил его под Срибным. «Дорошенко, - говорит летописец, - словно заяц бежал по болотам, спасаясь от гибели, а князь Пожарский приказал перерезать всех жителей местечка Срибного»⁶⁵.

Анализ работ Костомарова приводит к выводу о том, что он часто грешил простым переписыванием (компиляцией) малодостоверных источников без должного критического анализа. Кроме того, Николай Иванович нередко домысливал неясные моменты того или иного события, информации о котором было недостаточно. В 90-е годы прошлого века, на волне националистической истерии в украинской исторической науке, многие видные исследователи (В.А.Смолий, В.С.Степанков, Ю.А.Мыщук, О.М.Апанович и др.) ранее прилежно освещавшие события с марксистско-ленинских позиций, вдруг неожиданно изменили свои взгляды и стали украинскими самостийниками и «патриотами». Если раньше, в своих работах они восхваляли сторонников русско-украинского единства (М.Пушкаря, Я.Барабаша и др.), то теперь эти люди стали для них «холоуями Москвы», а

предатели (И.Выговский, И.Мазепа), причинившие много зла своему народу – героями и борцами за «независимую Украину».

Согласно новой концепции украинской исторической науки, русская армия, пришедшая в 1654 году на Украину по просьбе гетмана Богдана Хмельницкого для защиты от польских войск, вдруг стала «оккупационной» и «карательной». В поисках «зверств москалей» в отношении мирного населения Гетманщины, украинские историки вспомнили и о взятии русскими Сребного. Так, в частности, в работе, посвященной Конотопской битве, видный киевский историк О.М.Апанович писала, что: «Князь Пожарский приказал вырезать всех до одного жителей местечка Сребного»⁶⁶.

Вопрос о том, откуда взялась эта неоднократно повторенная история, не вызывающая сомнений у украинских ученых, даже не поднимался. Никакой ссылки на первоисточник все вышеназванные авторы не приводят, но со слов Костомарова о «малороссийском летописце» можно найти начало этой истории.

Речь идет о Летописи Самойло Величко, который сам не мог быть очевидцем данного происшествия, поскольку в то время еще не родился. Добавим также то, что его летопись была написана не ранее начала XVIII века. Она содержит не мало выдуманных событий (например, некую победную битву гетмана И.Брюховецкого над польским королем Яном Казимиром под Глуховом в 1664 году) и ссылки на мифический первоисточник – летопись «секретаря» Б.Хмельницкого – некоего Самуила Зорки, ко-

торая, по мнению большинства авторитетных ученых, никогда не существовала.

И вот на сведения о «резне» в Сребном, якобы имеющиеся в летописи Величко, косвенно ссылался Костомаров, а за ним и другие историки, как на истину в последней инстанции. При обращении к оригинальному малороссийскому тексту опубликованного источника – летописи Величко, читаем следующее:

Выговский собрал к себе «войско козацкое и ордынское, желая с ним идти к Лохвице на Ромодановского. Он послал на Левобережье ординанц свой до Прилуцкого полковника Дорошенко, чтобы тот с полком своим встал в городе Сребном, а Нежинскому (полковнику) Гуляницкому приказал с полком своим стать в Конотопе, для воспрепятствования сил российских, если бы они вновь двинулись от Москвы и Путивля к Ромодановскому в Лохвицу. По этому ординанцу Выговского названные полки на указанных местах встали. Тогда, между «пререченными святыми светловоскресенскими» князь Ромодановский, с другими князьями и гетманом Беспалым и со всеми войски своими, с Лохвицы в поле вышедши, отправил от себя с значною войска московского партиєю князя Пожарского до Сребного, на Дорошенка полковника Прилуцкого, который князь там прибавши без великого труда город Сребное достал, жителей тамошних одних вырубил, а других в полон забрал со всеми их пожитками; а казаков полку Прилуцкого там бывших погромил и распудил так, же сам полковник их Дорошенко, як заец по болотам тамошних гонений, заледво бегством спасся от беды своея

тогдашня. Князь Пожарский дело свое помисле над Сребным справивши, повернул оттоль до енарального обозу к Ромодановскому в Лохвицу»⁶⁷.

Далее по тексту, описывая поражение русских в известной битве под Конотопом (28 июня 1659 г.) Величко объясняет его «божьем возмездием» князю Пожарскому за пролитие «невинной крови» мешчан города Сребного:

«И так невинное крове мешканцов сребрянских пролитие, и города разорение, чрез Пожарского станулое, взаимне, богу тако изволшу, разорением и кровию войска и самого его наградилося»⁶⁸.

Заметим, что даже Величко не утверждает, что Пожарский «приказал вырезать всех до одного жителей местечка Сребного», нет такого в тексте. Если все погибли, то кого тогда «в полон забрали»? Летописец говорит лишь о гибели и пленении жителей Сребного в ходе взятия города приступом.

Таким образом, сообщение Величко нельзя считать доказательством поголовного избиения гражданского населения в Сребном, хотя именно это и делали некоторые украинские ученые.

В материалах Разрядного приказа, находящихся в РГАДА, сохранились документы, относящиеся событиям, связанным со взятием Сребного отрядом князя С.Р.Пожарского. Это отписка князя Ф.Ф. Куракина, в подчинении которого находился князь С.Р.Пожарский, и челобитная царю князя Г.Г.Ромодановского с жалобой на Куракина в «безсоветье» при ведении боевых действий. Формально Ромодановский подчинялся Куракину, но имел

Русские доспехи XVII в. Московская Оружейная палата

Терлик – служебный кафтан московских чинов

Вооружение знатного крымско-татарского воина XVII в.

Худ. М.Хмелько. «Навеки с Москвой, навеки с руским народом» (Переяславская рада 1654 г.)

Царь Алексей Михайлович. Портрет 1672 г.

Зерцальный доспех царя Алексея Михайловича 1663 г.

Гетман Иван Выговский. Портрет XVII в.

под своим командованием отдельное тактическое соединение – Белгородский полк, более многочисленный, чем все воинские силы, бывшие с Куракиным.

Начало событий под Сребным подробно изложено в челобитной Ромодановского. Так, князь Г.Г.Ромодановский пишет, что в январе 1659 года велено было ему на службе «быть со столником и воеводой со князем Федором Федоровичем Куракиным» в Лохвице⁶⁹.

12 января, к полкам Ромодановского, стоявшим на зимних квартирах в Лохвице, из Севска пришло русское войско князей Ф.Ф.Куракина, С.Р.Пожарского, С.П.Львова. Соединенные силы находились в Лохвице до середины апреля 1659 года, когда по приказу главнокомандующего князя А.Н.Трубецкого, все подчиненные Куракину полки были направлены к осажденному русскими войсками Конотопу.

Во время пребывания Ромодановского и Куракина войск в Лохвице, сторожевые сотни принесли вести о том, что изменник гетман И.Выговский прислал верного ему Прилуцкого полковника Петра Дорошенко с его полком в Сребное. «В нынешнем, государь, во 167 году апреля в 5 день пришли в Сребренное твои великого государя изменник Прилуцкой полковник Дорошенко со многими черкасы...»⁷⁰, - докладывал позднее в Разряд князь Ф.Ф.Куракин.

Князь Г.Г.Ромодановский писал, что это известие было получено три дня позднее. 8 апреля воеводам «ведомо учинилось», что «великого государя изменник Прилуцкой полковник Петр Дорошенко со всеми Прилуцкого полку людьми пришел в Сребренное и ис Сребренова пошел войною до Лохвицы»⁷¹.

Взятый позднее в бою сотник Прилуцкого полка В.Черкасов в расспросе сказал, что «полковник Дорошенко со всем своим полком прислан в Сребренное», для того, чтобы «приходить ему под таборы государевых ратных людей», т.е. атаковать и беспокоить русские полки, дислоцированные в Лохвицком лагере.

По приказу князя Куракина, князь Ромодановский послал против Прилуцкого полковника своего товарища стольника и воеводу Петра Скуратова с ратными людьми, а Куракин направил своих товарищей князей С.Р.Пожарского и С.П.Львова и их полков сотенных городов дворян и детей боярских каширян, рязанцев и тулян (всего 6 сотен) и драгун полка Христофора Юкмона во главе с капитаном⁷².

Полковник Петр Дорошенко пришел в село Голенка, намереваясь внезапно напасть на Лохвицу, но, узнав о направленных против него силах, «побежал» к Сребному. Воевода Петр Скуратов с ратными людьми ходил за полковником «до Сребреново города до села Карпиловки. После происшедшей между ними стычки, того же дня (8 апреля) Дорошенко «ушел в Серебряной»⁷³.

С целью ликвидации возникшей угрозы, князь Куракин под Сребное, «за теми черкасы посылал товарища своего околничего и воеводу князя Семена Романовича Пожарского со всем ево полком».

Кроме отрядов, находившихся в непосредственном подчинении князя Пожарского, главный воевода направил на его усиление из своего полка и полка князя С.П.Львова сотни дворян и детей боярских, московских стрельцов и драгун. Князь Ромодановский также выделил из своих

полков на помощь Пожарскому сводный отряд по началом воеводы Петра Скуратова, послав с ним «сотенных голов стряпчего Григорья Иванова сына Косагова с ерталульной ево сотнею да с охочими людми», белгородский полк московских стрельцов, городских дворян и детей боярских, копейщиков, рейтар, солдат и драгун.

Всего с князем С.Р.Пожарским против Дорошенко выступили: 20 сотен дворян и детей боярских, 2 роты копейщиков, рейтарская шквадрона, 3 приказа московских стрельцов, приказ белгородских стрельцов, 4 шквადроны четырех солдатских полков, драгунский полк (две шквадроны) и 3 драгунские роты, а также «охочие люди»⁷⁴. Общую численность отряда можно оценить примерно в 8.400 конных и пеших воинов.

Впоследствии, после возвращения Пожарского и Скуратова из рейда на Сребное, князь Куракин со слов воевод рассказал о походе в отписке, посланной в Разряд.

Казаки Дорошенко встретили противника хорошо организованной обороной, укрепившись на переправах через реку Лысогор, протекавшей с юго-восточной части местечка Сребного. Рано утром воеводы пришли «под Сребренное с твоими великого государя ратными людми апреля в 13 день на первом часу дни, и под Сребренное переправы злыя, и на тех переправах Прилуцкой полковник Дорошенко со многими черкасы с твоими великого государя ратными людми билися, а как ту переправу твои великого государя ратные люди, отбив черкас, перешли в третьем часу дни, и полковника Дорошенка со всем ево полком вбили в город»⁷⁵.

В результате двухчасового боя на переправах казаки потерпели поражение и бежали под защиту укреплений Сребного. Русские пошли на штурм города, «воевода князь Семен Романович Пожарский со всеми твоими великого государя ратными людьми велел к городу приступать, и твои великого государя ратные люди к городу приступали жестоким приступом, и, Божией милостью... город Сребное взяли часу в шестом дни, и в городе черкас побили, и знамена, и бунчук и пушки медные и пищали затинные и трубы и литавры поимали, да начальных, государь, людей двух человек сотников да отамана, а достальные государь начальные люди в приступе все побиты...»⁷⁶.

Князь Г.Г.Ромодановский, в своей челобитной сообщил, что русские полки «пришед, государь, под город Сребное взяли полковниковы знамя, и бунчук, и де десять знамен сотниковы, да сотников трех... трубача полковникова, да казаков, а полковник Петр Дорошенко ушел из города в болота пеш»⁷⁷.

Данное сообщение подтверждает сведения из летописи Величко о том, что полковник Дорошенко «як заец по болотам тамошних гонений, заледво бегством спасся от беды своя тогдашня». «Последний истинный казак» - как позднее называли Дорошенко украинские самостийники, спасаясь бегством, умудрился потерять даже полковое знамя.

Когда шесть лет спустя Дорошенко стал гетманом Войска Запорожского, то попытался отдать Украину под власть турецкого султана. Из данного предприятия ничего не вышло, татарские орды вконец опустошили земли Гет-

манщины, но украинские националисты считают его своим героем и «борцом за воссоединение всей Украины».

В отписке князя Куракина также сказано о судьбе Сребного в ходе штурма: «а город, государь, в приступное время зажгли, и город и посад выгорели, а церковь в то время от пожару огнем разорена»⁷⁸. Князь Ромодановский сообщает, что все взятые в бою «языки» (пленные), знамена и литавры были посланы «к великому государю, к Москве»⁷⁹.

Потери русских в ходе сражения были небольшими: «а на бою государь и на приступе твоих великого государя ратных людей побито 10 человек, да ранено сорок девять человек»⁸⁰. О потерях противника данных нет, но вероятно основная часть Прилуцкого полка рассеялась, не оказав серьезного сопротивления русским. Уже 14 апреля князь Пожарский и Скуратов вернулись в русский лагерь в Лохвице.

Таким образом, из сообщений о взятии Сребного видно, что деревянный городок был слабо укреплен и взят без особого урона. В ходе боя не было ожесточенного сопротивления гарнизона и больших потерь. Деревянная крепость во время штурма была зажжена, городские постройки вокруг крепости - "посады", также выгорели. При таких обстоятельствах жертвы среди мирного населения были неизбежны, в такой ситуации их просто не могло не быть при любом раскладе.

В то же время нет никаких данных о том, что после взятия Сребного русскими была организована резня мирных жителей. Взятые в плен казаки и мещане были от-

правлены в Москву, а в дальнейшем, что наиболее вероятно, в новые места поселения. По-видимому, в ходе сражения погибло несколько сотен казаков и «сребренцов» т.е. мещан, взявших в руки оружие и оказавших сопротивление русским. Упомянутый сотник Прилуцкого полка В.Черкасов, взятый в плен русскими, в расспросе сказал, что «было с ним Дорошенко козаков и сребренцов всех с пять тысяч...»⁸¹.

Упоминание «сребренцов» - т.е. людей проживающих в Сребном, отдельно от казаков, свидетельствует о том, что речь идет о мещанах – городских жителях. Сребненская казачья сотня входила в состав Прилуцкого полка и называть ее отдельно не было необходимости. Это означает то, что городские жители также приняли участие в боях в ходе последующей обороны города.

Судить Пожарского за «невинное крове мешканцов сребрянских пролитие, и города разорение», нельзя уже в силу того факта, что сребренцы оказали вооруженное сопротивление, т.е. непосредственно приняли участие в бою. Миф о том, что князь Пожарский «приказал перерезать всех жителей местечка Срибного» - не подтверждается никакими достоверно известными фактами, и опровергается другими, пусть и косвенными свидетельствами.

В заключение можно сделать вывод о том, что миф о сребренской «резне» возник из сочинения Н.И.Костомарова о гетманстве Выговского. Историк, не раз уличенный в недобросовестном исследовании источников и простой компиляции работ других исследователей, мягко говоря «сгустил краски» при описании взятия Сребного

князем С.Р. Пожарским. Несмотря на утверждение Н.И.Костомарова и ряда украинских историков, можно с уверенностью утверждать, что никаких особых эксцессов, помимо тех, что случаются при взятии сопротивляющихся крепостей, в Сребном не произошло.

Осада Конотопа 20 апреля – 27 июня 1659 г.

Русское войско в кампании весны-лета 1659 г.

26 марта 1659 года князь А. Н. Трубецкой, закончив сбор своей армии в Севске, двинулся на Украину. Между тем было получено сообщение о том, что наказной гетман Г. Гуляницкий с Нежинским полком укрепился в Конотопе. Выговский, рассказывали ратные люди, «Гришку Гуляницкого с черкасы и с татары прислал в Конотоп, откуда они приходят «под Путивль и под Рылеск и под Севск, и тех городов в уездах и села и деревни жгут и разоряют, и людей побивают, и в полон емлют»⁸².

12 апреля войско Трубецкого выступило из Константинова к Конотопу. В материалах Разрядного приказа сохранилась роспись его полков на 11 апреля 1659 г., т.е. фактически на начало похода. Общая численность армии Трубецкого на начало похода составила примерно 12.300 человек. 18 апреля князь Трубецкой и гетман Беспалый с полками «пришли к селу Подлипне, от Конотопа в трех верстах», и «оставя обозы под тем селом Подлипном, апреля же в 19 день с государевыми ратными людьми пошли к Конотопу для осмотра мест, где стать обозом блиско города».

20 апреля русские полки уже были под Конотопом. Город был хорошо укрепленной крепостью. Трубецкой предложил Гуляницкому прекратить сопротивление и сдать Конотоп. Изменник приказал открыть огонь «из пушек и из мелкокаричного ружья». Получив отказ, князь велел своим стрельцам и драгунам начать подготовку к штурму. Трубецкой и другие воеводы, под городом «устраиваясь в обозы, велели полковником и головам стрельцким с стрельцами и драгунским полковником с драгуны вести к городу шанцы и в шанцах поставить наряд».

Началась долгая осада Конотопа. С мятежником Гуляницким было 4 тысячи человек из Нежинского, а также частично Черниговского и Кальницкого полков. Искусной ложью и насилием, он сумел убедить казаков, что царское войско пришло затем, чтобы «гетмана и казачью старшину позабавати, права и вольности их поломати, казаков крестьянами вечными сотворити», жестоко расправляясь с теми, кто не хотел войны с Москвой.

21 апреля под Конотоп из Лохвицы прибыл князь Ф. Ф. Куракин «с товарищи и с государевыми ратными людьми». Трубецкой велел им «стать под Конотопом по другую сторону города и, устроив обозы, вести к городу шанцы ж и в шанцах поставить наряд»⁸³.

Полки князя Г. Г. Ромодановского («белгородские») расположились отдельным табором*, к западу от крепости. Таким образом, с трех сторон Конотоп был плотно окружен тремя осадными лагерями, а с четвертой, вос-

* Это следует из сообщения поляка Т. Корчевского, «Авиз из табора» и реляции И. Выговского о битве.

точной стороны, протекала болотистая и труднопроходимая река Езуч.

В состав трех основных военных группировок, сосредоточенных в трех осадных лагерях, в апреле-июне 1659 года входило 6 «воеводских полков», разных по составу и численности. Наиболее многочисленной группировкой был «Большой полк» во главе с самим князем Трубецким, вторым по числу бойцов являлся «Белгородский полк» князя Ромодановского, и самой слабой была группа князя Куракина.

1) Большой полк (около 12302 чел.)⁸⁴, включал два «воеводских полка» под командованием боярина и воеводы князя А. Н. Трубецкого, а также воеводы и окольного А. В. Бутурлина. В большой полк входили сотни дворян и детей боярских Москвы, а также 26 «замосковных» и «заокских» городов, рейтарские полки В.Змеева и А.Г.Фанстробеля, драгунские полки С.Брынкина, И.Мевса и Я.Гевиша Фанговена, московские стрелецкие приказы С.Полтева, А.Матвеева, Ф.Александрова и А.Мещеринова. Поместная конница воеводского полка князя А. Н. Трубецкого была расписана в 40 сотен (1 подъезжую, 9 московских и 30 городских), а дворяне и дети боярские А. В. Бутурлина – в 9 сотен⁸⁵. На 11 апреля 1659 г. у Трубецкого было 40 полковых орудий.

2) Белгородский полк (7333 чел.)^{***} окольного князя Г. Г. Ромодановского и двух подчиненных ему воевод П. Д. Скуратова и Л. П. Ляпунова⁸⁶.

^{***} Кроме бывших под Конотопом, еще 1698 чел. из Белгородского полка находились в Черкасских городах.

В состав полка входили дворяне и дети боярские Белгородского разряда, копейная шквадрона, рейтарские шквадроны В.Фангалена и И.Саса, драгунский полк Я.Инвалта, солдатские полки Ф.А.Фанбуковена, Я.Лесли, Я.Краферта, Я.Фанзагера, а также донские казаки и новокрещены. Артиллерия состояла не менее чем из 15 полковых орудий.

3) Группа князя Куракина, условно назовем ее «Рязанский полк» (поскольку больше всего в ней было рязанских служилых людей), включала в себя 3 небольших «воеводских полка» под началом князей Ф. Ф. Куракина, С. Р. Пожарского и С. П. Львова. На январь 1659 г. Рязанский полк насчитывал 6472 чел. Точных данных о численности войск у трех князей весной 1659 года найти не удалось. Однако пополнений они не получали. Это следует из сведений о составе входивших в «Рязанский полк» соединений на январь 1659 г. и имеющихся данных о потерях тех же частей бою под Конотопом. С учетом боевых и не боевых потерь в кампании зимы-весны 1659 г., а также отправкой стрелецкого приказа В.Философова в гарнизон Ромен в феврале 1659 г.⁸⁷, общая численность войск в «Рязанском полку» к июню 1659 г. вряд ли могла превышать 5 тыс. чел. В состав «Рязанского полка» входили дворяне и дети боярские Рязани, Каширы, Тулы и Коломны, кадомские, касимовские и шацкие мурзы и татары; московские стрелецкие приказы С.Скорнякова-Писарева, А.Лопухина, З.Волкова и М.Спиридонова, а также драгунский полк Х.Юнкмана. По данным на январь 1659 г. Куракин располагал 8 полковыми орудиями.

Всего, таким образом, весной 1659 года под Конотопом было сосредоточено примерно 24600 человек русских ратных людей. Фантастические цифры из казацких летописей и польских хроник о якобы 150-тысячной, и даже 300-тысячной армии князя А. Н. Трубецкого под Конотопом, не более чем миф, голословно повторяемый в наше время некоторыми украинскими историками.

Под Конотопом также находились верные царю украинские полки гетмана И. Беспалого (около 7 тыс. чел.)*. При этом значительную часть его бойцов составляли казаки-запорожцы. Полтавский полк, а также полки Слободской Украины в осаде Конотопа не участвовали. Их предусмотрительно оставили для обороны «черкасских городов» и местечек на случай вторжения изменников-выговцев, крымских татар и ногайцев.

29 апреля русские войска предприняли неудачный штурм Конотопа, окончившийся значительными потерями (452 чел. убитыми и 2.655 ранеными)⁸⁸. После этого Трубецкой начал неторопливую осаду, которая затянулась почти на два месяца. В ходе осады, в мае 1659 года, полки князя Г. Г. Ромодановского совершили походы на Борзну и Нежин. Русские отряды взяли Борзну и одержали ряд побед в столкновениях с полками ранее упомянутого сторонника Выговского – наказного гетмана И. Skorobогатко.

К началу июня 1659 года положение осажденного гарнизона в Конотопе стало критическим, горожане тре-

* Это следует из сообщения И. Беспалого о том, что в битве погибло около 2 тыс. казаков, в строю после боя находилось 3660 чел., еще около тысячи казаков разбежалось, однако позднее они пришли в Путивль.

бовали от казаков сдать крепость. Гуляницкий опасался бунта местных жителей, которые угрожали ему открыть ворота русским. Взятые на вылазках «языки» говорили, что «хлебных де запасов у всех мало, едят лошади и всякую животину, а что де у мещан было запасов, и козаки де у них отняли и стерегут их накрепко, чтоб 3 и 2 человека вместе не сходились, опасаются де от них сдачи, а воды де у них в городе только один колодезь да три колодезя за городом против полку стольника и воеводы князя Федора Куракина, с водою де у них гораздо нужно»⁸⁹. Русская артиллерия наносила большой урон мятежникам. Перебежавший в лагерь Трубецкого казак рассказывал, что больше всего им досаждали наведенные «с горы, с путивльской стороны, многие пушки», и «от той де стрельбы в городе шкода великая ...и от гранатной де стрельбы им шкода многая есть же». Другой перебежчик из Конотопа говорил, что «у конотопских де сидельцев голод большой... и Гулянецкий де им говорил, будет их до Петрова дня Выговский не выручит, и он де и сам о том станет думать, как сдаться потому, что выручки от него не част»⁹⁰.

Князь Трубецкой «для промыслу над городом велел земляной вал валить ...и для де приступного времени туры изготовили, и на примет дров навозили добре много»⁹¹.

Критическое положение Конотопа подтверждается перехваченными письмами Гуляницкого к Выговскому. Умоляя гетмана о помощи, он в частности писал, что «уж и силы нашей не стало: такие тяжкие и добро крепкие до нас всякого дня и ночи приступы и добыванья чинят; уже и в ров (осаждающие – *И. Б.*) вкопались, и воду от нас от-

няли, и место розными промыслы палят огненными ядрами, а мы пороху и пуль не имеем, чем боронитесь; также живности у казаков ничего нет, и конми все опали. Смилуйся, смилуйся, добродей, скоро поспеши, и помочь нам давайте... Мы, тут будучи так в тяжкой беде, можем неделю как мочно боронитися, а дале не можем содержатися, будем здатися»⁹².

За несколько дней до начала битвы, из Москвы под Конотоп пришли новые воинские соединения. Вышедший из Москвы 16 мая полковник Н. Бауман со своим полком солдатского строя, присоединился к войскам Трубецкого в середине июня 1659 года. Под началом Баумана выступило в поход не более 1500 чел. Кроме его полка, в июне 1659 года под Конотоп прибыли: рейтарский полк Вильяма Джонстона (около 1000 чел.), а также примерно 1500 московских и городских дворян и детей боярских⁹³. Общая численность прибывшего подкрепления, вошедшего в Большой полк, составила около 4000 чел. Подошедшие части с лихвой компенсировали потери, понесенные русскими при неудачном штурме Конотопа 29 апреля.

Большой полк (Трубецкого и Бутурлина), таким образом, накануне битвы насчитывал примерно 16300 чел. Исходя из полученных данных, общую численность всех войск Трубецкого под Конотопом подсчитать нетрудно, это примерно 28600 русских ратных людей и около 7 тыс. казаков Беспалого.

Князь, следуя царским указам из Москвы, надеялся «смирить» мятежного гетмана без решительного боевого столкновения и большого кровопролития. Трубецкой не

смог в должной мере оценить коварство противника и поддался на обман; не организовал разведку и, как результат, не имел представления ни о численности войск неприятеля; ни о подходе на помощь гетману крымско-татарской орды во главе с ханом; плохо представлял себе местность, на которой в дальнейшем развернулось сражение.

Казацко-татарское войско в Конотопском походе 1659 г.

Гетман Войска Запорожского Иван Выговский выступил к Конотопу с десятью казацкими полками, насчитывавшими в общей сложности порядка 16 тысяч человек⁹⁴.

Полки Выговского были малочисленными (в среднем по 1500 чел. в полку). В частности, известно, что во времена Богдана Хмельницкого каждый полк выставлял в поход от 3 до 4 тысяч казаков. Так, например, согласно приведенному Н. И. Костомаровым польскому источнику, в 1653 году Прилуцкий полк имел в строю 3500 казаков, Черкасский – 3400, Каневский – 4000, Белоцерковский – 4000⁹⁵.

Казаков Выговского отличали низкий моральный дух, слабая дисциплина и общее нежелание воевать против русских войск.

Более боеспособными были наемные части из поляков, литовцев, немцев, сербов, валахов и молдаван. Наемники служили в конных хоругвях и в драгунах. Наемных драгун Выговского, одетых в «немецкое платье», называли «немцами», хотя в основном в их рядах были поляки, литвины и «поляшившиеся» казаки, а «прямых де немцов не много».

Согласно показаниям родственников гетмана – Юрия и Ильи Выговских, позднее плененных русскими, у гетмана под Конотопом было 11 наемных польских хоругвей⁹⁶. Своего двоюродного брата Юрия, гетман сделал полковником и дал ему под начало 4 польские хоругви. Наемные драгуны находились под командой майора Вильгельма Рудольфа (вероятно: фон Клата), прибывшего из Старого Быхова⁹⁷, и майора Яна Зумира. По данным И. Крипьякевича, у Выговского также были сербские и валашские хоругви В. Дрозда и К. Мигалевского⁹⁸.

О численности наемных хоругвей можно узнать из расспросных речей посланных от кн. А. Н. Трубецкого к Выговскому донских казаков Е. Попова и Е. Панова в Путивле (от 19 июля 1659 года), которые во время битвы под Конотопом были в лагере Выговского под караулом. Они сказали, что было тогда «у Выговского... конных хоругвей ляцких 9, по 100 человек и больше, пехоты немецкой (драгун – *И. Б.*) 9 хорунг по 60 человек»⁹⁹. Однако, казачьи полковники Левобережья в сентябре 1659 года сообщали об уничтожении не менее 3 тысяч наемников в Переяславе, Нежине и в Чернигове. По другим источникам, «солдат удачи» у Выговского было от 2 до 4 тыс. чел.

Из состава польского отряда А. Потоцкого, прибывшего на помощь Выговскому в декабре 1658 г., под Конотоп отправился только драгунский полк Йозефа Лончинского. Это была единственная часть коронных войск, участвовавшая в Конотопской битве¹⁰⁰.

В поход к Конотопу «выступили все польские (наемные – *И. Б.*) хоругви, а также шквадрон немецкой дра-

гунии», - отметил автор «Авиз из табора» Выговского¹⁰¹. Основные силы польского коронного войска во главе с самим А. Потоцким были оставлены гетманом под Киевом для блокады города.

Татарское войско во главе с ханом Мухаммед-Гиреем вышло из Крыма 20 мая 1659 года. Хан отправился на помощь Выговскому, взяв с собой нуреддин-султана Адиль-Гирея (второго наследника престола), оставив в Крыму калгу-султана Казы-Гирея (первого наследника).

Согласно сведениям толмача Посольского приказа Терентия Фролова¹⁰², который в то время находился в обозе хана, Мухаммед-Гирей пошел «ис Крыму с нурадыном» и «со всеми с семью царевичи»*. С ханом в поход вышло «крымских татар, и нагайцов, и белгородцов, и азовцов и темрюкских черкас с 60000, а Турского де салтана воинских людей с ним не было; токмо енычар 240 человек, которые живут в Крыме»¹⁰³.

Татарские «языки» позднее говорили, что хан шел «большим собраньем», подтвердив наличие в ханском войске названных Фроловым орд. С их слов то «было самое большое войско, как где на станех станут, и их де было и днем не мочно объехать»¹⁰⁴.

Используя данные реестра крымско-татарского войска 1649 г.¹⁰⁵ и сведения из сочинения Эвлии Челеби, можно произвести лишь очень приблизительный подсчет численности всей орды в Конотопском походе, с изрядной долей условности.

* В то время царевичами были Селим-Гирей, Селямет-Гирей, Сафа-Гирей, Саадет-Гирей, Хаджи-Гирей, Ахмед-Гирей, Мурад-Гирей.

Известно, что в случае личного участия хана в походе, в состав крымского войска обязательно входили: ханская «гвардия» – капыкулу (в середине XVII века, согласно Эвлии Челеби, около 3000 чел.) и сеймены – аналог драгун, вооруженные огнестрельным оружием (не более 4000 чел.); а также уланы – дети крымской знати, феодалы высшего ранга (около 500 чел.).

Перекопский бей (Ор-бей), согласно Эвлии Челеби, непосредственно под своим началом имел около 3000 воинов. Бей самых знатных крымских родов Седжеута, Барына и Аргына (без учета рода Ширина, вероятно не участвовавшего в походе) в то время в совокупности составляли не более 2000 всадников. Ногаи племени Мансура, Малые и Большие Ногаи - 15-20 тыс. воинов. Белгородская (Буджакская) орда по разным данным насчитывала от 5 до 10 тыс. всадников. Численность кавказских горцев из Темрюка, согласно названному реестру, не превышала 200 человек.

Из письма ханского визиря Сефер-газы-аги полтавскому полковнику (июль 1659 г.), о составе союзного войска сказано: «при нас суть великие еще посланки: как турецкие, польские, волоские, мултянские, венгерские войска и калмыцкая орда, которая над Зделем (река Орель) стояла, вошла в землю русскую-киевскую по повеленью нашему...»¹⁰⁶. Интересно то, что участие калмыков в битве под Конотопом отмечено в «Песне о гибели Семена Пожарского». Хан Мухаммед-Гирей в 1658 году писал царю, что «И калмыки, божьей милостью стали наши». Как прокомментировал это письмо В.Д. Смирнов, скорее всего, хан имел

ввиду «какой-нибудь отдельный случай подданства ему одного калмыцкого рода, а не целого народа»¹⁰⁷. Волжскими калмыками тогда правил Дайчин-тайша, верный подданный царя. В то же время враждовавший с ним его младший брат Лаузан-тайша придерживался прокрымской ориентации и вполне мог привести три тысячи своих воинов на помощь крымскому хану. Однако документов, подтверждающих участие части калмыков в сражении на стороне крымских татар, пока не обнаружено. Отметим лишь, что калмыцкая «орда» (т.е. вероятно люди Лаузан-тайши) упоминается на границах Полтавского полка (река Орель) во время Конотопской кампании.

Исходя из анализа имеющихся сведений, можно сделать вывод о том, что названная Фроловым численность крымско-татарского войска (60 тыс. чел.) завышена вдвое. В общей сложности хан привел под Конотоп не более 30-35 тыс. воинов.

Хан Мухаммед-Гирей выступил из Крыма на помощь Выговскому, направив вперед часть орды под командованием нураддина Адиль-Гирея. Другая часть орды под началом самого хана, в авангарде которой шел Карач-бей, двинулась на Голтву. Согласно показаниям толмача Т. Фролова, «нурадын из Крыму вышел преж хана». По его словам, пошел «крымской царь в черкаские города на Голтву, да з Голтвы под Конотоп»¹⁰⁸.

6 июня 1659 г. передовые чамбулы крымско-татарского войска, которые вел Карач-бей, встретились с Чигиринским полком под началом Г. Каплонского под Голтвой. Союзники блокировали бывших там запорожцев и

дейнеков полковника Ивана Силки (около 5 тыс. чел.), а также русский отряд сотенного головы В.Новосильцева (не более 1 тыс. чел.). В ходе происшедшего боя, Силка был разбит и пленен. После этого Карач-бей соединился с войсками хана. Позднее он отдал Силку Выговскому, который приказал приковать храброго предводителя запорожцев к пушке.

24 июня Мухаммед-Гирей и Выговский со своими войсками встретились на Крупич-поле. Толмач Фролов рассказывал, что с Выговским хан сошелся «до Конотопа за два дни, по сю сторону Днепра. И тут хан с Выговским договор учинил. И Выговской де хану присягал на том, что ему со всеми черкасы быть у него в подданстве и в соединении вечно и на всякого недруга стоять заодно»¹⁰⁹.

На пути к Конотопу, Выговский и хан остановились у села Тиница, не доходя до Конотопа примерно 25 км. С целью разведки боем, как сказано в летописи Самовидца, они «из-под Тиницы подъезд добрый выправили»¹¹⁰.

Рано утром 27 июня посланный конный отряд пришел к селу Сосновка, примерно в 10 км. от Конотопа, где находилась переправа через речку Куколку (в летописях неверно называемую «Сосновкой»). Неприятель атаковал сторожевые сотни русского войска, «и Великого Государя ратные люди под деревнею Сосновкою на переправе учинили с ними бой, и те Татаровя и Черкасы от деревни Сосновки отошли»¹¹¹.

В ходе происшедшего столкновения, налет казаков и татар был отбит, однако, как отметил Самовидец, союзники «языка взяли, а люд московский не достал языка»¹¹².

Таким образом, русские воеводы не узнали о соединении полков Выговского и войск крымского хана.

Рано утром, 28 июня, крымский хан Мухаммед-Гирей с большей частью орды, выступил из Тиницы. Он скрытно направился к селу Пустая Торговица, находившемуся в лесном урочище возле Торговицкого болота, примерно в 7 км. на восток от Сосновки. В частности, в летописи Самовидца сказано, что: «июня 28 дня, в среду, рано, Выговский с войском казацким и с польскими хоругвями на Сосновку пошел, а хан с ордами на Пустую Торговицу двинулся»¹¹³.

Выговскому удалось обмануть Трубецкого. Заявляя о готовности к мирным переговорам, он стянул значительные силы к Конотопу с целью помочь осажденному гарнизону.

Битва под Конотопом 28 июня (8 июля) 1659 года

1 этап: Атака князя С. Р. Пожарского на татар у Сосновки, окружение его отряда ордой крымского хана

Утром 28 июня (8 июля по новому стилю) «в другом часу дни» (второй час после рассвета) крымские татары и казаки, снова пришли к Сосновке, а «многие ль люди... – про то подлинно не ведомо». Князь Трубецкой с ратными людьми «вышли за обозы, и от обозов товарищи боярина и воеводы князя Алексея Никитича Трубецкого и столника князя Федора Куракина околничие с государевыми ратными людьми своих полков ходили против тех изменников черкас и татар к деревне Сосновке к переправе»¹¹⁴.

Основные силы русского войска остались под Конотопом. Непосредственно к Сосновке были направлены окольные князья С. Р. Пожарский и С. П. Львов со своей кавалерией. Конные полки князя Г. Г. Ромодановского, обоз которого находился ближе всех к переправе, в случае необходимости должны были оказать поддержку Пожарскому и Львову. (см. план на стр. 114)

Исследователи конотопского боя не учитывают то важное обстоятельство, что по своему служебному положению князь Пожарский не подчинялся Ромодановскому, также как князь Ромодановский – Пожарскому. Каждый из них командовал отдельным воинским соединением и действовал самостоятельно. Малочисленные полки Пожарского и Львова, состоящие только из сотен дворян и детей боярских Рязани, Тулы, Коломны и Каширы, а также драгун были усилены сотнями «московских чинов» и городовых дворян других воеводских полков, рейтарами и драгунами. Согласно «Статейному списку», князья Трубецкой и Куракин послали с Пожарским и Львовым «своих полков голов с сотнями и рейтарских и драгунских полковников с рейтары и с драгуны»¹¹⁵. Отправляя к переправе только конницу и драгун, Трубецкой полагал, что перед ним небольшие силы врага. Командование ударной кавалерийской группой было поручено энергичному и храброму князю С. Р. Пожарскому и его товарищу князю С. П. Львову. При этом Львов был «вторым воеводой», т.е. находился в подчинении Пожарского, что позволяет нам в дальнейшем говорить о действиях «отряда Пожарского».

Отряд Пожарского, отправленный 28 июня к переправе, был сводным, так как включал в себя боевые части из разных «воеводских полков». Кроме конных сотен и драгун, находившихся под непосредственным началом Пожарского и Львова, в состав данной группы (именуемой в документах «подъездом») вошли соединения Трубецкого, Куракина и Бутурлина. Князь Трубецкой направил с Пожарским несколько сотен дворян московских, дворян городовых и детей боярских разных городов, рейтарские полки под началом иноземцев-полковников А. Г. Фанстробеля и В. Джонстона (последний вероятно вел только половину полка, шквадрону) с приданными им драгунскими ротами. Следует отметить, что рейтары, вооруженные и обученные по образцу европейской регулярной кавалерии того времени, были наиболее боеспособной частью русской конницы. В то время рейтарские полки по сути являлись дворянской конницей Нового строя, поскольку состояли они в основном из малоземельных дворян и детей боярских.

О наличии конных сотен Бутурлина в составе «подъезда» позднее свидетельствовали карачевцы дети боярские Г. Ерасов, Б. Подымов и другие. Так, сообщая о ранении своего земляка К. Бовыкина, они сказали в Разряде, что он «Клементий Бовыкин был в полку у окольниковева и воеводы Ондreja Васильевича Бутурлина, написан в подъезде и на том бое был и с крымскими людьми и с черкасы бился»¹¹⁶. Вероятнее всего в состав «подъезда» Пожарского был послан не сам окольниковий А. В. Бутурлин, который, по своему служебному положению не мог быть

подчинен Пожарскому, а его сын – стольник Ефим Бутурлин с несколькими сотнями дворян и детей боярских.

Гетман И.Беспалый также направил с дворянскими сотнями и рейтарскими полками 2 тысячи украинских казаков под началом полковников Г.Иванова и М. Козловского. Исходя из имеющихся данных о численности упомянутых соединений, можно сделать вывод о том, что весь конный отряд («подъезд») Пожарского насчитывал не более 4 тыс. русских ратных людей и 2 тыс. казаков.

Князь Пожарский перешел переправу через речку Куколку, удалившись от нее, а затем атаковал обнаруженных в степи татар и наемников Выговского. Это были чамбулы татар и ногайцев (вероятно не более 6 тыс. чел.) с приданными им Выговским наемными драгунами.

Согласно В. Коховскому, хан оставил с Выговским часть татар под началом нураддина¹¹⁷. Учитывая это, а также показания участника боя, казацкого есаула Семена Черкеса, можно сделать вывод о том, что именно на Адиль-Гирея, молодого и воинственного племянника хана, была возложена задача заманивания русской конницы в засаду. Сам гетман в указанное время к переправе не подходил, оставаясь с полками в Тинице. В своей реляции Выговский не упоминает ни о бое с Пожарским, ни о своем притворном бегстве с целью завлечь противника в засаду.

Пожарский атаковал татар Адиль-Гирея и наемников, нанес им поражение и погнал в юго-восточном направлении. Воевода преследовал убегающего врага, вероятно рассчитывая прижать его к болоту и уничтожить. Упомянутый есаул Черкес, так описывал начало сраже-

ния: «от обозу отошли за 7 верст и, переправу перешед, на татар и на немец ударили смело без опасу, потому что тут объявились люди не само большие, а больших не начаялись, и хотели тех людей снести»¹¹⁸.

Почти все украинские историки (за исключением А. Г. Бульвинского) игнорируют сообщение участников битвы о том, что русские свободно перешли переправу и дали бой за ней. По описанию польского исследователя П. Кроля, все сражение происходило на берегах речки, что неверно. Русские контролировали переправу через Куколку. Турецкий летописец Наима Челеби повествует о том, что на военном совете хана и Выговского было решено: «сделать сперва нападение на неприятелей, занимающих берега (сказанной) реки»¹¹⁹.

Фантастический рассказ В. Коховского, повторенный Н. И. Костомаровым¹²⁰, о якобы сделанной казаками засаде в зарослях, у моста через речку, о скрытном оружии ими рва у переправы, о затоплении луга посредством разрушения моста в тылу русских, не подтверждается другими источниками. Данное описание боя не имеет ничего общего с действительностью. Нет никаких документальных материалов о том, что некий «Стефан Гуляницкий», как пишет Н. И. Костомаров, разрушил мост и запрудил речку. В войске Выговского вообще не было такого полковника, и если даже этот «брат» Григория Гуляницкого существовал на самом деле, его роль в битве никем из очевидцев и летописцев не отмечена.

О том, что бой происходил за переправой, говорит и гетман Беспалый: «А месяца июня 28 дня вестно учини-

лося, что Иван Выговский под Ваше Великого Государя войско подъезд свой посылает; и мы, ... обратившись з бояры против того подъезду, подъезд свой войсковой посылали, с которым войско Выговского и с татары Вашего царского Величества с войском шедшиися за Конотопом в пяти верстах в селе Сосновце, не малый задор и бой за переправую с обе стороны чинили»¹²¹.

Согласно летописи С. Величко, бой также был на левом берегу Куколки (Сосновки), при этом он ошибочно считал, что сам Выговский переходил речку: князь Пожарский «перегнал Выговского за речку названную Сосновку болотную и грузкую, от Конотопа с милю или с полторы, и сам со всем войском за ним перебрался»¹²². На самом деле, как отмечено выше, не Выговский заманивал Пожарского в засаду, а нураддин Адиль-Гирей. Выговский со своими казацкими полками в это время еще находился в Тинице. Нет никаких подлинных документов о том, что гетман и его казаки принимали участие в разгроме отряда Пожарского. (*стр. 115*)

Украинские историки направляют на сосновскую переправу едва ли не все войско Трубецкого, чего, конечно же, быть не могло. Основные силы русской армии (вся пехота и артиллерия, а также часть кавалерии) остались в осадных лагерях под Конотопом. Трубецкой не смог оценить масштаб угрозы и ограничился посылкой к переправе лишь конных частей. В цитируемом выше отрывке сообщения Беспалого сказано, что к Сосновке был послан передовой конный отряд – «подъезд». Это был обычный рейд с целью разведки боем. Аналогичные «вылазки» в ходе

осады воеводы совершали неоднократно. У Пожарского не было ни пехоты, ни артиллерии. Выделенные ему силы предназначались не для «генеральной баталии», а для того, чтобы отогнать и рассеять малочисленного противника.

«Новгородский хронограф» сообщает, что у переправы «нечестиваго бусормана царя хана передовые вестовые малые полки объявились, и о том учиниша ведомость в полках князь Алексея Никитича Трубецкого с товарищи, что подъезжие люди малые тотарские близ их полков за переправую за 12 верст... В то же время окольных князь Семен Романович Пожарской нача говорити князь Алексею Трубецкому: «Я-де еду с своим полком и проведуаю, каковы люди, болшие и малые, а что буде видя против себя, и учиню с ними брань, и я-де бой тотарской знаю, каковы оне на бранех». Той же князь Семен Пожарской собрався со всем полком, что под его подраментом, и поиде против нечестиваго. А говорит князь Алексею Трубецкому: «Каково есть нам, и в тое время мне о сем помощь учини»¹²³.

Инициатива конного рейда с целью разведки боем в хронографе целиком приписывается Пожарскому. Но в этом случае трудно объяснить, почему с ним также были сотни и рейтарские полки, бывшие под непосредственным началом Трубецкого. Следовательно, Пожарский действовал по приказу Трубецкого, который направил часть своих сил для поддержки конного авангарда.

Тот же источник повествует о том, что Трубецкой удерживал Пожарского, говорил ему «чтоб он не ехал (за переправу?), дожидал бы о едином месте. Он же (Пожар-

ский – *И.Б.*) не послушав и поиде с своим полком против нечестиваго варвара. И как будучи у переправы, и в тое время за переправую малые люди показались, и той князь Семен Пожарской поиде за переправу и ополчися против нечестивых, чающее малые люди тут»¹²⁴.

Если Трубецкой запрещал Пожарскому переходить через переправу, то последний, перейдя через речку, конечно, нарушил приказ главнокомандующего. Однако действия Пожарского можно понять и объяснить целесообразностью и крайней необходимостью разведки. Пассивность Трубецкого могла привести к непоправимым последствиям. Главный воевода не имел представления ни о численности врага, ни о расположении его сил. В такой ситуации можно было либо ждать новых неожиданных ударов врага по русскому лагерю под Конотопом, либо кому-то «вызвать огонь на себя» - рискнуть, ввязаться в сражение, выманить противника в поле. В этом случае инициатива Пожарского оправдана, оставался единственный выход – разведка боем. Получить необходимые данные о силах противника и его расположении другими средствами не удалось. Пожарский, как командир соединения, ближе всех находившегося к противнику, действовал как опытный военачальник небольшого отряда, который идет в бой, понимая, что своей возможной гибелью он может спасти основные силы армии от внезапного и мощного удара врага. Если бы Пожарский не сделал этого, неожиданное нападение неприятеля могло привести к полной катастрофе – гибели всей армии Трубецкого, внезапно атакованной и окруженной под Конотопом.

Обвинять Пожарского в легкомыслии также нелепо, как утверждать, что под началом князя было якобы тридцатитысячное конное войско. Его задачей была разведка боем, что он и сделал, пожертвовав собой и своими воинами ради спасения всего войска.

Полковник Василий Дворецкий, оставивший после себя «Летописец», сообщает о значительном удалении конного авангарда от основных русских сил, отмечая, что князя Пожарский и Львов: «далеко в поле комонником вышли от табору»¹²⁵.

Даже австрийский посол А. Мейерберг, бывший в России два года спустя, отметил лишь поражение русского авангарда: «в 1659 году пал, в передовом полку, в сражении с польским, казацким и татарским войском князь Семен Романович Пожарский»¹²⁶.

Летопись Величко содержит рассказ о пленных казаках, взятых Пожарским в ходе погони, которые якобы предупреждали его о многочисленности неприятеля. Они «остерегали его, чтобы он не гнался далее за Выговским; праведно сказали, что еще впереди многие есть войска от Выговского нарочно оставленные, козацкие и ордынские с ханом, калгою и нурадином султанами, а также с Ширин-беем и Дзяман-Сайдаком великими мурзами; однако он, князь Пожарский, правдивый распрос пленников уничтожил и не поверил; будучи распаленный Марсовой охотой, о перемене фортуны своей не мыслил, и перед всеми военачальниками своими, против сказки козацкой, сказал полные излишней думы и высокого о себе мнения, слова такие: «Давай, ханишку, давай калгу и нурадина, давай

Дзяман-Сайдака и Ширин-бея, всех их с войском их... вырубим и выпленим!» А сказав это, тотчас выступил снова, и крепко стал на Выговского налягать»¹²⁷.

Однако, согласно показаниям непосредственного участника боя С.Черкеса, Пожарский и Львов сражались не с казаками. Напомним, воеводы, «переправу перешед, на татар¹²⁸ и на немец ударили смело». Никаких казаков в «подъезде» неприятеля не было. Роль «приманки» выполняли крымские татары Адиль-Гирея и «немцы», то есть, драгуны-наемники из гетманского войска. Выбор наемников на роль «дичи», на которую должен броситься «охотник», – объяснить достаточно просто. Выговский не доверял своим казакам, многие из которых были не прочь перейти на сторону Москвы. Посылать их в качестве «приманки» было слишком рискованно. Неизбежно взятые в плен в ходе преследования «языки» могли рассказать воеводам о засаде. Красивая сказка Величко о казаках, взятых Пожарским в ходе погони, предупреждавших его о засаде и о многочисленном неприятеле, также как высокомерный и пренебрежительный ответ князя на это предупреждение, скорее всего, сочинены самим летописцем. Напомним, Величко не был свидетелем данного события и писал свою историю, добавляя вымышленные эпизоды, вымышленных лиц и вымышленные речи спустя шестьдесят лет после сражения.

Удивительно то, что рассказ Величко о мотивах и действиях Пожарского многими историками воспринимается как непреложная истина, не вызывающая сомнений и не требующая доказательств. Отсюда делаются далеко

идущие выводы о якобы легкомыслии князя как военачальника, о полной его виновности в гибели тысяч русских воинов. В частности, известный популист А.М.Буровский, между делом сообщая о 20-ти тысячах убитых под Конотопом русских (!), пишет, что: «глупая спесь, фанфаронство, неосторожность... качества князя, сделанного воеводой вовсе не за личные заслуги, а «по месту», привели к гибели всю армию Московии!»¹²⁹. Цитату из опуса названного автора не стоило бы даже приводить, если бы мнение этого «специалиста» было единичным. Не обращаясь к первоисточникам, повторяя давно заученные штампы, они, эти «знатоки», дают нелепые комментарии, судят исторических лиц по тем обрывкам исторических знаний, которые остались у них из школьной программы.

Сообщение автора «Новгородского хронографа» заслуживает большего доверия, чем недостоверный рассказ из казацкой летописи Величко, хотя бы потому, что летопись создана полвека спустя после описываемых событий.

Пожарский и Львов, преследуя бегущих татар и немцев-драгун, двигались на юго-восток в направлении села и урочища Пустая Торговица, удалившись от Соновской переправы примерно на 7 км, когда из леса выступила многотысячная крымско-татарская орда. Судя по тому, что сначала русские увидели ордынцев у себя в тылу, первым из укрытия вышло правое крыло ханского войска. Пожарский стал разворачивать своих всадников против врага. В то же время из лесного урочища выступили основные силы хана, атаковав князя с фланга. Вы-

пустив тысячи стрел, татары с саблями ринулись на русских. Небольшое расстояние между двумя конными массами сокращалось стремительно.

Согласно данным П. Кроля, которые он приводит без ссылки на источник, один рейтарский полк «сумел повернуть фронт и дать залп из карабинов прямо в упор по атакующей татарской коннице. Однако это не смогло остановить ордынцев, и после короткого боя полк был истреблен». Скорее всего, первым удар ханского войска принял на себя рейтарский полк Фанстробеля, погибший почти в полном составе (убиты либо пленены все начальные люди: полковник, подполковник, майор, 8 ротмистров, 1 капитан, 12 поручиков и прапорщиков)¹³⁰. Есаул Черкес рассказал позднее, что «на них де пришли сзади хан со всеми татары и черкасы, откуда их не чаяли и с которой стороны их не опасались, потому что на той стороне, откуда они зашли, переправа большая – болото великое в длину того болота сколько верст, и про то сказать не ведают, а поперек на версту; тем де и подманило»¹³¹.

В те времена поле битвы с востока действительно было ограничено большим протяженным Торговицким болотом, находившимся между позднее возникшими селами Гиравка (сейчас – Шевченково) и Куриловка (Жовтневое). Однако, данное сообщение требует уточнения. Как следует из всех названных источников, в урочище Пустая Торговица стояла только крымско-татарская орда во главе с ханом. Казаков там не было. Следовательно, под атаковавшими русских «черкасами», если конечно они были, можно понимать лишь отряд из драгун-

наемников, которых ранее преследовал Пожарский. Убегавшие от погони татары Адиль-Гирея и драгуны развернулись, и также напали на русских. Тем не менее, в силу малочисленности наемников, их роль в этом бою была незначительной. Татары, имея не менее чем пятикратное превосходство в людях, не нуждались в чьей бы то ни было помощи для того, чтобы своими силами истребить «подъезд» Пожарского.

Немногочисленные русские драгуны, спешивающиеся в бою с коней и действующие как пехота, не могли оказать нужной поддержки рейтарам. Шотландец П. Гордон, кратко описывая сражение в своем дневнике, вообще не упоминает казаков-черкас. Предположительно со слов участников боя, он записал, что князь Пожарский «преследовал татар через гать или болото. Хан, незаметно стоявший с войском в долине, вдруг вырвался оттуда тремя огромными, как тучи, массами»¹³².

«Новгородский хронограф» так рассказывает об этой фазе битвы: «Той же бусорман злочестивый бысть близ неподалеку поприщ за 5 и уведе о сем, и пусти многия полки, и по них и сам идяще. И сразишася меж себя, и бысть бой велий с полудни и до вечера. Той же князь Семен Пожарский многих варвар посекаше и храбрство свое велие простираше. И прииде же день над вечер, окаяннии же варвари бусормени подстрелиша под князем коня, и не успе на другово всести. Тии же татарове нападоша множество и ухватиша его, и поведоша пред нечестиваго царя хана»¹³³.

В результате обходных маневров крымцев, конный отряд князя Пожарского (не более 6 тыс. воинов), попал в

кольцо, окруженный всей крымско-татарской ордой (не менее 30 тыс. чел.). Бой происходил в поле, там, «где стоял крымской хан с татары».

Здесь следует пояснить, что накануне сражения наиболее вероятным местом ставки хана мог быть Торговицкий городок («Пустая Торговица») - древнее укрепление с валом и рвом, расположенное возле болота и хорошо известное ордынцам. Остатки данного городка сохранились до нашего времени. Затем, уже в ходе боя, Мухаммед-Гирей смог разместить свою ставку на господствующей над полем битвы высоте. Это следует из сообщения Наимы Челеби, который записал, что во время битвы «Хан с несколькими храбрыми воинами с возвышенного места обозревал театр действия и молился о победе»¹³⁴. Этим «возвышенным местом» предположительно является курган близ урочища Сарановка (высота 143,1), с которого отлично просматривается все поле боя до высохшего русла речки Куколки. Других, таких же удобных для обозрения местности холмов, на поле битвы нет.

Пожарский и его воины, прорываясь из окружения, до последней возможности яростно рубились с врагами. Ожесточенная и кровавая схватка в окрестностях нынешнего урочища Сарановка не могла быть долгой из-за большого численного превосходства ордынцев – турецкий автор записал, что «едва час продолжался бой», чего нельзя исключать в силу быстротечности кавалерийской схватки. К тому же сражение происходило в открытом поле, где не было естественных рубежей, пригодных для длительной обороны от наседающего противника. (стр. 116)

О ближнем упорном характере битвы свидетельствуют ранения русских воинов, которым удалось вырваться из окружения и добраться до своего лагеря. Огнестрельных ран очень мало, в большинстве случаев это раны от стрел и от ударов сабель. Иностранные авторы XVII века (Я. Маржерет, Г. Боплан, Р. Монтекуколи) называют саблю типичным оружием крымских татар наряду с саадаком.

По образному выражению Наимы Челеби, татарские «смертоносные стрелы брызгали как дождь на стан неприятельский». Так, например, согласно сохранившимся архивным документам, бывшие в бою дворяне: Борис Семенов сын Толстой «по правой щеке и по носу посечен саблею, да по правой руке ниже локтя пострелен из лука»; Андрей Денисов сын Фефилатьев ранен «из лука в правую ногу»; Борис Михайлов сын Бибиков ранен «саблею по голове, да у правой руки средний перст пересечен»; Михайло Степанов сын Голенищев Кутузов «сечен саблею по обеим щекам, да по левому плечу, и по левой руке»; Дементий Кондратьев сын Можаров «ранен из лука в правую руку ниже локтя»; Григорей Артемьев сын Мясоедов – «из лука в правую ногу насквозь»; Михайло Семенов сын Щербачев – «посечен по голове саблею да у левой руки большой перст отсечен»; Степан Иванов сын Плещеев – «в дву местах левое плечо сечено саблею; Лев Романов сын Житов ранен «из лука в спину да сечен саблею по правой руке»; Иван Ондреев сын Зыбин – «по голове посечен саблею да по правому виску от глаза и до уха пострелен из лука»; Иван Микифоров сын Сеченов

ранен «из пищали в левую ногу пониже колена и из лука»; Кирила Пахомов сын Повалишин «застрелен из лука в правую ногу выше колена»; Иван Борисов сын Кошелев «застрелен из лука ниже правого плеча в спину»; Михайло Тимофеев сын Владыкин ранен «из лука в правую руку»; Степан Савин сын Сумароков «сечен саблею по голове... да по правому плечу»¹³⁵.

Несмотря на серьезные боевые ранения, и названным лицам, и многим другим воинам удалось добраться до русского обоза, что вызывает сомнение в справедливости образных слов Величко о спасении только тех, кто имел «крылатых коней». Другим повезло меньше, и они снова и снова отражали атаки крымских татар и ногайцев. Ожесточенный ближний бой продолжался только холодным оружием, времени на перезарядку карабинов и пистолетов у дворян и рейтар просто не было.

Успел ли Пожарский отдать приказ о прорыве из кольца окружения, или нет – не известно. Вероятно часть русских попыталась пробиться к речке Куколке. Они были прижаты к болотистому берегу, севернее урочища Сарановка. Легкая крымская конница отрезала пути к отступлению. В топких местах татары могли расстреливать противника из луков, не приближаясь к заболоченной пойме речки. Знатным дворянам в зеркалах и панцирях, а также рейтарам в латах, было намного труднее, чем легковооруженным воинам, преодолеть болотистую Куколку. Как отметил Гордон, хан «будучи слишком проворен для русских, окружил и одолел их, так, что спаслись немногие»¹³⁶.

Решающим фактором поражения Пожарского явилось не столько воинское искусство крымцев и ногайцев, сколько их многократное численное превосходство.

Дополнить картину боя можно сообщением Беспалого. По его словам, «неприятели безвестно подъезд (конный отряд – *И. Б.*) Вашего царского пресветлого Величества, со всех сторон обступивши, побили, мало насилу кто ушел»¹³⁷. Как записал позднее Величко: «как мощный с пустыни вихрь или сильная с темного облака туча», неожиданно выступили из засады многочисленные враги, и «неудержимым стремлением ударили на православных христиан, и, не дав им опомниться, тотчас всех вконец разгромили, а поле тамошнее трупами человеческими устлали, и речку Сосновку оными заполонили»¹³⁸.

Гетман Беспалый позднее сообщал царю о гибели своих казаков. Он написал, что посылал верных Государю «полковников двух Григорья Иванова и Михайла Козловского с Войском Запорожским с двумя тысячами людей; и на том, Государь, бою при князь Семене Петровиче Львове и князе Семене Романовиче Пожарском всех смертно побито, насилу, Государь, через войска Выговского и татарские несколько десятков человек пробились в войско до табору»¹³⁹. Вполне возможно, что число погибших в битве украинских казаков Беспалого было меньшим. Не все выжившие казаки вернулись к войску Трубецкого. Как свидетельствуют документы, часть их просто рассеялась. Возможно некоторые воины, вырвавшиеся из кольца, были перехвачены мятежниками Выговского, подошедшими к Сосновке уже после разгрома Пожарского.

Однако о том, что именно крымские татары, а не казаки Выговского разгромили отряд Пожарского, свидетельствуют многие документы. Все те «начальные люди», которые попали в плен, были захвачены татарами. После боя гетман униженно выпрашивал у хана захваченных русских воевод, ибо хвалиться ему было нечем. По свидетельству очевидца, «а которых де воевод на бою поимали татары, и гетман де у татар тех воевод выпрашивал, и татары де ему не выдали»¹⁴⁰. Гетманские казаки не взяли в бой ни одного знатного русского дворянина или старшего офицера. Сам Выговский подтверждал тот факт, что все начальные люди - «полковники, ротмистры, капитаны либо полегли на поле боя, либо пошли в татарскую неволю»¹⁴¹.

Ни сам Выговский, ни польские участники боя на его стороне, ни словом не упоминают о переходе русской конницей переправы в начале битвы. Они также не сообщают о преследовании их Пожарским. Объяснить это можно только тем, что ни Выговский, ни его казаки не участвовали в окружении и разгроме отряда Пожарского. Казацкие полки и польские хоругви подошли к переправе спустя несколько часов после начала сражения, на втором этапе битвы. В это время конница Пожарского, далеко ушедшая от Сосновки, уже была окружена ордой между Пустой Торговицей и Сарановкой, и не представляла опасности для Выговского.

«Новгородский хронограф» сообщает также о подвиге некого рейтарского полковника (вероятно Вильяма Джонстона, погибшего в битве), который «Отоиде мало с своими райтары и укрепися, и учини с ними, тотары, бой

великий по три дни, но невозмогаша его тотарове жива взятии... татарове нападоша крепце на них, овех посекаше, а инех копии избодше, ни един же тех свободися смерти, но вси мечем умроша»¹⁴². Конечно же, полк Джонстона, попавший в окружение, не мог сражаться «три дни». Он был истреблен в тот же день, вместе с сотнями Пожарского, что вместе с тем не исключает возможности упорного сопротивления его рейтар.

Исходя из анализа всех имеющихся данных, следует согласиться с мнением историка и краеведа XIX века А. М. Лазаревского, определившего окрестности хутора Сарановка* (хутор не сохранился до нашего времени, сейчас это окрестности урочища Сарановка), на левом берегу речки Куколки, как главное место боя князя Пожарского. Лазаревский, хорошо знакомый с данной местностью, подтверждал свои слова сообщением о находках оружия и большого количества могил именно у Сарановки. «Главным местом битвы под Конотопом, как полагают, были окрестности хутора Сарановки, по правую сторону почтовой дороги в Полтавскую губернию. На это указывают могилы, разсеянные близ урочища Городище; тут же часто были находимы обломки сабель, кольчуг, ядра и прочее»¹⁴³, – писал он в своей работе «Конотопская старина».

В настоящее время в урочище Сарановка можно увидеть большой могильный холм и неизвестно кем и когда поставленный каменный крест. Судя по внешнему виду, холм неоднократно подвергался набегам различных «копателей». Упомянутый крест с изображением распятого

* В XVII веке хутор Сарановка еще не существовал.

Христа и каменная плита, на которой высечены православные символы, находятся в северо-восточной части лесного урочища.

«Новгородский хронограф» в гибели конницы Пожарского прямо обвиняет Трубецкого: «И како бой бысть с царем ханом, и посылаше (Пожарский – И.Б.) весть к боярину князь Алексею Трубецкому с товарищи, и он о сем отказал: «Своею-де волею ехал, тако и промышляй, и я ему помогать не буду»¹⁴⁴.

Если это не выдумка автора хронографа, то возможно имевший место конфликт между воеводами получил отражение в соборном деянии об уничтожении местничества от 12 января 1682 года: «... и от того их (воевод – И.Б.) несогласия многий упадок ратным людям учинился, а именно под Конотопом и под Чудновым, и в иных многих местах»¹⁴⁵.

2 этап: Оборона князем Г. Г. Ромодановским переправы через р. Куколку между Сосновкой и Шаповаловкой

Разгромом отряда Пожарского битва не закончилась. Узнав о его столкновении с крупными силами противника, конные полки Ромодановского двинулись к нему на помощь, к сосновской переправе. Предупреждая действия русских, туда же подошли основные силы Выговского. Вот как сообщает об этом сам Выговский: «дня 29 июня старого стилия (ошибка Выговского – 28 июня), в праздник Св. Петра и Павла, став около Сосновской переправы, застали там пятнадцать тысяч москвы, что обороняли одну переправу. Другая часть (москвы) стояла наготове»¹⁴⁶. (см. стр. 117)

Участник боя, поляк Т. Карчевский так сообщает о прибытии гетманского войска к Сосновке: «28 июня, согласно старого календаря, идя под Конотоп, чтобы освободить пана Гуляницкого из осады, встретили мы в миле от Конотопа на переправе Москвы пятнадцать тысяч, которых пехота казацкая и драгуны обстреляли у переправы»¹⁴⁷.

На самом деле Ромодановский имел под своим началом немногим более 3 тыс. всадников. Князь привел к переправе только дворян и детей боярских, рейтар и драгун Белгородского полка. Вся его пехота осталась в шанцах под Конотопом, и, соответственно, в происшедшем бою участия не принимала.

Получив сообщение от вырвавшихся из татарского кольца о том, что он уже не в силах помочь Пожарскому, Ромодановский закрыл дорогу Выговскому к Конотопу. Тогда же, вероятно по его приказу, был разрушен деревянный мост через Куколку.

Как сообщает автор анонимной «Рифмованной хроники» 1682 года, «скоро сильная московская конница заступила путь (Выговскому, ставши) в миле, на одной далекой непроходимой переправе»¹⁴⁸.

Трубецкой не мог послать значительных подкреплений на помощь Ромодановскому. Его пехотные полки продолжали блокировать конотопский гарнизон. Под «другой частью (москвы)», стоявшей «наготове», вероятно имеется ввиду конный резерв Трубецкого – рейтарский полк В. Змеева (около 1200 чел.). Рейтары Змеева, судя по имеющимся данным о малых потерях его полка, приняли участие в бою только в конце сражения.

Для поддержки Ромодановского Трубецкой мог также выделить оставшуюся у него часть воеводского полка воеводы А. В. Бутурлина, состоящую из сотен дворян и детей боярских (около 500 чел.). Выделенных сил было явно недостаточно. Они помогли отрядам, оборонявшим сосновскую переправу, но и сами понесли серьезные потери.

Как следует из сведений о численности названных соединений, общее число оборонявших переправу, с учетом возможно подошедших подкреплений, не превышало 5 тыс. человек.

Выговский имел трехкратное численное превосходство в людях, но это ему не помогло. Ромодановский спешил свою конницу. Укрепившись на правом берегу Куколки в окрестностях села Шаповаловка, он принял на себя удар значительно превосходящих сил неприятеля. Деревья и кустарники по правому берегу Куколки служили естественным укрытием для обороняющихся. Небольшая речушка стала для Выговского серьезным препятствием не столько из-за своей ширины, сколько из-за болотистого и очень топкого берега.

Упорный бой за переправу продолжался до позднего вечера. Все атаки врага были отражены. Казаки Выговского, наемники и поляки снова и снова безуспешно пытались форсировать Куколку. «Рифмованная хроника» говорит о том, что гетман даже «зарылся в землю» – «засел в шанцах с драгунами и пушками». Казаки Выговского сражались неохотно, прежде всего, из-за низкого боевого духа и нежелания воевать с русскими. Ненадежность казаков вынуждали изменника не рисковать. Большие поте-

ри могли вызвать недовольство и бунт против гетмана. «Татары и казаки стремились перейти (реку), но не могли (найти надлежащего места переправы)» и поэтому долго не добивались успеха¹⁴⁹, – сообщает «Рифмованная хроника». Там же сказано, что «казаки Выговского с пушками мало атаковали, поскольку из-за сильного отпора москвы не хотели подвергаться опасности».

Автор хроники, вероятно сам участвовавший в битве, рассказывает о попытках казаков и наемников соорудить искусственную переправу. В частности, он сообщает, что выговцы «стали кидать (в речку) разные плоты, помосты, хворост ... траву, сено, камыш, куски и обрывки ткани»¹⁵⁰. Польский историк В. Коховский, а за ним Н. Костомаров, неверно истолковали эти действия, решив, что выговцы хотели соорудить «плотину» с целью запрудить реку (у Коховского – Десну) и отрезать от переправы конницу Пожарского. На самом деле это была попытка построить своеобразный «мост» и захватить противоположный берег Куколки, где укрепились русские. Подобные ухищрения мало помогали Выговскому.

Лишь к вечеру драгуны Лончинского (из польского отряда А. Потоцкого) и наемники Выговского, наконец-то, с боем, сумели взять переправу. Автор «Авиз из табора» Выговского записал следующее: «над переправой была стычка с московитами. Их отбили от переправы пан капитан Закржевский с полком его милости пана Лончинского, коронного полковника, с его милостью паном Яном Косаковским, наемным капитаном с литовского войска»¹⁵¹.

Таким образом, вернувшиеся из-под Сарановки драгуны-наемники успели отличиться и здесь. Напротив, об успехах украинских казаков при взятии переправы в документах ничего не сказано. Даже сам Выговский, рассказывая об этом бое в своей реляции, признавал, что не казаки добились успеха при форсировании речки, а «драгуны выбили (русских – *И. Б.*) с переправы»¹⁵².

Однако решающими факторами поражения русских под Шаповаловкой стали два обстоятельства: выход противника на тылы позиции Ромодановского со стороны деревни Поповка и обходной маневр крымско-татарской орды со стороны Торговицы через Сарановку*.

«Статейный список» князя Трубецкого сообщает только об обходе казаками и татарами правого крыла русского войска: «И был бой до вечерень, а о вечернях татаровя многие люди и черкасы обошли государевых ратных людей Спорным Гребенем и от деревни Поповки, и учили побивать и в полон имать, и в обозы вбили»¹⁵³. Несмотря на то, что в данном документе говорится только об одном обходе казаками и татарами позиции Ромодановского под Поповкой, несомненно то, что основные силы орды переправились в другом месте – под Сарановкой, ударив по левому крылу русских.

* Необходимо также отметить, что сообщение Величко о том, будто Выговский разгромил «значную партию войска московского под Шаповаловкою» еще 27 июня, относится не к указанному числу, а ко второй половине дня 28 июня, к вышеописанному бою Выговского с Ромодановским на переправе между Сосновкой и Шаповаловкой (*Величко С.* Сказание о войне козацкой з поляками. Київ, 1926. Т. 1. С. 206.). Не владея точной информацией об этом сражении, Величко ошибочно отнес данный бой к событиям, предшествующим разгрому отряда Пожарского.

Переправа под Поповкой была хорошо известна Трубецкому, поэтому можно согласиться с мнением А. Г. Бульвинского о том, что русские не знали о наличии другой переправы через Куколку, непосредственно через Торговицкое болото, иначе трудно объяснить, почему там не было даже сторожевого охранения.

«Рифмованная хроника» как раз сообщает об этой «тайной переправе»: один изменник-казак из полков Беспалого «перебежав от заднепрян к Выговскому ... за помилование для себя показал тайную переправу в болоте, в миле оттуда, про которую Москва не знала»¹⁵⁴. Летопись Грабянки также упоминает о некоем «проводыре», который показал обходной путь.

Воспользовавшись неизвестной ранее дорогой через болото, «хан неожиданно переправился там с ордами и частью подошедшей к нему казацкой конницы»¹⁵⁵. Анализируя имеющиеся данные можно сделать вывод о том, что этот путь пролегал в окрестностях нынешнего урочища Сарановка, и Трубецкой не знал о нем.

Хан закончил переправу ближе к вечеру, примерно в то же время, когда казаки-выговцы атаковали правое крыло Ромодановского от Поповки. Пройдя по северному берегу речки, татары вышли на тылы левого крыла русских, оборонявших переправу и, действительно, ударили со стороны «боярского обозу» (т.е. от лагеря Трубецкого), как сказано в показаниях С. Черкеса¹⁵⁶.

Поляк Т. Карчевский сообщал, что «немалая часть войска уже было переправилась через ту переправу, на которой находились лишь войска московские, а хан обо-

шел на другой переправе в тыл оным (русским – И. Б.). Как скоро хан им в тыл прошел, то тотчас конфузия стала между ними»¹⁵⁷. «Татаровя де в то время, зашед с обе стороны, на государевых ратных людей ударили и государевых ратных людей полки и сотни смешали»¹⁵⁸, – говорили после боя, бывшие в плену у Выговского донские казаки Е. Попов и Е. Панов. Как отметил автор «Авиз из табора», «на правом крыле и на левом переправилась орда и охватила тыл этой переправы у московитов, которые ее обороняли. Имея свободный путь от Конотопа, войско ударило считай в глаза московитам»¹⁵⁹.

Выговский позднее писал, что: «Орда же, напав с тыла, так их смешала, что почти не осталось порядка, они стали убегать, а мы на их плечах гнали их полторы мили аж до Конотопа, устелив поля многими трупами; и мало кто из них убежал до (московских) таборов, как подтвердили нам взятые языки»¹⁶⁰.

Из сообщений участников боя видно, что отдельный татарский отряд был с казаками Выговского и под Поповкой, когда совершался обход правого крыла русских.

Следует также сказать несколько слов о роли в сражении Уманского полковника Михаила Ханенко. Согласно документу о его нобилитации в Варшаве 13 июля 1661 года, он, единственный из казацкой старшины, был награжден королем за Конотопскую битву. В нобилитации, без каких-либо пояснений, сказано, что Ханенко с полком «сломил большие силы неприятеля»¹⁶¹. Учитывая то обстоятельство, что Выговский ни одним словом не упоминает заслуг этого полковника при взятии сосновской пе-

реправы, можно предположить, что роль Ханенко в победе была сильно преувеличена при награждении последнего два года спустя. Успешные действия его полка, если они были, можно отнести лишь к тому моменту, когда исход битвы уже был решен татарами. Сам Выговский не пишет ни о каком «прорыве» казаками боевых порядков противника, заявляя о том, что переправой овладели драгуны, а уже потом казачья конница «переправилась и задержала их стычками. Орда же, напав с тыла, так их смешала, что почти не осталось порядка»¹⁶².

Карчевский, как было сказано выше, также сообщает о решающих действиях орды: «Так скоро хан им в тыл прошел, что тотчас конфузия стала между ними». Из названных источников следует то, что, даже отступив от переправы, полки Ромодановского сохранили порядок и продолжали бой. Исход сражения был решен не неким «прорывом» Ханенко, даже если он был, а ударом орды в тыл русских.

Не исключено также то, что именно Ханенко командовал левым крылом выговцев во время обхода русской позиции со стороны Поповки. Там могли стоять лишь сторожевые сотни Трубецкого, но никаких «больших сил» на переправе под Поповкой не было.

Несмотря на бегство части бойцов, Ромодановский не только отступил в свой табор, но и смог сохранить основные силы своего полка. Прикрывая отход и отчаянно сражаясь с врагами, в плен попал третий воевода Белгородского полка Лев Ляпунов (сын известного предводи-

теля Первого ополчения 1611 года – Прокопия Ляпунова). Ляпунова также пленили татары. В дальнейшем он разделил участь русских пленных, казненных по приказу хана утром следующего дня.

Рассказывая о своей победе и любой ценой пытаясь преувеличить успех, Выговский не брезговал даже слухами. Сообщая о судьбе Ромодановского, он писал А.Потоцкому, что про князя «по разному говорят: одни говорят, что погиб на поле боя, порубленный, другие говорят, что его ногайская орда (в надежде) на большой выкуп, который он обещал дать, спрятала у себя и не выдает под разными предлогами и самому хану. Но сдается очевидным, что и Ромодановский не убежал. Про это свидетельствует и то, что после той виктории над неприятелем, сразу после захода солнца его (Ромодановского) табор, что до нашего приходу стоял, до табора Трубецкого двинулся и с ним соединился, через это, зная, что утратив вожда, не имел мужества обороняться»¹⁶³.

Слухи о пленении Ромодановского получили распространение. По словам писаря С. Межецкого из Почепя, он слышал от «немчина», участника битвы на стороне Выговского, что «с полком де окольниковичего князь Григорья Григорьевича Ромодановского сбили и самого его в полон взяли татары...»¹⁶⁴.

В действительности же Ромодановский, как и другие воеводы (Куракин и Бутурлин), получил приказ главнокомандующего – князя Трубецкого, об отводе своих сил к главному лагерю. Он выполнил приказ, соединив свой табор с табором Трубецкого.

«И того же дни боярин и воеводы князь Алексей Никитич Трубецкой товарищу своему столнику и воеводе князю Федору Куракину с товарищи с их полки велел идти к себе в обоз, и из шанец от города велел всем пешим людем отступить в обоз же»¹⁶⁵. Ромодановский подчинялся Куракину. Приказ об отходе в Подлипное касался и его.

Когда, на следующий день, Выговский и хан двинулись к Конотопу, Трубецкой, Куракин и Ромодановский уже соединили свои полки в одном лагере. Корчевский относит это событие к вечеру 28 июня, отметив, что: «Того ж дня тотчас со всем табором и ханом подступил его милость пан гетман под Конотоп, где уже москва, что стояла в трех окопах, до одного (шанца) сомкнулась...»¹⁶⁶.

В заключении следует сказать о потерях русскими артиллерии под Конотопом. В шанцах под городом были оставлены одна тяжелая мортира и несколько полевых пушек, которые Трубецкой не смог вывезти при отступлении от города. Неизвестный автор «Авиз из табора» Выговского записал, что когда казаки и татары пришли к Конотопу «московиты из трех таборов сделали один, окопавшись, но покинули в своих окопах свою очень мощную мортиру и иные пушки, которые на земле лежали, тоже большие. Оставили также ядер 600 и 100 гранат...»¹⁶⁷. Сам Выговский сообщает, что Гуляницкий совершил вылазку из Конотопа, захватив «три мортиры, среди которых одна страшно большая, четыре пушки, а также двенадцать возов с ядрами и провиантом»¹⁶⁸.

Непосредственным наиболее тяжелым следствием поражения Трубецкого явилось разорение татарами по-

граничных русских уездов. Однако русская армия не была разгромлена. Понеся серьезные потери в коннице, Трубецкой принял решение об отступлении от Конотопа к Путивлю. При этом он располагал значительными силами для продолжения борьбы.

Казнь русских пленных и отступление к Путивлю 29 июня – 10 июля

На утро после битвы хан приказал привести к себе пленных русских воевод. Мухаммед-Гирей не был воином. Князь Семен Романович Пожарский, отличавшийся богатырским сложением, увидев невзрачного и трусоватого «крымского царя», выказал к нему свое полное презрение.

Согласно Величко, если конечно данный факт имел место, князь оскорбил Мухаммед-Гирея, «выбравив хана обычаем московским», и плюнул хану в глаза¹⁶⁹. Хан тут же приказал отрубить Пожарскому голову. Оскорбление врага в то время было не столько грубостью, сколько вызовом, свидетельством доблести героя. До наших дней дошла «Песня о гибели Семена Пожарского»¹⁷⁰, в которой речь князя перед ханом напоминает слова былинного богатыря Ильи Муромца, обращенные к Калину-царю.

В песне нет ни слова о казаках Выговского, а противниками русских выступают крымские татары и другие восточные народы. Впрочем, как видно из анализа источников, Пожарский под Конотопом действительно сражался с крымскими татарами и ногайцами, а не с украинскими казаками.

«Новгородский хронограф» повествует о том, что Пожарский стал обличать «варварское богомерское житие» хана. Той же царь повеле его всячески томлении от православной веры отогнати и в свою бусурменскую веру привести. Той же князь крепче царя обличаше, яко ж крепкий адамант, прещения и мечения ни в чем не устрасися, крепче пострада, и положивый душу свою за церкви божия и за благочестие великого государя и за православную христианскую веру и за все православных христиане»¹⁷¹.

Сотник Нежинского полка П. Забела позднее рассказывал русским о том, что «окольничие воеводы князь Семен Романович Пожарской да князь Семен Петрович Львов под Конотопом на бою взяты живы и приведены к хану, и хан росспрашивал окольничего князя Семена Романовича по татарской побой (погром им татар на Дону в 1646 г. – *И.Б.*), а про какой побой, того неведомо, и окольничей Князь Семен Романович хану говорил противно, и изменнику Ивашку Выговскому измену ево выговаривал при хане, и за то хан окольничего князя Семена Романовича велел перед собою казнить, а окольничего князя Семена Петровича Львова хан возит с собою скована»¹⁷².

Согласно показаниям русского толмача Терентия Фролова, бывшего очевидцем казни Пожарского, князь был убит по приказу хана за то, что он, войною «в прошлые годы приходил з государевыми ратными людьми под Азов на крымских царевичей». По словам Фролова, «окольничего и воеводу князь Семена Романовича Пожарского срубили при нем» и многих людей, которые «взяты на том бою посекли после»¹⁷³. Говоря о «прошлых

годах», Фролов имел в виду тот же поход 1646 года, когда Пожарский погромил на Дону крымских царевичей.

Вряд ли только это обстоятельство могло стать причиной казни. Скорее всего, рассказ о дерзком поведении Пожарского перед ханом соответствует истине, и именно оно стало поводом для расправы над ним. Впоследствии визирь Сефер-Газы-Ага говорил русским послам, что князь Пожарский угрожал хану походом на Крым¹⁷⁴. По словам Фролова, казнили всех пленных, в живых оставили только князя Львова, «да иных государевых людей дворян и жильцов человек с пять».

Весь командный состав и многие рядовые воины были казнены по приказу хана утром 29 июня. Это следует из сообщения полковника Г.Каплонского, который написал, что «князя Пожарского, князя Львова Семена, Бутурлиных дву и многих начальных бояр на завтрее головы порубили»¹⁷⁵.

Среди взятых на бою под Конотопом русских воинов не отмечено ни одного случая измены и перехода на сторону врага. Если бы такие факты имели место, они бы, несомненно, получили отражение в источниках. В живых остались только те пленники, которых укрыли от расправы сами татары, надеясь на последующий выкуп. Сохранившие жизнь претерпели все «суровости плена» и наказания за попытки побега (иногда неоднократные).

Были и те, кто смог убежать из полона. Калужанин Григорий Спешнев, пришедший в Белгород в сентябре 1659 года, сказал, что когда был бой под Конотопом «на речке Сосновке ево Григорья на том бою (его) ранили,

правая рука пробита из лука насквозь», да левая нога у него «колота» саблей. Спешнева захватили татары, и был он у «крымского царевича в полону». Когда хан с ордой пошел в Крым, Спешнев «на реке Калмиюсе ушел от них сентября 2 числа в ночи»¹⁷⁶. Напротив, попавшему в плен каширянину Еремею Болотову удалось бежать из крымской темницы лишь через двадцать лет, в преклонном возрасте. За неоднократные попытки побега, татары «по варварскому своему обыкновению, врезали ему пяты и, насыпав рубленых лошадиных волос, заростили оные в них, дабы не способен был он к долговременной ходьбе»¹⁷⁷. Родные считали его погибшим во время резни пленных, а он пешком сумел вернуться из Крыма домой.

Причиной массовой казни русских пленных был страх крымского хана и его высших сановников перед возможной изменой союзников – украинских казаков Выговского. Татарские вельможи запугали Мухаммед-Гирея тем, что казаки могут восстать против гетмана и освободить русских пленных, вместе с которыми они нападут на крымцев.

Как записал Наима Челеби, первоначально всех русских дворян хотели отпустить за выкуп, но «сие предложение не было одобрено дальновидными и опытными татарами: хотя, говорили они, Козацкие войска по сию пору поступают с нами по долгу союза, никаким поступком не нарушая своей клятвы, но за всем тем нельзя совершенно положиться на иноверцев: может быть, они помиряться с россиянами, и в сем случае хотя и не возстанут против нас, но наверно и не станут помогать нам. Наше отечество

осталось уже за нами на разстоянии целаго месяца; находясь во владении врагов немилосердных, мы не можем быть уверены в безопасности. Если судьба доведет нас до того, что вдруг неприятели окружат нас, то мы сами будем причиною бедствия, котораго вправе ожидать от сих пленников, находящихся в руках наших ... Посему **мы теперь должны употребить все старания, чтобы укрепить вражду между россиянами и казаками, и совершенно преградить им путь к примирению** (выделено мною – *И.Б.*); мы должны, не мечтая о богатстве (предлагаемом пленниками), решиться перерезать их всех. Подобные слова, произнесенные с твердостью, действительно должны были произвести единодушие между татарами: воспоследовало повеление приступить к кровопролитию. Пред палатою ханскою отрубили головы всем значительным пленникам (вероятно, доставшимся хану и другим князьям): после чего и каждый воин порознь предал мечу доставшихся на его долю пленников»¹⁷⁸.

Страх хана перед русскими пленными объясняется и тем, что сразу же после битвы значительная часть орды рассеялась по пограничным русским уездам для грабежа и захвата полона.

Визирь крымского хана Сефер-газы-ага, в письме ко двору Алексея Михайловича нашел для царя, естественно, другое объяснение расправы над русскими пленными. Он видел причину поражения русского войска под Конотопом в притеснениях мусульман в России, в частности, в крещении последнего Касимовского хана Сейид-Бурхана (Василия Араслановича). Этим же визирь объясняет причину

казни русских пленных: «у нас у самих христиан под властью много, но мы их насильно христианами не делаем; силою и против воли крестить или обращать в мусульманство не годится. Поэтому ваши пленные и были перебиты»¹⁷⁹.

Тем не менее, в 1661 году Карач-бей рассказал русскому переводчику в Крыму, что по его сведениям, татары укрыли от расправы человек 400 ратных людей разных чинов. Этих пленных тщательно прятали даже от ханских глаз, ибо если хан узнавал об этом, то отнимал их у рядовых воинов¹⁸⁰.

Лишь считанные единицы из пленников смогли позднее вернуться в Россию, большинство умерли в тяжелых условиях крымской неволи. (*стр. 118*)

29 июня, на следующий день после битвы, гетман Выговский со своими казаками двинулся к селу Подлипное, где стоял табор князя Трубецкого. Как сообщается в «Статейном списке»: «И июня же в 29 день изменники Черкасы учали по обозу и в обоз стрелять из пушек, и повели к обозу шанцы»¹⁸¹. Русские успели хорошо подготовиться к обороне и ответили сильным огнем из орудий и мушкетов. Сооружением шанцев противник попытался окружить лагерь Трубецкого и осадить его.

В ночь на 30 июня мятежники предприняли атаку на табор русских, но были отражены с большим уроном. Разбитые выговцы не только бежали от русской пехоты, но даже бросили свои шанцы. Еще бы немного и войско Трубецкого «овладело б (нашим) табором, ибо уже вломилось в него»¹⁸², – писал об этом бое сам гетман. В «Статейном списке» отмечено, что изменники: «июня же

30 день в ночи к обозу приступали, и Великого Государя ратные люди от обозу их отбили, и из шанец выбили»¹⁸³.

Данное сообщение можно дополнить показаниями донских казаков Е. Попова и Е. Панова, бывших в обозе Выговского: «И на третьей де день Выговской велел от Конотопа вести к обозу боярина и воевод шанцы и ров копать, и сам де Выговской у тех шанец был, и в то де время под ним застрелили лошадь из пушки, а ево Выговского ранили из пищали в левую ногу»¹⁸⁴. Как видно из документа, гетман легкомысленно полез в передовые окопы и едва не погиб при этом. Сам Выговский писал, что «перед самым окопом» и ему «трохи досталось: первый раз пушечным ядром вырвало ногу у коня, на котором (он) сидел, а в другой раз «гарматною кулею» (картечью) разорвало (платье) на поясе до самого тела».

С того бою «крымские и нагайские татаровя и черкасы отошед, стали за деревней Сосновкой» от русского лагеря в «пяти верстах»¹⁸⁵. Таким образом, противник откатился на исходные позиции, поле боя осталось за Трубецким. Гетману не помогла даже артиллерия. Пленный казак-мятежник показал, что у Выговского «в обозе двадцать восемь пушек, да у черкасских же полковников полковые пушки есть же»¹⁸⁶.

Несмотря на успех в бою, князь Трубецкой принял решение об отступлении к Путивлю. «И июля в 2 день боярин и воеводы князь Алексей Никитич Трубецкой с товарищи и со всеми Великого Государя ратными людми, с конными и с пешими, и гетман Иван Беспалой со всем своим полком, устроя обоз, пошли к реке Семи»¹⁸⁷.

В тот же день произошло большое сражение. Казаки Выговского и татары «в миле от Конотопа в поле» атаковали русских со всех сторон. В результате боя 2 июля мятежники понесли настолько большие потери, что они превысили их урон в битве 28 июня.

Есаул Семен Черкес рассказал в Москве, что как «как де боярин со всеми людми от Конотопа пошли к Путивлю обозом, и как крымской хан и Выговской всеми силами к обозу приступали и хотели разорвать, и в то де время языки сказывали, что татар и черкас на одной помычке побито с 6000 человек, потому де они помалу от обозу стали отходить»¹⁸⁸.

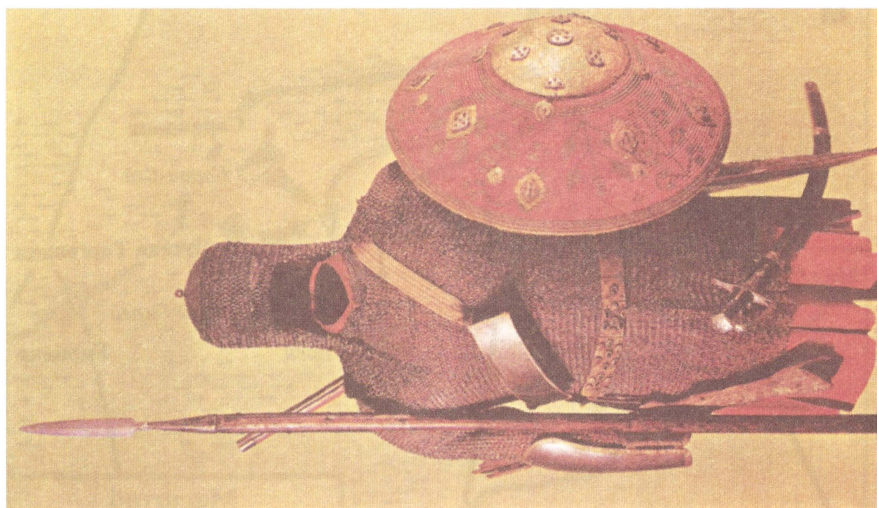
Свидетельство Черкеса о значительных потерях выговцев подтверждается и другими источниками. Согласно автору «Авиз из табора» Выговского, наибольший урон в людях наемные польские хоругви гетмана понесли не в битве 28 июня, а в бою 2 июля, в ходе неудачных попыток разгромить отступающую к Путивлю русскую армию. Именно на 2 (12) июля приходятся основные боевые потери наемников (большое количество раненых и убитых) во всех 11 хоругвах¹⁸⁹.

Братья гетмана Юрий и Илья Выговские рассказали на допросе в Москве, что как «боярин ис-под Конотопа пошел обозом х Путивлю, и в то де время на приступех казатцкого войска и татар побито много, и ляцково де войска убит маер и хорунжие и капитаны и иные начальные многие люди»¹⁹⁰.

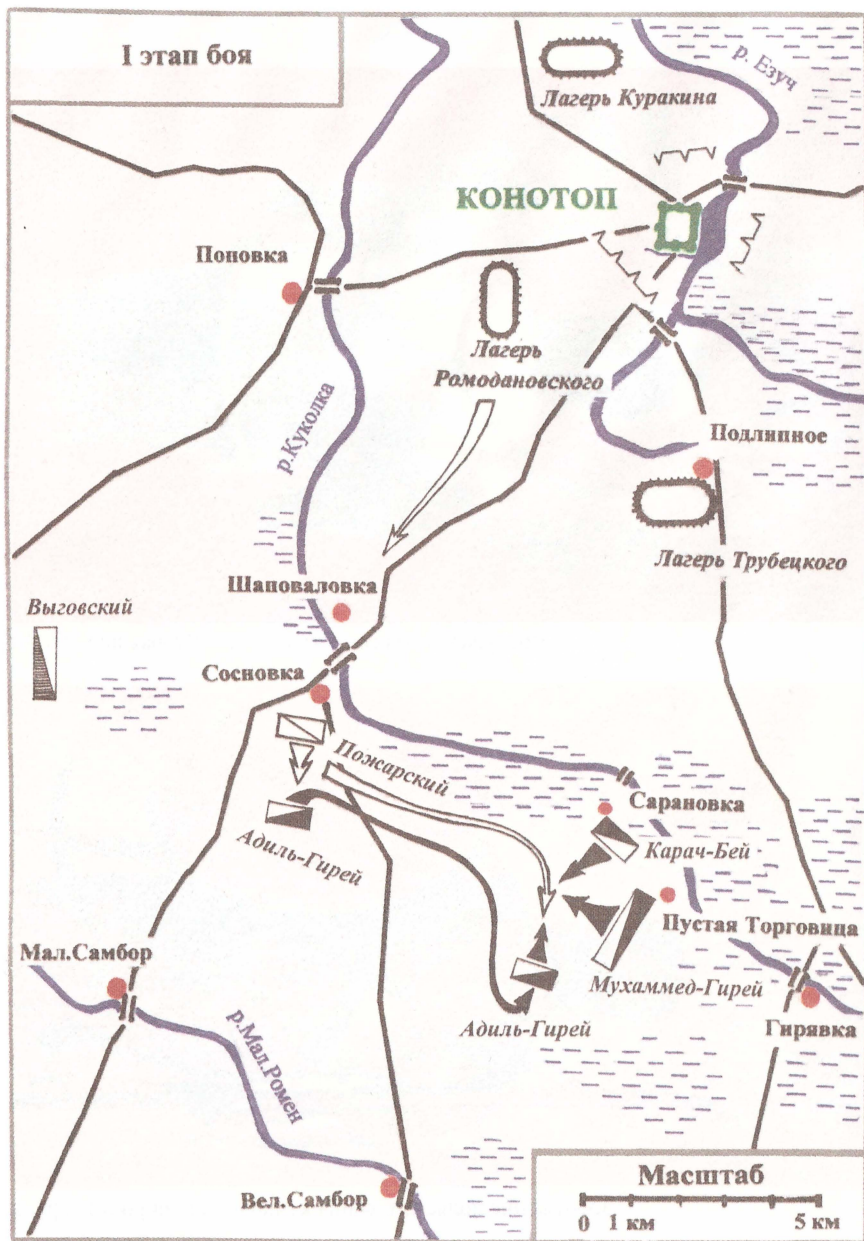
Гетман И. Беспалый писал царю: «к табору, Государь, нашему жестокие приступы неприятели чинили, и,

Вооружение «крылатого» гусара. Вторая пол. XVII в.

Вооружение польского воина казацкой (панцирной) хоругви

Битва под Конотопом 28 июня. Первый этап боя

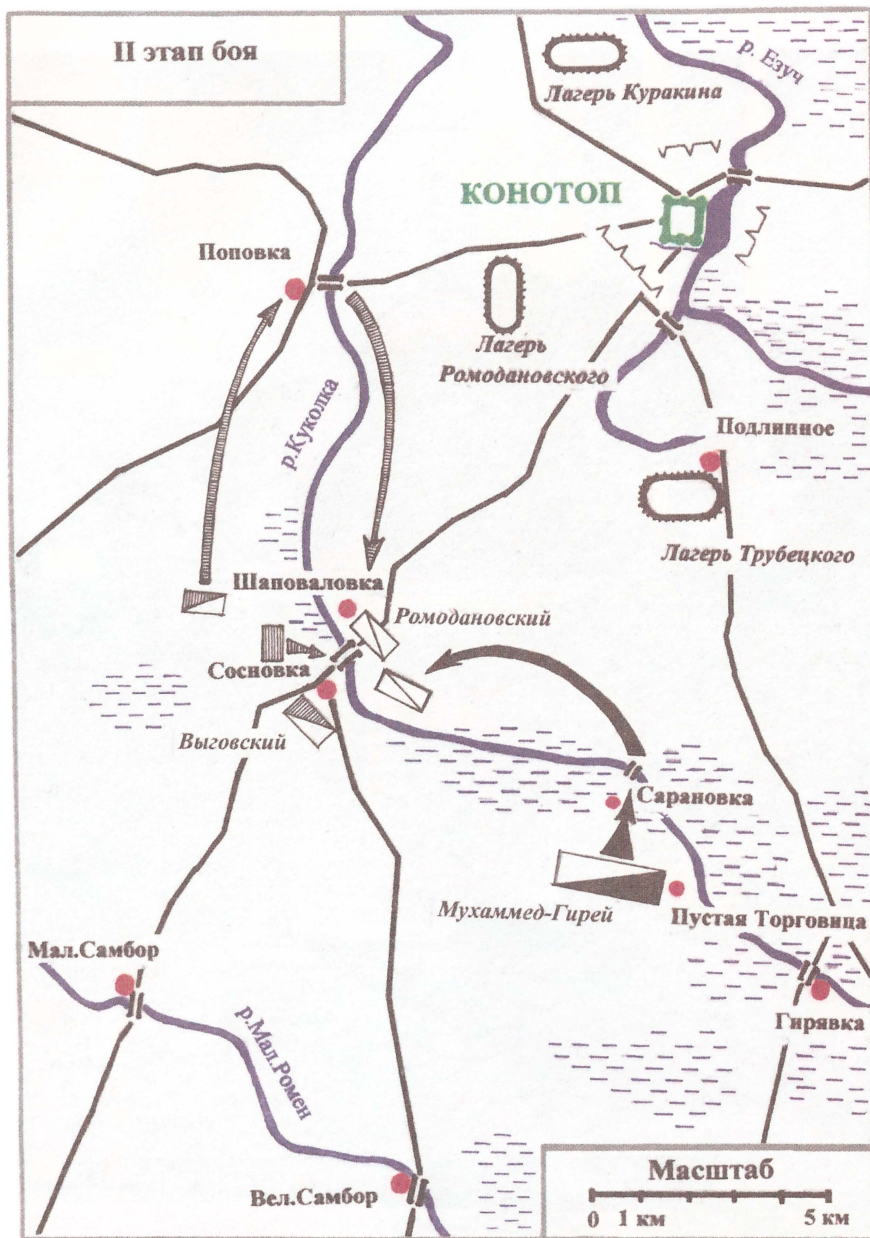
Речка Куколка у Шаповаловки. *Фото автора*

Современный мост через Куколку между Сосновкой и Шаповаловкой на месте переправы XVII в. *Фото автора*

Поле битвы, на дальнем плане – урочище Сарановка. Фото автора

Битва под Конотопом 28 июня. Второй этап боя

Часовня в Шаповаловке, в память всех павших в битве 1659 г.

Каменный крест в урочище Сарановка. *Фото автора*

Худ. Н.Сверчков. «Смотр войск царем Алексеем Михайловичем»

за милостью Божиею... (мы) отпор давали тем неприятелем и помехи никакие не отнесли, и многих тех неприятелей на отходе и в походе побивали, и пришли, Государь, к реке Семе дал Бог здорово»¹⁹¹.

Под Конотопом «на бою де государевых людей побито много и их же черкас (выговцев – *И. Б.*) на том же бою побито тысяч с 12; а боярин де и князь Алексей Никитич Трубецкой от Конотопа отступил и стал на реке Семи обозом»¹⁹², – рассказывал в Почепе участвовавший в бою на стороне Выговского наемный «немчин» писарю С. Межецкому.

Когда 4 июля путивльский воевода князь Г. Д. Долгоруков выступил на помощь Трубецкому, то получил приказ главнокомандующего возвращаться назад в Путивль и укреплять засеки против прорыва татар и казаков. Трубецкой дал понять Долгорукову, что своими силами способен дать достойный отпор врагу и не нуждается в подкреплениях.

Подпустив татар и казаков на дистанцию огня, русские снова и снова расстреливали бросающегося в лихие сабельные атаки неприятеля. Татарская конница пыталась атаковать с фронта, казачья пехота и наемники наседали с тыла. Увидев то, что войско Трубецкого способно не только обороняться, но и наносить чувствительные удары нападающим, хан стал беречь своих людей. В рядах выговцев произошло замешательство, они даже не смогли приблизиться на дистанцию ближнего боя. Все налеты на «подвижную крепость» были отбиты огнем пушек, а также залпами стрельцов и солдат из пищалей и

мушкетов. Моральная стойкость обороняющихся, воинское искусство русской пехоты позволило Трубецкому успешно противостоять нестройным толпам более многочисленного врага.

4 июля войско Трубецкого достигло берега реки Сейм, от Путивля в 10 верстах, и встало там лагерем. По словам автора «Авиз из табора», татары и казаки вновь атаковали русских в Казацкой дубраве (вероятно лесной район у села Казацкое, примыкающий к Сейму). 4-6 июля, противнику якобы удалось «разгромить часть табора» с помощью артиллерии, при этом русское войско «стояло в добром порядке» и пушки Трубецкого «беспрестанно били»¹⁹³. Князь ничего не сообщает о потере части обоза. Наиболее вероятным является предположение о том, что он бросил часть разбитых возов, чтобы избавиться из лишней обузы накануне переправы через Сейм.

10 июля войско Трубецкого переправилось через Сейм и пришло в Путивль «вцеле».

Исход боев 2-6 июля был решен умелым применением огнестрельного оружия и полевых переносных сооружений – так называемых «испанских» рогаток. Рогатки задерживали казацко-татарскую конницу на подступах к обозу и давали возможность пехоте, вооруженной медленно заряжавшимися мушкетами и пищалями, вести огонь, не подпуская врага на дистанцию рукопашного боя.

Поражение Выговского и хана при неудачных попытках разгромить главные силы Трубецкого отмечено многими источниками. Киевский полковник В. Дворецкий в своих записках отметил: «А табор с пехотою и с пушка-

ми оборонною рукою до Путивля ушли»¹⁹⁴. Упомянутый ранее толмач Т. Фролов позднее рассказывал, что при отступлении войска Трубецкого от Конотопа к Путивлю татары и казаки «над обозом ничего не учинили», а сами понесли большие потери: «черкас с 3000 и татар с 500 человек убитыми»¹⁹⁵. Бывшие в то время в обозе Выговского задержанные им посланцы Трубецкого донские казаки Е. Панов и Е. Попов показали позже в Москве, что «как де дорогою на отводе были к обозу государевым людем приступы, и в то де время (они) многих черкас и татар побивали»¹⁹⁶. Летопись Величко отмечает то, что на обоз этот Выговский много нападал, но «не смог ничего ему учинить, крепко и мощно от обоза пушками отражаемый... (русские – *И. Б.*) ушли до Путивля без большого урона»¹⁹⁷.

Важную роль в успешном отражении налетов конницы противника сыграли солдаты и пушкари полка Н. Баумана. Николай Бауман – голштинец на русской службе, был не только храбрым офицером, но и военным инженером, специалистом в артиллерийском деле и «гранатных дел мастером». На вооружении его полка стояли изобретенные им скорострельные казнозарядные орудия «с клиновым затвором». Согласно свидетельству современника, скорострельность этих орудий была выше, чем у мушкета¹⁹⁸. Прикрываясь рогатками и обозом, русские вели настолько плотный и мощный огонь «дробью» (картечью), что весь путь от Конотопа к Путивлю (около 45 км.) был усеян телами крымских татар и казаков Выговского. Добиться полного разгрома русских войск гетман и хан так и не смогли. Блестяще организованное отступле-

ние русских прошло почти без потерь, согласно сохранившимся разрядным документам русские «на отводе» потеряли менее ста человек убитыми»¹⁹⁹.

Главная заслуга в организации столь эффективной обороны, несомненно, принадлежит полковнику Бауману, который фактически руководил арьергардными боями. Его роль в боях была настолько значительной, что это признал даже царь Алексей Михайлович. Осенью 1659 года, впервые в истории русской армии, по царскому указу полковнику Бауману было присвоено новое звание: «генерал-поручик».

Согласно выписке из Пушкарского приказа от 7 января 1671 года, «Миколай Бовман пожалован из полковников в генералы порутчики в прошлом во 168 году, за службу, что он будучи на Великого Государя службе, в полку боярина и воеводы князя Алексея Никитича Трубецкого с товарищи под Конотопом, во 167 году, с неприятели, с татары и с черкасы, бился, не щадя головы своей, и как Великого Государя ратные люди шли от Конотопа к Путивлю, и в то время он Миколай на отходном бою, своим вымыслом, многих неприятелей татар и черкас побивал, и всякие промыслы чинил, и Великого Государя ратных людей от неприятеля оберег...»²⁰⁰.

4 июля Трубецкой перешел Сейм, а 10 июля прибыл в Путивль. Исход боев 2-6 июля решили умелая организация обороны и военно-техническое превосходство русского войска.

Татары и мятежники сопровождали русское войско почти до Путивля. Убедившись, что они не могут разгро-

мить русских, хан и Выговский отступили к Ромнам. Ромны без боя сдались Выговскому, но когда гетман двинулся к Гадячу, этот город отказался ему подчиниться. Под Гадячем Выговский и «хан крымской со всеми силами стояли 3 недели, и приступали жестокими приступы». Полковник Павел Охрименко (Ефремов) с 2000 казаками и 900 «городовыми людьми» удержали город. На приступе к Гадячу «черкас у Выговского побито больше тысячи»²⁰¹. В период осады пришли вести, что запорожцы под началом И. Сирко и казаки Ю. Хмельницкого погромили ногайские улусы и многих татар захватили в полон. В то же время донские казаки напали на Крым и «взяли два городка». Испугавшись за свои тылы, хан высказал свое недовольство Выговскому, повернув с ордой в Крым. Без помощи татар гетман был не в состоянии вести военные действия против русских войск и ушел со всеми своими полками за Днепр.

Потери сторон и итоги кампании

Общие потери войск гетмана Выговского, в разных источниках оцениваются от 3000 до 12000 человек. Вероятнее ближе всего к истине сведения, указанные в немецком «летучем листке», напечатанном на основе сообщений из Варшавы. В данном «листке» сказано, что Выговский потерял 4000 человек²⁰². Отметим все же, что вряд ли в бою 28 июня было убито более тысячи казаков, остальные людские потери следует отнести к неудачным атакам на обоз Трубецкого 30 июня – 6 июля.

Потери крымско-татарского войска по разным данным составили от 500 до 6000 убитыми. Учитывая тот факт, что наиболее тяжелый урон татары понесли в бою с Пожарским, можно сделать вывод о том, что общие потери крымцев и ногайцев в походе вряд ли превысили 3000 человек.

Что касается потерь русского войска в битве под Конотопом 28 июня, то украинские историки, как правило, называют фантастические цифры, далекие от действительности: от 15 до 60 тысяч человек. Так, доктор исторических наук Ю.А. Мыщык, ничтоже сумняшеся, продолжает писать о том, что «под стенами Конотопа состоялась генеральная битва между российскими и украинскими войсками... на поле боя легло тогда трупами 50 тысяч цвета московской конницы»²⁰³. Заметим, что во всей действующей армии Московского государства не нашлось бы в то время столько конных ратных людей.

Между тем, сохранившиеся в документах Разрядного приказа и обнаруженные еще А. А. Новосельским росписи потерь под Конотопом дают действительно точные данные. «Всего на конотопском на большом бою и на отводе... побито и в полон поймано» – 4769 человек²⁰⁴.

Ужас в Москве при получении вестей о проигранной битве, также как объявленный по этому поводу траур, были вызваны не числом погибших, а тем, что в битве пало много знатной молодежи из аристократических семей – 249 человек «московских чинов»²⁰⁵. Этот факт породил слухи о грандиозном побоище и невиданном дотоле разгроме, чего на самом деле не было.

В настоящее время историкам известны два документальных списка потерь русского войска в битве под Конотопом и при отступлении к Путивлю. Один список²⁰⁶ был обнаружен А. А. Новосельским в «Крымских делах» еще в 50-е годы прошлого века, другой – Н. В. Смирновым в «Книгах Новгородского стола» Разрядного приказа²⁰⁷. Список А. А. Новосельского (II) является более полным. Он также был составлен в Разряде по итогам всей кампании, но сохранился в копии, в документах Посольского приказа, относящихся к 1665 году. Список Н. В. Смирнова (I) скорее всего был сделан сразу после похода 1659 года и в дальнейшем уточнялся. Этот список интересен более детальным указанием потерь отдельных частей и соединений русской армии.

Безвозвратные потери русской армии 28 июня-10 июля 1659 г.

воеводский полк	соединение	потери	
		I	II
полк боярина кн. А.Н.Трубецкого (Большой полк)	московские чины	229	237
	дворяне и дети боярские	878	897
	рейтарский полк В.Змеева	21	1773*
	рейтарский полк Г.Фанстробеля	1070	
	рейтарский полк В.Джонстона	239	
	рыльские казаки	-	26
	солдаты и стрельцы	-	23

* Включая 420 драгун.

полк стольника кн. Ф.Ф.Куракина	дворяне и дети боярские	171	189
	приказ А. Лопухина	8	36
	приказ С. Скорнякова-Писарева	29	
полк окольного А.В.Бутурлина	дворяне и дети боярские	246	244
	новокрещены	37	37
	одоевские казаки	-	12
полк окольного кн. Г.Г.Ромодановского	московские чины	3	3
	дворяне и дети боярские	304	297
	копейная «шквдрона»	100	472
	рейтарский полк В.Фангалена	244	
	драгунский полк Я. Инвалта	121	
	донские казаки и новокрещены	32	32
солдаты всех полков	14	25	
полк окольного кн. С.Р.Пожарского	московские чины	3	3
	дворяне и дети боярские	235	241
	кадомские мурзы и татары	-	18
	приказ З. Волкова	4	2
полк окольного кн. С.П.Львова	московские чины	1	0
	дворяне и дети боярские	83	165
	мурзы и татары	51	51
	драгунский полк Х.Юнгмана	52	58
	приказ М.Спиридонова	4	3
Всего по всем полкам		4179	4769

При сравнении двух списков видно, что они фактически не слишком отличаются друг от друга, дополняют

один другой, и дают намного более точные сведения о потерях русского войска в битве под Конотопом, чем малороссийские летописи Самовидца, Величко и т.п., представляющие собой скорее литературные сочинения, чем исторические источники.

Украинские доктора исторических наук В. А. Смолый и В. С. Степанков заявляют о том, что: «данные А. Трубецкого о потере 4,7 тыс. человек явно занижены»²⁰⁸. Однако, никто из историков не может привести документы или материалы, опровергающие списки Разрядного приказа. Не желая считаться с русской делопроизводственной документацией, и выдавая желаемое за действительное, Ю. А. Мыцык, В. Н. Горобец, А. Г. Бульвинский отдают предпочтение фантастическим рассказам частных лиц – малороссийских летописцев.

Списки потерь из Разрядного приказа – это не пропагандистская реляция Выговского, не летопись или хроника частного лица, не владеющего точной информацией, а документальный отчет, предоставленный воеводой непосредственно царю. Искажение или исправление этих сведений было невозможно, они неоднократно перепроверялись и уточнялись. Царь всегда требовал от воевод точных цифр о потерях в боях.

Хорошо известен случай с князем И. И. Лобановым-Ростовским, который был строго наказан царем за попытку «преуменьшить» истинный урон его отряда при штурме Быховской крепости. «От века того не слыхано, чтобы Государю своему в ратном деле о потерях писали неправдою и лгали», – прогневался на него царь Алексей Михайлович.

Важно отметить, что делопроизводственная документация русских приказов (в первую очередь Разрядного) составлялась, в первую очередь, в интересах контроля за финансами и снабжением вооруженных сил. Даже если бы воеводы в своих отписках царю попытались уменьшить потери, это сразу стало бы известно в Разряде и доложено царю. Приказные дьяки и подьячие, находившиеся при армии не могли себе позволить искажать сведения о составе войска и понесенном им уроне. Достоверность сведений делопроизводственной документации в этих вопросах сомнений не вызывает.

Вопрос о потерях высшего командного состава русского войска значительно мифологизирован. Сам гетман Выговский сообщал в реляции о пленении Пожарского, Ляпунова и двух Бутурлиных. По его словам в бою «попали в неволю князь Пожарский, князь Лев Прокофьевич Ляпунов, два Бутурлиных; все полковники, ротмистры, капитаны либо полегли на поле боя, либо пошли в татарскую неволю, однако там недолго они пробыли, ибо вышел ханский наказ, чтобы всех их, от старшего до наименьшего, казнить»²⁰⁹.

Упомянутые в реляции Бутурлины (Ефим Андреевич и Григорий Иванович) воеводами не являлись. Они были названы гетманом только по причине хорошо известной на Украине фамилии – боярин В.В.Бутурлин, был главным представителем царя на Переяславской раде в 1654 году. Стольник Ефим Андреевич, сын воеводы Андрея Васильевича Бутурлина, был всего лишь головой сотни, а Григорий – просто рядовым участником битвы.

Согласно отписки брянского воеводы князя А. И. Лобанова-Ростовского от 16 июля 1659 года, сражавшегося в то время под Почепом, в бою под Конотопом «окольниковый де Андрей Васильевич Бутурлин ранен, а сына его Ефима взяли в полон татаровя»²¹⁰. Когда А. В. Бутурлин получил ранение неизвестно, возможно это произошло в боях при отступлении от Конотопа.

Не названный Выговским второй воевода – князь Семен Петрович Львов, умер в плену от ран или вызванной ими горячки. Согласно показаниям Фролова, Львов «умер своей смертью, а лежал болен недели з две»²¹¹. Тело его было брошено татарами в камышах, после того, как орда прошла Карпов.

В победных реляциях поляков количество имен пленных русских воевод увеличивается многократно. Так, Карчевский записал, что: «Было там князей несколько в том походе, ни один не ушел, все там сгнули, особенно князь Григорий Ромодановский, князь Семен Пожарский, князь Семен Львов, Андрей Бутурлин и сын того Бутурлина, Иван Стрыбель, Андрей Воынин сын (?), полковник рейтарский. То войско целое совершенно погибло и все князья, о которых упомянул, а иных многих (пленных) старшин после той битвы, на следующий день, в день Святого Петра русского, высекли»²¹².

Как выше было отмечено, ни князь Григорий Ромодановский, ни Андрей Бутурлин не были пленены и не погибали в этой битве. Документы свидетельствуют о том, что они продолжали командовать своими полками и при отступлении их от Конотопа, и в дальнейшем.

Полковник «Иван Стрыбель» – это скорее всего действительно плененный Анц Георг Фанстробель. Что касается «полковника Андрея Воынына», то, несомненно, этот командир был рангом ниже, поскольку в списках служилых людей – участников похода, такого полковника нет.

Неизвестный польский автор «Авиз из табора» Выговского, добавил к попавшим в плен еще ряд известных ему лиц: «Московская старшина наиглавнейшая, которая тогда была при войске: первый – князь Васильевич Бутурлин, товарищ Трубецкого; другой – князь Семен Романович Пожарский, окольный; третий – Григорий Григорьевич Ромодановский; четвертый – князь Семен Петрович Львов; пятый – Артамон Сергеевич (Матвеев), стрелецкий полковник царского приказа; шестой – рейтарский полковник Венедикт Андреевич Змеев; седьмой – полковник стрелецкий Струбов (Стробель ?). Вот этой старшины, как и войска, и нога не утекла»²¹³.

На самом деле это такая же выдумка, как предыдущие: Артамон Матвеев, Венедикт Змеев и все бывшие под Конотопом стрелецкие полковники благополучно отступили с основными силами в Путивль.

Поименный список погибших в бою, либо казненных после боя «московских чинов» (стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов) сохранился в документах Разрядного приказа и недавно был введен в научный оборот Н. В. Смирновым²¹⁴. Кроме двух окольных (Пожарского и Львова) погибли или были казнены после боя, упомянутый выше стольник Е. А. Бутурлин, 3 стряпчих:

М. Г. Сонин, И. В. Измайлов, Я. Г. Крекшин, 79 дворян московских и 164 жильца. Всего 249 «московских чинов».

Из представителей наиболее известных дворянских фамилий, которые пали на полях конотопских, можно назвать: кн. Д. И. Волконского, кн. З. П. Вяземского, М. И. Еропкина, И. И. Колычева, Н. В. Бобрищева-Пушкина, И. Ф. Плещеева, А. П. Вельяминова, кн. М. И. Козловского, Ф. И. Бестужева, кн. Г. А. Мещерского, кн. И. Ю. Шаховского, Б. И. Татищева, Л. В. Тургенева, И. Б. Ермолова и других. В основном это были молодые люди знатных родов, только начинающие свою службу, не имевшие высоких чинов и не занимающие важных должностей. Отсюда возникла легенда о гибели «цвета московской конницы».

Польские сообщения о полном разгроме Ромодановского также не соответствуют истине. Согласно разрядным документам, Белгородский полк потерял в бою 829 человек дворян, рейтар и драгун убитыми и пленными²¹⁵.

Общий урон русского войска в битве под Конотопом составил около 3500 убитыми и примерно 1000 пленными. Почти все потери пришлись на долю русской конницы, пехота (солдаты и стрельцы) в боях 28 июня – 10 июля потеряла всего 89 чел. убитыми и пленными, в основном при отступлении от Конотопа.

Не менее половины пленных были казнены на следующий день после битвы по приказу хана. Часто цитируемый фрагмент из сочинения С. М. Соловьева, со слов толмача Т. Фролова, о том, что «пленных было тысяч пять»²¹⁶, не подтверждается никакими источниками и является не более, чем ошибочным предположением рус-

ского переводчика, который естественно не мог знать точного числа взятых в бою пленников. Скорее всего, преувеличенные сведения о «пяти тысячах пленных» Фролову сообщил сам хан, когда, уже после битвы, отпустил толмача в Москву, чтобы тот рассказал царю о «великой» победе татар.

В октябре 1659 года по царскому указу путивльскому воеводе князю Г. Д. Долгорукову было велено послать на место битвы двух «добрых попов» и людей «кого пригоже» для отпевания и погребения павших в бою воинов. Следует отметить, что тела убитых татар и мятежников возможно были захоронены сразу после боя. Тела убитых русских воинов враги не хоронили, и они остались на поле сражения из-за невозможности предать их земле ввиду продолжавшихся до осени 1659 года боевых действий.

Священники и путивльцы: служилые люди М. Яцын, Ф. Черепов, М. Антонов с товарищи были направлены «из Путивля под Конотоп, и на Сосновку, где был бой боярина и воевод князя Алексея Никитича Трубецкого с товарищи с крымским ханом и с изменниками черкасы». Посланные «побитых собрали телеса в трех местах и, пев над ними погребение, похоронили»²¹⁷.

Князь Г. Д. Долгоруков и второй воевода Путивля Г. Безсонов позднее сообщили в Москву, что 23 октября (1659 г.) посылали они 3 священников и служилых людей 80 человек, и «велели им под Конотопом и на Сосновке и в иных местех, где у боярина и воевод князя Алексея Никитича Трубецкого с товарищи и у государевых ратных людей с ызменники с черкасы и с татары был бой, поби-

тых русских тела разобрать и погрести». И путивльцы «на конотопских полях в разных местех побитых людей тела збирали ... и собрали они побитых людей костей да 1521 голову» и «выкопав магилу под деревнею Шепаловскою, похранили их в одном месте»²¹⁸.

На месте боя ордынцев с Пожарским «за селом за Сосновкою, где стоял крымской хан с татары», посланные с Путивля собрали еще «человек 1465 голов и кости», всех их также «в одном месте погребли»²¹⁹.

Указание на три места сбора костей погибших и захоронение в двух братских могилах свидетельствует о том, что место казни пленных было рядом с одним из двух мест боя. Учитывая данные о потерях полка Ромодановского можно сделать вывод о том, что под Шаповаловкой могли быть похоронены не только погибшие в сражении, но и казненные после, поскольку общий урон Белгородского полка в бою был меньше, чем количество захороненных там.

Таким образом, всего на поле битвы, в трех местах (два места боя и место казни пленных), в октябре 1659 года было обнаружено 2986 тел погибших и казненных русских воинов, которых похоронили в двух общих братских могилах под Шаповаловкой и под Сарановкой.

Несколько сотен тел убитых в бою вероятно остались в болоте, но из приведенных чисел опять же следует, что ни о каких 40, 30 или даже 10 тысячах погибших в конотопском бою русских (как голословно продолжают утверждать некоторые украинские историки) речи быть не может. Количество найденных на поле битвы тел не

противоречит документам Разрядного приказа и косвенно опровергает миф о полном разгроме всей армии Трубецкого. В противном случае требуется ответ на вопрос: куда делись тела остальных убитых?

Данные смотра князем Трубецким своего Большого полка в Путивле 10 августа 1659 г. наглядно свидетельствуют, что сообщения некоторых литературно-хроникальных, идеолого-пропагандистских и мемуарно-эпистолярных источников украинского, польского и турецко-татарского происхождения о гибели всей армии Трубецкого, мягко говоря, не соответствуют действительности. Так, в результате проведенного князем подсчета, только под его непосредственным началом в строю находилось 11.533 рядовых, не считая начальных людей и полка А.В.Бутурлина.²²⁰

Сохранились сведения и о численности «московских чинов» после битвы – 937 человек, в том числе: стольников – 5, стряпчих – 4, дворян московских – 212, жильцов – 716. Всего, согласно документам, на 10 августа в Большом полку у Трубецкого было 3371 чел. дворян и детей боярских, 1999 рейтар, 792 драгуна и 5371 стрелец и солдат. Таким образом, даже в наиболее пострадавшем в битве под Конотопом Большом полку, к концу летней кампании 1659 г. в строю находилось не менее чем 12 тысяч бойцов, без учета впоследствии прибывших подкреплений.

В воеводских полках князей Куракина и Ромодановского урон был еще меньше. Исходя из вышеуказанных данных о потерях, в полку Ромодановского после битвы в строю было не менее 6,5 тыс. чел., в полку Куракина – не менее 4 тыс. человек.

На основании изложенного можно сделать однозначный вывод: ни о каком полном разгроме русского войска в Конотопской битве речи быть не может, оставшиеся у Трубецкого силы вполне могли не только отразить «поход Выговского на Москву», о вероятности которого рассуждают некоторые украинские историки, но и пресечь любые попытки гетмана совершить глубокое вторжение в московские земли.

Наибольшую выгоду от победы получили крымские татары, которые в августе 1659 года, опустошая земли Елецкого, Ливенского, Новосильского, Мценского, Курского, Болховского, Воронежского и других уездов, угнали в Крым более 25 тыс. жителей пограничных районов.

5 июля 1659 года царь приказал направить в Калугу своего лучшего полководца князя Юрия Алексеевича Долгорукова, а также князя Григория Афанасьевича Козловского, приказав им «собрався с ратными людьми, идти на помочь к боярину и воеводе князь Алексею Никитичю Трубецкому с товарищи на Крымскаго хана и на изменника Ивашка Выговского»²²¹. В Тулу были посланы Московские выборные полки солдатского строя А. Шепелева и Я. Колюбакина.

25 июля в товарищах с князем Ю. А. Долгоруковым велено «быть в Смоленске брату его, околичему и воеводе князь Петру Алексеевичю Долгорукову»²²², который должен был со смоленскими полками идти на Украину. Полки князя П. А. Долгорукова выступили из Смоленска в Севск, а оттуда в Путивль, куда они пришли 1 сентября.

В первый день осени к воеводе приехали посланцы от нежинского полковника Василия Золотаренко чтобы «вины их отдать и быти им под ... Великого Государя самодержавною высокою рукою в вечном подданстве по-прежнему». Через два дня царю присягнул Нежинский полк, затем – Переяславский. Казацкие полковники наемников Выговского, «которые были ляхи и немцы в Переясловле, и в Нежине, и в Чернигове, и в иных местах... всех побили до смерти с три тысячи человек»²²³.

4 сентября войско Трубецкого снова двинулось на Украину. 6 сентября царю присягнул Прилуцкий полк, а 9 сентября авангард русской армии под командованием А. В. Бутурлина вошел в Нежин. Киевский воевода В. Б. Шереметев сообщил в Москву, что переяславский полковник Т. Цицура привез ему «знамя изменника ж Ивашки Выговского, да корнет маеора Яна Зумира». Черниговский полковник А. Силич захватил полковника Юрия и Илью Выговских, майора Зумира и других пленных. 12 сентября трофейные знамена и названные пленники были отправлены в Москву.

Опасность большого вторжения крымско-татарской орды в русские земли миновала. Поход войск князя Ю. А. Долгорукова на Украину был отменен. 16 сентября ему было приказано распустить войска, собранные в Туле, и возвращаться в Москву.

27 сентября армия князя Трубецкого вошла в Переяслав. На следующий день пришло сообщение от правобережных полков Войска Запорожского о том, что казаки взбунтовались против Выговского, и на раде выбрали

«гетманом Юрья Хмельницкого, и знамя и булаву и печать и всякие дела Войсковые у Выговского взяли и отдали Юрью».

Вторая Переяславская Рада состоялась 17 октября 1659 года. На раде все Войско Запорожское «учинилось под его Великого Государя самодержавною рукою в вечном подданстве по-прежнему»²²⁴. Новым гетманом Украины был избран сын Богдана Хмельницкого – Юрий. Царь приказал воеводам разместить русские гарнизоны (кроме Киева) еще в пяти «черкасских городах»: Переяславе, Нежине, Чернигове, Брацлаве и Умани «для обороны от неприятелей». После этих, крайне необходимых мер, никакие поражения в боях или новые измены гетманов уже не могли оторвать Киев и Левобережную Украину от России.

Причины поражения и значение битвы

За 350 лет, прошедших со времени битвы под Конотопом, история о ней обросла многими мифами и слухами. В представлении украинских историков, это сражение больше походит на легендарное, эпическое событие вроде Троянской войны. Большую роль в создании «конотопского мифа» сыграл выдающийся российский историк С. М. Соловьев. В частности, именно он, без всяких на то оснований, написал, что «цвет московской конницы, совершившей счастливые походы 54-го и 55-го годов, сгиб в один день». Он же сделал необоснованный вывод о том, что «никогда после того, царь московский не был уже в состоянии вывести в поле такого сильного ополчения»²²⁵.

В результате научных исследований А. А. Новосельского и Н. В. Смирнова, а также проведенной нами работы, видно, насколько преувеличены слухи, повторенные Соловьевым без должного исследования документальных источников и критического анализа нарративных материалов. Сообщая о том, что по случаю гибели дворян под Конотопом был объявлен траур, и «в печальном платье вышел Алексей Михайлович к народу», Соловьев не понял, что этот траур был вызван не столько числом погибших (в XVII веке были и более тяжелые поражения), сколько гибелью многих молодых представителей московских дворянских фамилий (249 человек). По данным Н. В. Смирнова, это 15% от участвовавших в походе «московских чинов»²²⁶. В случае участия Алексея Михайловича в военном походе, они составляли Государев полк, являвшийся личной гвардией царя. Ни в одном другом сражении русско-польской войны 1654-1667 гг. русская элита не несла такие значительные потери. Этот факт нашел отражение во многих родословных книгах русского дворянства.

Царский указ об укреплении Москвы действительно имел место. 4 августа «по Крымским вестям, указал Государь на Москве делать город земляной и по городу острог всем государевым всяких чинов людям»²²⁷. Опасаясь внезапного налета небольших татарских отрядов, которые могли прорваться через засечную черту по Оке, на всякий случай, столицу подготовили к обороне. Руководство «городовым делом» было поручено князьям Н. И. Одоевскому и Ф. Ф. Волконскому. Начались земляные работы для

укрепления Москвы, обновили бастионы Замоскворечья, построенные еще в 1634 году. Однако «слух, что Государь уезжает за Волгу, за Ярославль» был не более, чем слухом. Никакими документами он не подтверждается. Тот же С. М. Соловьев в итоге заметил, что: «в Москве напрасно очень беспокоились. Конотопское дело было явлением случайным, не могшим иметь никаких важных последствий»²²⁸.

Битва под Конотопом не была «генеральной баталией», победа союзников имела характер частного успеха. Сражение не имело никакого значения ни для развития украинской государственности, ни для «возрождения Украинской державы».

Князь Пожарский и его воины погибли в ходе разведки боем. Данный способ войсковой разведки, как известно, состоит в получении данных о силах противника, его боевых порядках и расположении огневых средств путем наступления. Он проводится в случаях, когда другими средствами и способами разведки получить необходимых данных о противнике и его намерениях не удается.

На основе анализа всех имеющихся сведений можно сделать однозначный вывод: главную роль в поражении армии Трубецкого под Конотопом сыграла крымско-татарская орда, поддержанная наемными хоругвями Выговского и польскими драгунами Потоцкого. Что касается «чрезвычайного героизма и высокого уровня военного искусства» украинских казаков под Конотопом, то совершенно не понятно, где и в чем усмотрели их украинские

историки? Однако нежелание умирать за сомнительные для массы рядовых казаков цели и не пользующихся популярностью лидеров естественно для общества, находящегося в состоянии гражданской войны – Руины.

Конотопская битва стала ярким свидетельством слабости Войска Запорожского, начала его упадка и разложения как боеспособной и организованной военной силы. Сражение лишний раз продемонстрировало то, что казачья армия не может сражаться на равных с регулярными частями Нового времени.

Выговский понимал это – известно, что он планировал вдвое сократить казацкий реестр (с 60 тыс. чел. по Переяславскому соглашению 1654 года до 30 тыс. казаков) и взамен этого создать 30 тыс. наемное войско. Продолжавшийся процесс развала вооруженных сил Украины привел к тому, что в конце 60-х годов XVII века гетманам в спешном порядке пришлось приступить к созданию наемных – «кампанейских» и «сердюцких» полков, ставших в дальнейшем наиболее боеспособными частями Гетманщины.

Успех союзного войска под Конотопом был достигнут за счет сосредоточения превосходящих сил на главных направлениях, разделения войск Трубецкого, окружения отдельных изолированных частей русской армии и нанесения по ним концентрированных ударов.

На первом этапе боя полностью оправдала себя «скифская тактика» татар: преднамеренное отступление и внезапная контратака противника, увлекшегося успехом и расстроившего свой боевой порядок. В ходе окружения отряда русской конницы, князя Пожарский и Львов би-

лись вместе со своими воинами и не могли руководить боем. Трубецкой с основными силами оставался под Конотопом. Он пассивно ожидал результата боя за речкой Куколкой, не имея никакого представления о ходе разгоревшегося сражения.

Второй этап битвы первоначально имел характер фронтального столкновения в борьбе за овладение переправой. В течении второй половины дня 28 июня, Выговский предпринимал безуспешные попытки форсировать речку, показав свою полную неспособность решать тактические задачи. Князь Ромодановский встретил врага хорошо организованной активной обороной против превосходящих сил противника, позволившей ему удерживать свои позиции до самого вечера.

Поиск автора победы под Конотопом не так прост, как может показаться вначале. Не исключено, что план выманить часть московской конницы из лагеря и нанести ей поражение принадлежал Выговскому. Но реализовать его на практике гетман не мог, в силу полного отсутствия у бывшего писаря способностей к руководству войсками.

Опытный политик и интриган, умелый администратор и дипломат, он не был полководцем. Все военные кампании, где Выговский лично пытался командовать казаками (походы на Каменное, Алешню, Киев, Зеньков, Гадяч и др.), заканчивались неудачно.

Крымский хан Мухаммед-Гирей также не был видным военным деятелем. Безвольный романтик, богослов и поэт, склонный к риторике и философствованию, во время битвы он неистово молился Всевышнему.

Наиболее известные казацкие вожди – полковники И. Богун, П. Дорошенко, О. Гоголь – никак не проявили себя в этом сражении, а впоследствии одними из первых перешли на сторону Москвы.

В связи с этим напрашивается вывод о том, что фактическое командование союзной татарско-казацкой армией осуществлял наиболее авторитетный и талантливый военачальник в крымско-татарском войске – Карач-Бей.

Карач-бей, князь Ширинский, был беем Перекопской орды в 1653-1663 гг. Впервые он упоминается в документах в 1643 г. как Карач-мурза (иначе Караш-мурза). Известный организатор набегов на русские и польские земли. Уже тогда его называли «большой промышленник» (т.е. военачальник) без которого в 40-е годы «ни один набег не обходился». В 1648 г. вместе со знаменитым Тугай-беем он был в походе против поляков. В 1651 г. сражался под Белой Церковью. Карач-мурза стал особенно известным после победы над поляками при Батоге в 1652 г. После боя его татары перебили около 2 тыс. польских пленных. «Великий ворог народу нашего», – сказал о нем поляк С. Друшкевич.

В 1653 г. Карач-мурза возглавил Перекопскую орду, приняв титул «бея». Перекопский бей (иначе Ор-бей) был первым среди беев, имел под своим началом не менее 3 тыс. всадников, а в начале 60-х годов, согласно Эвлии Челеби, водил в поход не менее 12 тыс. татар и ногайцев. В 1658 г. Карач-бей (иначе Караш-бей) вел переговоры с Выговским о союзе против Москвы. Именно он оказал существенную помощь гетману, разгромив повстанцев

Пушкаря под Полтавой в 1658 году и казаков Силки под Голтвой в 1659 году. «Караш-бей – стремящийся в битву, храбрый и бесстрашный, беспримерный джигит», – говорит о нем Эвлия Челеби*.

В битве под Батогом (1652) против поляков Карач-бей руководил отрядом татар, который, обратившись в притворное бегство, заманил в засаду польскую конницу²²⁹. Аналогичный маневр был совершен под Конотопом, только теперь, по тому же плану, русских завлекал в засаду молодой и горячий нураддин-султан. Учитывая тот факт, что хан лично не руководил боем, а Адиль-Гирей выполнял роль «дичи», общее командование крымско-татарским войском могло быть только у Карач-бея, как третьего, по своему высокому статусу и положению лица в крымском войске. Вероятно, именно ему и хан, и Выговский, были обязаны своим неожиданным триумфом под Конотопом.

Украинские историки (О. Апанович и др.) пишут, что в битве под Конотопом Выговский «творчески применил стратегию и тактику Б. Хмельницкого, причем так блестяще, что это дает основание поставить его в один ряд с выдающимися полководцами»²³⁰. На это следует заметить, что Богдан Хмельницкий, например, смог не только уничтожить авангард польской армии С. Потоцкого под Желтыми Водами, но и главные силы коронных войск во главе с двумя гетманами Н. Потоцким и М. Ка-

* В 1663 г. Карач-бей был разгромлен в бою с русскими под началом Г. Коцагова и запорожскими казаками И. Сирко под Перекопом, погиб в битве.

линовским под Корсунем в 1648 году. Выговскому же (фактически – Карач-бею) удалось разгромить только вангард русской армии. При столкновении с главными силами Трубецкого, казацко-татарское войско потерпело неудачу и понесло тяжелые потери, после которого оно оказалось не в состоянии продолжать поход. Конотоп стал единственной и «Пирровой победой» Выговского. Какой же Выговский после этого «выдающийся полководец»?

Не стоит забывать того, что реляции Выговского и польских участников боя о разгроме русских отчасти являются пропагандистскими листами, средством информационной войны той эпохи. Реляции и «листы» распространялись и цитировались, обрастая новыми деталями и подробностями. Доверять им полностью нельзя, также как рассказам малороссийских летописцев. При обращении к документам Разрядного приказа, где зафиксированы действительно реальные потери каждого воинского соединения, полка или сотни, выясняется несостоятельность содержащейся в летописях и хрониках информации об огромном уроне русской армии.

Крымско-татарский командующий (по нашему мнению, Карач-бей) имел хорошо организованную разведку, тактически грамотно разделил свои силы, правильно выбрал момент атаки отряда Пожарского, умело руководил обходными маневрами своей конницы. Он использовал фактор разделения русских сил и нанес поражения отдельным частям противника, исключив возможность их соединения и взаимной поддержки.

Неорганизованная разведка и недооценка противника; незнание местности, на которой развернулась битва; разделение сил; фактическое самоустранение князя Трубецкого от руководства ходом боя – продемонстрировали его слабость как военачальника и предопределили поражение русской конницы в битве под Конотопом.

Украинские летописцы и современные киевские историки Ю. А. Мыцык, В. Н. Горобец, А. Г. Бульвинский, В. С. Степанков оценивают потери русских в этой битве от 15 до 60 тысяч человек. Однако, из сохранившихся документов делопроизводства Разрядного приказа видно, насколько преувеличены цифры, сообщаемые «очевидцами», основанные на слухах, которым бездумно доверяют сегодня на Украине, провозглашая Конотопскую битву – «величайшим сражением всех времен и народов».

Уже через два месяца после битвы бывшие сторонники оставили Выговского. Один за другим казацкие полки стали переходить на сторону Москвы. При этом первым присягу царю принес Нежинский полк, тот самый, который так упорно защищал Конотоп от армии Трубецкого. Выговский бросил гетманскую булаву и бежал в Польшу, где позднее был расстрелян поляками по подозрению в измене. Украина сделала свой выбор, она предпочла Москву Варшаве.

Памятником Конотопского сражения ныне является Свято-Вознесенский кафедральный собор в Конотопе с приделом во имя Сорока мучеников. На этом месте в 1667 году, по приказу гетмана И. Брюховецкого, в память о православных воинах, погибших в битве с врага-

ми и изменниками, была построена деревянная Вознесенская церковь, известная в народе более под именем Сорокосвятской²³¹.

Последний русский богатырь

Каждое время рождает своих героев. Князь Семен Романович был рожден для военной службы и ратных подвигов. Он был достойным представителем славного рода Пожарских. С его памятью судьба распорядилась несправедливо. Защитник земли Русской, воспетый в народной песне, он был обречен на долгое забвение. Пришло время вспомнить о нем, вернуть ему доброе имя, очистить от лживых наговоров и клеветнических суждений несведущих людей, возомнивших себя знатоками тех трагических событий.

Ни портретов, ни словесных описаний внешности князя Семена Романовича Пожарского не сохранилось. Из различных документов перед нами предстает человек сильный духом, статного вида, способный к военному делу, смелый и инициативный, всегда привыкший действовать самостоятельно. Конечно, Пожарский не был большим полководцем, никогда не командовал главными силами русского войска и не выигрывал генеральных баталий. В нем мы видим скорее лихого гусарского полковника, предводителя дружины, храброго и неутомимого, в любом деле действовавшего быстро и решительно. Он любил дерзкие и стремительные конные атаки, всегда шел в бой впереди своих воинов. Человек гордый и мужест-

венный, по выражению С.М.Соловьева, он «был одинаков и на поле битвы и в плену».

Действия Пожарского под Конотопом нельзя считать легкомысленной авантюрой, их можно объяснить целесообразностью и крайней необходимостью разведки. Нерешительность Трубецкого могла привести к непоправимым последствиям. Главнокомандующий не имел представления ни о численности врага, ни о расположении его сил. В такой ситуации можно было либо бездействовать и ожидать новых неожиданных ударов врага по русскому лагерю под Конотопом, либо кому-то «вызвать огонь на себя» - рискнуть, ввязаться в сражение, выманить противника в поле. В этом случае инициатива Пожарского объяснима и оправдана. Князь действовал как опытный военачальник небольшого мобильного отряда, который идет в бой, понимая, что своей возможной гибелью он может спасти основные силы армии. «Я-де еду с своим полком и провожаю, каковы люди, большие и малые, а что буде видя против себя, и учиню с ними брань...и в тое время мне о сем помощь учини», - заявил он Трубецкому. Если бы Пожарский не сделал этого, внезапное нападение многочисленного неприятеля могло привести к полной катастрофе — гибели всей армии Трубецкого, атакованной и окруженной татарами и казаками под Конотопом.

Пожарский видел свою задачу в разведке боем, что он и сделал, пожертвовав собой и своими воинами ради спасения всего русского войска. Его действия, а также оборона Ромодановским переправы у Сосновки, позволили Трубецкому выиграть время и подготовиться к отра-

жению нападения многочисленного врага. Подвиг князя Пожарского и его бойцов достоин того, чтобы занять свое место в анналах славной военной истории России.

Всю свою жизнь князь был на государевой службе, в боях и походах, в разъездах и стычках, как и многие аристократы той беспокойной эпохи. Русская знать времен Алексея Михайловича была мало похожа на фальшивые хрестоматийные образы длиннородых, толстых и вечно дремлющих бояр. Ежегодные набеги крымских татар, войны с Речью Посполитой, Швецией, Османской империей, украинскими мятежниками требовали от «служилых людей по отечеству» постоянной готовности к походу. При таком ритме жизни немногие доживали до старости. Дни и ночи в седле, покрытые ранами от сабельных ударов и татарских стрел, они скромно выполняли свой воинский долг, защищая родную землю и не задумываясь о земной славе.

Историк С.М.Соловьев не зря назвал семнадцатое столетие «Богатырским веком». Это потом, на смену ему пришла Новая эпоха, эпоха «шляхетства» и рекрутчины, регулярных армий и немецкого засилья, презрения ко всему русскому и забвения церкви. С князем Пожарским уходила в прошлое Святая Русь, эпоха русских богатырей.

Вскоре после своей гибели князь Семен Пожарский был причислен к лику местных святых. Уникальное сообщение австрийского посла А.Мейерберга об учреждении местного почитания князя Пожарского подтверждается русскими письменными памятниками. В приложении к одному из списков Летописного свода 1652 г. имеются

тексты тропаря и кондака, специально составленных «новому страстотерпцу... благоверному князю Симеону Пожарскому»²³². По неизвестным причинам почитание князя Пожарского незаметно убрали из богослужебного календаря где-то в петровское время.

Желание опорочить гордого и бесстрашного воина возникло у некоторых лиц сразу после его гибели под Конотопом в 1659 году. Вероятно неукротимый нрав и богатырская сила Пожарского раздражали многих. Он привык действовать напористо и решительно. В бою Семен Романович бывал азартен и беззрасудно смел, порой забывая об осторожности. Своим честолюбием и высокомерием он восстановил против себя многих вельмож. Однако при жизни князя мало кто рискнул бы ему перечить. Известны только две попытки местничества с ним, причем одним из участников местнического спора был представитель младшей ветви Пожарских - князь Иван Дмитриевич Пожарский, сын героя 1612 года, князя Дмитрия Михайловича.

Дипломатическими талантами Семен Романович не отличался: он не проявлял изворотливости, не заключал сделок, не шел на компромисс, не унижался перед родовитыми боярами. После его смерти появилось не мало клеветников, из тех, кто хотел опорочить нового русского святого и лишить его доброго имени. Однако далее всех пошел упомянутый австрийский посол А.Мейерберг, сильно раздраженный неудачей своей дипломатической миссии в Москву. Уличая русских в грехах и пороках, он, без всяких на то оснований, обвинил Пожарского в убийстве жены (!).

«В 1659 году пал, в передовом полку, в сражении с польским, казацким и татарским войском князь Семен Романович Пожарский. Потомок Ивана, второго сына Всеволода, князя Московского, человек, отягченный безчестными делами и преступлениями и недавно снискавший себе дурную известность убийством жены; и Алексей Михайлович торжественно причислил даже его к мученикам, и в честь его ныне бывает особенное богослужение в церкви»²³³.

На самом деле вдова князя Семена Романовича - Евдокия Васильевна Пожарская (в девичестве Третьякова) на сорок лет пережила мужа и скончалась в Московском Ивановском женском монастыре около 1700 года, когда ее земли отошли названному монастырю²³⁴. Этот факт, также как отсутствие малейшей информации о «противоправном поведении» Пожарского в документальных источниках, приводят к выводу о том, что Мейерберг писал со слов недоброхотов князя. Слова эти являются не более, чем клеветой и не находят подтверждение в источниках.

Комментируя реплику А.Мейерберга о Пожарском, современный российский историк А.А.Булычев пишет: «Думается, что негодование Мейерберга, старательно передавшего в своих мемуарах самые грязные сплетни о Пожарском, вызывал не столько моральный облик новопрославленного князя, сколько сам факт существования у православных «схизматиков» подлинных святых. Именно последняя причина побудила его после филиппики по адресу С.Р.Пожарского еще с большим сарказмом обру-

шиться на преподобного Сергия Радонежского и сотворенные им чудеса»²³⁵.

В истории есть немало примеров того, когда рядом с яркими и достойными людьми появляются завистники и клеветники, которые впоследствии пытаются опорочить известного и заслуженного человека. Зная благочестие царя Алексея Михайловича, превыше всего ценившего религиозно-нравственные принципы, трудно поверить в то, что человек «отягченный безчестными делами и преступлениями» долгое время - с 1647 по 1658 гг., мог находиться среди его ближайших друзей и сподвижников. Как было отмечено, Пожарский неоднократно упоминается в «Дворцовых разрядах» в числе двух-трех наиболее близких людей, приглашенных к царскому столу, сопровождает государя в поездках на богомолье, выполняет его самые сложные и ответственные поручения с присущей ему энергией и усердием. Прибегая к аналогиям, возможно не совсем уместным, заметим, что князя Семена Пожарского можно было бы назвать «русским д`Артаньяном». Это сравнение вполне логично. Оба лица жили примерно в одно и то же время, отличались неукротимой отвагой и энергией, верно и храбро служили своим государям и своей стране, прекрасно владели оружием, превыше всех материальных благ и привилегий ценили свою честь, честь и достоинство своего рода. Несомненно и то, что чувство личной чести у Пожарского, чести «в высокой степени индивидуализированной», было свойственно лишь немногим представителям московской элиты того времени. В этом смысле он человек двух эпох – наслед-

ник старых родовых московских традиций и представитель нового поколения энергичных и деятельных людей Нового времени, когда «родовая честь уступила сознанию аристократической корпоративной чести»²³⁶.

Царь был человеком образованным и талантливым, он окружал себя сильными и примечательными личностями. Присутствие среди «избранного круга» Алексея Михайловича безнравственного, «неправедного» человека представить невозможно. Тем более трудно согласиться с тем, чтобы православная церковь, имея какие-либо порочащие сведения о Пожарском, позволила бы причислить его к лику святых.

Согласно «Новгородскому хронографу» князь Пожарский положил «душу свою за церкви божия и за благочестие великого государя и за православную христианскую веру... И той храбрый и терпеливый воин мучения кончину прият, и царству божию наследник бысть»²³⁷.

Попытки отыскать тело князя Пожарского на поле битвы, предпринятые русскими служилыми людьми осенью 1659 года, успехом не увенчались, место его захоронения неизвестно.

Князя Семена Романовича Пожарского по праву можно назвать последним богатырем Московской Руси. Несмотря на все попытки отдельных лиц очернить его образ, в народной памяти он был и остался героем и мучеником за православную веру.

Приложение

Песня о гибели Семёна Пожарского

За рекою, переправую,
За деревнею Госновкою,
Под Конотопом под городом,
Под стеною белокаменной,
На лугах, лугах зеленых,
Тут стоят полки царские,
Все полки государевы,
Да и роты были дворянские.

А из далеча-далеча, из чиста поля,
Из того ли из раздолья широкого,
Кабы черные вороны табуном табунились,
Собирались-съезжались
Калмыки со башкирцами,
Напущались татарове
На полки государевы.

Оне спрашивают, татарове,
Из полков государевых
Себе сопротивника.
А из полку государева
Сопротивника не выбрали
Не из стрельцов, не из солдат-молодцов.

Втапоры выезжал Пожарской-князь,
Князь Семен Романович,
Он боярин большей совет,
Пожарской-князь.
Выезжал он на вылазку
Сопротив татарина
И злодея наездника,

А татарин у себя держит в руках
Копье вострое,
А славны Пожарский-князь —
Одну саблю вострую
Во рученьки правыя.

Как два ясныя соколы
В чистом поле слетались,
А съезжались в чистом поле
Пожарской-боярин с татаринном.
Помогай бог князю
Семену Романовичу Пожарскому!

Своей саблей вострою
Он отводил востро копье татарское
И срубил ему голову,
Что татарину наезднику.
А завыли злы татарове поганые:
Убил у них наездника,
Что не славного татарина.
А злы татарове крымские,

Оне злы да лукавые,
Подстрелили добра коня
У Семена Пожарского,
Падает его окарачь доброй конь.

Воскричит Пожарской-князь
Во полки государевы:
А и вы, солдаты новобраные,
Вы стрельцы государевы!
Подведите мне добра коня,
Увезите Пожарского,
Увезите во полки государевы!

Злы татарове крымские,
Они злы да лукавые,
А метался грудю,
Полонили князя Пожарского,
Увезли его во свои степи крымские.
К самому хану Крымскому,
Деревенской шишиморы.

Его стал он допрашивать:
А и гой еси, Пожарской-князь,
Князь Семен Романович!
Послужи мне верою,
Да ты верою-правдою,
Заочью не изменою;
Еще как ты царю служил,
Да царю своему белому,
А и так-то ты мне служи,

Самому хану Крымскому,
Я ведь буду тебе жаловать
Златом и серебром,
Да и женки прелестными,
И душами красными девицами!

Отвечает Пожарской-князь
Самому хану Крымскому:
А и гой еси, Крымской хан,
Деревенской шишиморы!
Я бы рад тебе служить,
Самому хану Крымскому,
Кабы не скованы мои резвы ноги,
Не связаны белы руки
Во чембурьы шелковые,
Кабы мне сабелька вострая,
Послужил бы тебе верою
На твоей буйной голове,
Я срубил тебе буйну голову!

Скричит тут Крымской хан,
Деревенской шишиморы:
А и вы, татары поганные!
Увезите Пожарского на горы высокие,
Срубите ему голову,
Изрубите его бело тело
Во части во мелкие,
Разбросайте Пожарского
По далече чисту полю!

Кабы черные вороны
Закричали-загайкали,
Ухватили татарове
Князя Семена Пожарского,
Повезли его татарове
Они на горѹ высокую,
Сказнили татарове
Князя Семена Пожарского,
Отрубили бѹйну голову,
Иссекли бело тело
Во части во мелкие,
Разбросали Пожарского
По далече чистѹ полю,
Они сами уѹхали
К самому ханѹ Крымскому.

Они день-другой не идѹт,
Никто не проведает.
А из полку было государева
Казакѹ двоя выбрались,
Эти двоя казакѹ-молодцы,
Они на горѹ пешком пошли
И взошли тутѹ на горѹ высокую,
И увидели те молодцы
То ведь тело Пожарского:
Голова его по себе лежит
Рѹки, ноги разбросаны,
А его бело тело во части изрублено
И разбросано по раздолью широкому.

Эти казаки-молодцы его тело собрали
Да в одно место складовали,
Они сняли с себя липовой луб
Да и тут положили его,
Увязали липовой луб накрепко,
Понесли его, Пожарского,
Конотопу ко городу.

В Конотопе-городе
Пригодился там епископ быть,
Собирал он, епископ, попов и дьяконов
И церковных причетников
И тем казакам, удалым молодцам,
Приказал обмыть тело Пожарского,
И складили его бело тело в домовище дубовое
И покрыли тою крышкою белодубовою.
А и тут люди дивовалися,
Что его тело вместо срасталось.

Отпевавши надлежащее погребение,
Бело тело его погребли во сыру землю
И пропели петъе вечное
Тому князю Пожарскому.

Примечания

-
- ¹ РГБ. Ф.722. Оп.1. Д.320; *Булычев А.А.* Между святыми и демонами. Заметки о смертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М.,2005. С.105.
- ² *Соколов А.* Князья Пожарские и Нижегородское ополчение. Нижний Новгород; Саранск. 2006. С. 9.
- ³ Там же. С.12.
- ⁴ *Савелов Л.М.* Князья Пожарские. М.,1906. С. 6.
- ⁵ *Спиридов М.Г.* Сокращенное описание служб благородных российских дворян. М., 1810. Ч.2. С.71.
- ⁶ Разрядные книги 1598-1638 гг. М.,1974. С.244, 249.
- ⁷ *Савелов Л.В.* Указ. Соч. С.87.
- ⁸ Акты Московского государства (далее - АМГ). СПб. 1894. Т.2. С.44.
- ⁹ АМГ. Т.2. 37.
- ¹⁰ Там же. С.36.
- ¹¹ Там же. С.36.
- ¹² Боярская книга 1639 г. М.,1999. С.38.
- ¹³ *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века. М.,1996. С.111,116.
- ¹⁴ *Савелов Л.М.* Указ. Соч. С.87.
- ¹⁵ Там же. С.87.
- ¹⁶ Дворцовые разряды. СПб.,1852. Т.3. Стб.238.
- ¹⁷ АМГ. Т.2. С.136,138,141.
- ¹⁸ *Барсуков А.П.* Указ. Соч. Т.3 С.305.
- ¹⁹ *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.Л.,1948. С.351.
- ²⁰ Там же. С.354.
- ²¹ Там же. С.354.
- ²² Там же. С.356.
- ²³ Там же. С.353.
- ²⁴ Там же. С.373.
- ²⁵ Там же. С.379.
- ²⁶ Там же. С.382.
- ²⁷ АМГ. Т.2. С.174.
- ²⁸ Там же. С.382.
- ²⁹ АМГ. Т.2. С.188.
- ³⁰ АМГ. Т.2. С.174.
- ³¹ АМГ. Т.2. С.188.
- ³² Боярская книга 1639 г. М.,1999. С.25.
- ³³ Дворцовые разряды. СПб.,1852. Т.3. Стб.84.
- ³⁴ Анонимное шведское сочинение о восстании в Москве в 1648 г.// Городские восстания в Московском государстве XVII в. Сборник документов. М., 2003. С.57.
- ³⁵ Там же. С.62.
- ³⁶ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003. С.234.
- ³⁷ *Азарьин С.* «Книга о чудесах пр.Сергия»// Городские восстания в Московском государстве XVII в. Сборник документов. М.Л.,1935. С.88.

- ³⁸ Анонимный автор. Описание восстания в Москве в 1648 г. // Городские восстания в Московском государстве XVII в. Сборник документов. М.Л.,1935. С.83.
- ³⁹ Дворцовые разряды. Т.3. Стб.94.
- ⁴⁰ *Олеарий А.* Указ. Соч. С.239.
- ⁴¹ *Спиридов М.Г.* Указ. Соч. С.83.
- ⁴² Дворцовые разряды. СПб.,1852. Т.3. Стб.407-408.
- ⁴³ *Bobiatynski K.* Od Smolenska do Wilna. Wojna Rzeczypospolitej z Moskwa 1654-1655. Zabrze,2004. S.58.
- ⁴⁴ *Kotlubaja E.* Zycie Janusza Radziwilla. Wilno, 1859. S. 196.
- ⁴⁵ *Bobiatynski K.* Od Smolenska do Wilna... С.58.
- ⁴⁶ Там же. С.58.
- ⁴⁷ Дворцовые разряды. Т.3. Стб.444.
- ⁴⁸ *Kotlubaja E.* Zycie Janusza Radziwilla... S.197.
- ⁴⁹ АМГ. Т.2. С.437.
- ⁵⁰ Там же. С.438.
- ⁵¹ *Соловьев С.М.* Сочинения. История России с древнейших времен. М.,1990. Кн.5. Т.10. С. 622.
- ⁵² Там же. С.622.
- ⁵³ Там же. С.622.
- ⁵⁴ *Спиридов М.Г.* Указ.Соч. С.83.
- ⁵⁵ *Лобин А.Н. Смирнов Н.В.* Борьба за Юрьев Ливонский в годы русско-шведской войны 1656-1658 гг. (рукопись).
- ⁵⁶ *Лобин А.Н. Смирнов Н.В.* Указ. Соч.
- ⁵⁷ Книга сеунчей. Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. М.,1854. Книга 18. С.25-26.
- ⁵⁸ *Спиридов М.Г.*. Указ. Соч. С.84.
- ⁵⁹ См. например, *Смолий В.А. Степанков В.С.* Українська національна революція XVII ст. (1648-1676 pp). Київ,1999. Т.7. С.229.
- ⁶⁰ *Ченцова В.Г.* Восточная церковь и Россия после Переяславской рады 1654-1658. Документы. М.,2004. С.116.
- ⁶¹ Южнорусские летописи, открытые и изданные Н.Белозерским. Киев, 1856. Т.1. С.115.
- ⁶² *Величко С.* Сказание о войне козацкой з поляками. Київ, 1926. Т.1. С.167.
- ⁶³ АМГ. Т.2. С.624.
- ⁶⁴ *Бульвінський А. Г.* Похід кн. Г. Г. Ромодановського на Україну Україну восени 1658 р. // Нова політика, 1998. №1. С. 23.
- ⁶⁵ *Костомаров Н.И.* Гетманство Выговского// Костомаров Н.И. Казаки. Исторические монографии и исследования. М.,1995. С.139.
- ⁶⁶ *Апанович О.М.* Застосування гетьманом І.Виговським сатегічних і тактичних принципів Богдана Хмельницького в Конотопській битві // Конотопська битва 1659 року. Збірка наукових праць. Київ, 1996. С.29.
- ⁶⁷ *Величко С.* Указ. Соч. С. 205.
- ⁶⁸ Там же. С. 207.
- ⁶⁹ РГАДА. Ф.210. Разряд. Оп.13. Столбцы Приказного стола. № 308. Л.354.
- ⁷⁰ Там же. Л.343.
- ⁷¹ Там же. Л.354.
- ⁷² Там же. Л.354.
- ⁷³ Там же. Л.355.
- ⁷⁴ Там же. Л.343-344, 355-356.

- ⁷⁵ Там же. Л.344.
- ⁷⁶ Там же. Л.345.
- ⁷⁷ Там же. Л.356.
- ⁷⁸ Там же. Л.345.
- ⁷⁹ Там же. Л.356.
- ⁸⁰ Там же. Л.345.
- ⁸¹ Там же. Л.346.
- ⁸² АЮЗР. СПб, 1863. Т. 4. С. 356.
- ⁸³ Там же. С. 232.
- ⁸⁴ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. № 308. Л. 9-335.
- ⁸⁵ Там же. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 1074. Л. 121-143. – Документ обнаружил и ввел в научный оборот Н. В. Смирнов: *Смирнов Н. В.* «Как под Конотопом упадок учинился ...» (мифы и историческая реальность) // Труды по русской истории. Сборник статей в память о 60-летию И. В. Дубова. М., 2007.
- ⁸⁶ Там же. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 482. Л. 636-639.
- ⁸⁷ АЮЗР. Т. 4. С. 224.
- ⁸⁸ *Смирнов Н. В.* «Как под Конотопом упадок учинился ...»... С. 342.
- ⁸⁹ АМГ. Т. 2. С. 668-669.
- ⁹⁰ Там же. С. 665.
- ⁹¹ Там же. С.665.
- ⁹² Там же. С. 670.
- ⁹³ По данным Смирнова Н. В. всего в походе участвовало 5087 чел. сотенной службы. См. *Смирнов Н. В.* «Как под Конотопом упадок учинился ...»... С. 349-350.
- ⁹⁴ *Бульвінський А.* Конотопська битва 1659 р. // Український історичний журнал. 1998. № 3. С. 77.
- ⁹⁵ *Костомаров Н. И.* Богдан Хмельницкий. М., 1994. С. 598.
- ⁹⁶ *Курбатов О. А., Малов А. В.* К истории гражданской войны на Украине в период гетманства И. Выговского (1658-1659). (В настоящий момент материал готовится к печати).
- ⁹⁷ *Мицик Ю. А.* Гетьман Іван Виговський... Додатки. № 3. 1659, липня 23 – Табір гетьмана Виговського під Путивлем. – Вістовий лист («авізи») про перемогу під Конотопом. С. 73-74.
- ⁹⁸ *Крип'якевич І.* Серби в українському війську 1650-1660 р. // Записки Наукового Товариства ім. Т. Шевченка. Львів, 1920. Т. 129. С. 91.
- ⁹⁹ АЮЗР Т. 15. С. 424.
- ¹⁰⁰ *Kroll P.* Źródło do dziejow bitwy pod Konotopem w 1659 roku z Archiwum Radziwiłłow w Warszawie // Studia historyczno-wojskowe. Т. II. 2007. Zabrze, 2008. S. 280.
- ¹⁰¹ *Мицик Ю. А.* Гетьман Іван Виговський... Додатки. № 3. 1659, липня 23 – Табір гетьмана Виговського під Путивлем. – Вістовий лист («авізи») про перемогу під Конотопом... С. 72.
- ¹⁰² РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1659 г. Стб. 7. Л. 1.
- ¹⁰³ Там же. Л. 11-12; *Новосельский А. А.* Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 64.
- ¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Стб. 28. Л. 137-138.
- ¹⁰⁵ *Стороженко І. С.* Богдан Хмельницький і Запорозька Січ кінця XVI – середини XVII століть. Книга 2. Дніпродзержинськ, 2007. С. 127-129.
- ¹⁰⁶ АЮЗР. Т.15. С.412.
- ¹⁰⁷ *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты. М.,2005. Т.1. С.402.

- ¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1659 г. Стб. 7. Л. 1, 11; *Ново-сельский А. А.* Исследования по истории эпохи феодализма. С. 64.
- ¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1659 г. Стб. 7. Л. 12.
- ¹¹⁰ Літопис Самовидця. Київ, 1971. С. 80.
- ¹¹¹ АЮЗР. Т. 4. С. 238.
- ¹¹² Літопис Самовидця... С. 80.
- ¹¹³ Там же. С. 80.
- ¹¹⁴ АЮЗР. Т. 4. С. 238.
- ¹¹⁵ Там же. С. 238.
- ¹¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 307. Л. 33-36.
- ¹¹⁷ *Kochowski V. Annalium Polonia climacter secundus. Cracovia, 1688.* II, S. 379; *Костомаров Н. И.* Гетманство Выговского... С. 142.
- ¹¹⁸ РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Стб. 28. Л. 231; АЮЗР. Т. 15. С. 397-398.
- ¹¹⁹ *Казем-бек М. А.* Сравнительные извлечения из разных писателей, относящиеся к истории Семи планет // Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб, 1835. № 6. С. 356.
- ¹²⁰ *Костомаров Н. И.* Гетманство Выговского // *Костомаров Н. И.* Казаки. Исторические монографии и исследования. М., 1995. С. 142-143; *Kochowski V. Annalium Polonia climacter secundus...* S. 379-381.
- ¹²¹ РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Стб. 28. Л. 236; АЮЗР. Т. 15. С. 401-402.
- ¹²² *Величко С.* Указ. Соч. С. 206.
- ¹²³ Новгородский хронограф XVII в. // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 304.
- ¹²⁴ Там же. С. 305.
- ¹²⁵ *Мыцык Ю. А.* «Літописец» Дворецких – памятник украинского летописания XVII века // Летописи и хроники 1984. М., 1984. С. 229.
- ¹²⁶ *Мейерберг А.* Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга в 1661 году // Утверждение династии. История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII-XVIII вв. М., 1997. С. 110.
- ¹²⁷ *Величко С.* Указ. Соч. С. 206.
- ¹²⁸ В публикации указанной работы А. А. Новосельского допущена ошибка, в тексте (С. 66) «на табор и на немец», в подлиннике «на татар и на немец».
- ¹²⁹ *Буровский А.М.* Несостоявшаяся империя: Историческое расследование. Красноярск, М., 2001. С. 196.
- ¹³⁰ *Смирнов Н. В.* «Как под Конотопом упадок учинился ...»... С. 345.
- ¹³¹ РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Стб. 28. Л. 231; АЮЗР. Т. 15. С. 397-398.
- ¹³² *Гордон П.* Дневник 1677-1678. М., 2005. С. 34.
- ¹³³ Новгородский хронограф XVII в... С. 305.
- ¹³⁴ *Казем-бек М. А.* Сравнительные извлечения из разных писателей... С. 356.
- ¹³⁵ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 307. Л. 359, 362, 364, 365, 368, 369, 425, 426, 427, 442, 451, 472, 477, 484, 490.
- ¹³⁶ *Гордон П.* Дневник 1677-1678. С. 34.
- ¹³⁷ РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Стб. 28. Л. 237; АЮЗР. Т. 15. С. 401-402.
- ¹³⁸ *Величко С.* Сказание о войне козацкой з поляками. С. 207.

- ¹³⁹ РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Стб. 28. Л. 237; АЮЗР. Т. 15. С. 401-402.
- ¹⁴⁰ АМГ. Т. 2. С. 676-677.
- ¹⁴¹ Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна, 1870. Т. 7. № 87. С. 114; *Мицик Ю. А.* Гетьман Иван Виговський. Додатки. № 1. 1659, липня 11. – Табір під Конотопом. – Лист гетьмана Івана Виговського до коронного обозного Анджея Потоцького. С. 68.
- ¹⁴² Новгородский хронограф XVII в... С.305.
- ¹⁴³ *Лазаревский А. М.* Конотопская старина // Памятная книжка Черниговской губернии. Чернигов, 1862. С. 328. Прим. 21.
- ¹⁴⁴ Новгородский хронограф XVII в... С.305.
- ¹⁴⁵ ПСЗРИ. Т.2. СПб.,1830. С.372.
- ¹⁴⁶ Археографический сборник ... С. 114; *Мицик Ю. А.* Гетьман Иван Виговський. Додатки. № 1. 1659, липня 11. – Табір під Конотопом. – Лист гетьмана Івана Виговського до коронного обозного Анджея Потоцького. С. 67.
- ¹⁴⁷ Памятники, изданные Киевской комиссией для разбора древних актов (далее – ПСК) Т. 3. К., 1898. С. 356.
- ¹⁴⁸ *Мицик Ю. А.* Гетьман Иван Виговський. Додатки. № 3. 1659, липня 23 – Табір гетьмана Виговського під Путивлем. – Вістовий лист («авізи») про перемогу під Конотопом. С. 79.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 80.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 80.
- ¹⁵¹ *Kroll P.* Źródło do dziejow bitwy pod Konotopem ... S. 281; *Мицик Ю. А.* Гетьман Иван Виговський. Додатки. № 3. 1659, липня 23 – Табір гетьмана Виговського під Путивлем. – Вістовий лист («авізи») про перемогу під Конотопом. С. 72.
- ¹⁵² Археографический сборник ... С. 114; *Мицик Ю. А.* Гетьман Иван Виговський. Додатки. № 1. 1659, липня 11. – Табір під Конотопом. – Лист гетьмана Івана Виговського до коронного обозного Анджея Потоцького. С. 67.
- ¹⁵³ АЮЗР. Т. 4. С. 238.
- ¹⁵⁴ *Мицик Ю. А.* Гетьман Иван Виговський. Додатки. № 3. 1659, липня 23 – Табір гетьмана Виговського під Путивлем. – Вістовий лист («авізи») про перемогу під Конотопом. С. 80.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 80.
- ¹⁵⁶ РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Стб. 28. Л. 231; АЮЗР. Т. 15. С. 397-398.
- ¹⁵⁷ ПСК. Т. 3. С. 356.
- ¹⁵⁸ АЮЗР. Т. 15. С. 420.
- ¹⁵⁹ *Kroll P.* Źródło do dziejow bitwy pod Konotopem... S. 281; *Мицик Ю. А.* Гетьман Иван Виговський. Додатки. № 3. 1659, липня 23 – Табір гетьмана Виговського під Путивлем. – Вістовий лист («авізи») про перемогу під Конотопом. С. 72.
- ¹⁶⁰ Археографический сборник ... С. 114; *Мицик Ю. А.* Гетьман Иван Виговський. Додатки. № 3. 1659, липня 23 – Табір гетьмана Виговського під Путивлем. – Вістовий лист («авізи») про перемогу під Конотопом. С. 67.
- ¹⁶¹ *Ruska (Wolinska) Metrika.* Kniha za 1652-1673 гг. Wyd. P. Kulakovski. Ostrog-Warszawa-Moskwa, 1999. № 99. S. 275.
- ¹⁶² Археографический сборник ... С. 114; *Мицик Ю. А.* Гетьман Иван Виговський. Додатки. № 1. 1659, липня 11. – Табір під Конотопом. – Лист гетьмана Івана Виговського до коронного обозного Анджея Потоцького. С. 67.

- ¹⁶³ Археографический сборник ... С. 114-115; *Мицик Ю. А.* Гетьман Иван Виговський. Додатки. № 1. 1659, липня 11. – Табір під Конотопом. – Лист гетьмана Івана Виговського до коронного обозного Анджея Потоцького. С. 68.
- ¹⁶⁴ АМГ. Т. 2. С. 676-677.
- ¹⁶⁵ АЮЗР. Т. 4. С. 239.
- ¹⁶⁶ ПКК. Т. 3. С. 356.
- ¹⁶⁷ *Kroll P.* Źródło do dziejow bitwy pod Konotopem... S. 282; *Мицик Ю. А.* Гетьман Иван Виговський. Додатки. № 3. 1659, липня 23 – Табір гетьмана Виговського під Путивлем. – Вістовий лист («авізи») про перемогу під Конотопом. С. 73.
- ¹⁶⁸ Археографический сборник ... С. 115; *Мицик Ю. А.* Гетьман Иван Виговський. Додатки. № 1. 1659, липня 11. – Табір під Конотопом. – Лист гетьмана Івана Виговського до коронного обозного Анджея Потоцького. С. 68.
- ¹⁶⁹ *Величко С.* Указ. Соч. С. 207.
- ¹⁷⁰ *Соколова В. К.* Русские исторические песни XVI-XVII вв. 1960. С. 139-140.
- ¹⁷¹ Новгородский хронограф XVII в... С.305.
- ¹⁷² РГАДА. Ф.210. Разряд. Оп.13. Столбцы Приказного стола. №308. Л.177.
- ¹⁷³ РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1659 г. Стб. 7. Л. 6.
- ¹⁷⁴ *Новосельский А. А.* Исследования по истории эпохи феодализма. С. 41.
- ¹⁷⁵ АЮЗР. СПб., 1872. Т. 7. С. 301.
- ¹⁷⁶ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. № 337. Л. 106-107.
- ¹⁷⁷ *Болотов А. Т.* Записки Андрея Тимофеевича Болотова 1737-1796. Т. 1. Тула, 1988. С. 15; *Щепкина Е.* Старинные помещики на службе и дома. М., 1890. С. 29.
- ¹⁷⁸ *Казем-бек М. А.* Сравнительные извлечения из разных писателей... С. 357-358.
- ¹⁷⁹ *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 3. СПб., 1866. С. 219.
- ¹⁸⁰ РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1659 г. Стб. 7. Л. 1; *Новосельский А. А.* Исследования по истории эпохи феодализма. С. 65.
- ¹⁸¹ АЮЗР. Т. 4. С. 239.
- ¹⁸² Археографический сборник ... С. 115; *Мицик Ю. А.* Гетьман Иван Виговський. Додатки. № 1. 1659, липня 11. – Табір під Конотопом. – Лист гетьмана Івана Виговського до коронного обозного Анджея Потоцького. С. 68.
- ¹⁸³ АЮЗР. Т. 4. С. 239.
- ¹⁸⁴ Там же. Т. 15. С. 420.
- ¹⁸⁵ РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. № 308. Л.314.
- ¹⁸⁶ Там же. Л.314.
- ¹⁸⁷ Там же. Т. 4. С. 239.
- ¹⁸⁸ Там же. Т. 15. С. 397-398.
- ¹⁸⁹ *Kroll P.* Źródło do dziejow bitwy pod Konotopem ... S. 282-283; *Мицик Ю. А.* Гетьман Иван Виговський. Додатки. № 3. 1659, липня 23 – Табір гетьмана Виговського під Путивлем. – Вістовий лист («авізи») про перемогу під Конотопом. С. 73-74.
- ¹⁹⁰ *Курбатов О. А., Малов А. В.* К истории гражданской войны на Украине в период гетманства И. Выговского (1658-1659). (В настоящий момент материал готовится к печати).
- ¹⁹¹ РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Стб. 28. Л. 238; АЮЗР. Т. 15. С. 401-402.
- ¹⁹² АМГ. Т. 2. С. 676-677.
- ¹⁹³ *Kroll P.* Źródło do dziejow bitwy pod Konotopem... S. 283; *Мицик Ю. А.* Гетьман Иван Виговський. Додатки. № 3. 1659, липня 23 – Табір гетьмана Виговського під Путивлем. – Вістовий лист («авізи») про перемогу під Конотопом. С. 74.

- ¹⁹⁴ *Мицик Ю. А.* «Літописец» Дворецких... С. 229.
- ¹⁹⁵ РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1659 г. Стб. 7. Л. 14; *Новосельский А. А.* Исследования по истории эпохи феодализма. С. 65.
- ¹⁹⁶ АЮЗР. Т. 15. С. 420.
- ¹⁹⁷ *Величко С.* Указ. Соч. С. 207.
- ¹⁹⁸ *Роде А.* Описание 2-го посольства в Россию датского посланника Ганса Олделунда в 1659 году // Проезжая по Московии. М., 1991. С. 301-302.
- ¹⁹⁹ *Новосельский А. А.* Исследования по истории эпохи феодализма. С. 68.
- ²⁰⁰ Дополнения к Актам историческим. Т. 5. СПб., 1853. С. 91.
- ²⁰¹ РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1659 г. Стб. 7. Л. 14.
- ²⁰² *Бульвінський А.* Конотопська битва 1659 р. ... С. 35.
- ²⁰³ *Мицик Ю. А.* Чигирин. Гетьманська столиця. Київ, 2007. С. 131.
- ²⁰⁴ *Новосельский А. А.* Исследования по истории эпохи феодализма. С. 68.
- ²⁰⁵ Там же. С. 66-68.
- ²⁰⁶ Там же. С. 66-68.
- ²⁰⁷ *Смирнов Н. В.* «Как под Конотопом упадок учинился ...»... С. 350.
- ²⁰⁸ *Смолий В. А., Степанков В. С.* Українська національна революція XVII ст. (1648-1676 рр.) Т. 7. Київ, 1999. С. 236.
- ²⁰⁹ Археографический сборник ... С. 114; *Мицик Ю. А.* Гетьман Іван Виговський. Додатки. № 1. 1659, липня 11. – Табір під Конотопом. – Лист гетьмана Івана Виговського до коронного обозного Анджея Потоцького. С. 68.
- ²¹⁰ АМГ. Т. 2. С. 674.
- ²¹¹ РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1659 г. Стб. 7. Л. 16; *Новосельский А. А.* Исследования по истории эпохи феодализма. С. 65.
- ²¹² ПКК. Т. 3. С. 356.
- ²¹³ *Kroll P.* Źródło do dziejów bitwy pod Konotopem ... S. 281-282; *Мицик Ю. А.* Гетьман Іван Виговський. Додатки. № 3. 1659, липня 23 – Табір гетьмана Виговського під Путівлем. – Вістовий лист («авізи») про перемогу під Конотопом. С. 73.
- ²¹⁴ Пользуясь случаем автор благодарит Н. В. Смирнова за предоставленную черновую копию текста документа.
- ²¹⁵ *Новосельский А. А.* Исследования по истории эпохи феодализма. С. 67.
- ²¹⁶ РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1659 г. Стб. 7. Л. 13; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Сочинения. М., 1991. Кн. VI. Т. 11. С. 50.
- ²¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 14. Столбцы Севского стола. № 167. Л. 105.
- ²¹⁸ Там же. Л. 107.
- ²¹⁹ Там же. Л. 108.
- ²²⁰ Там же. Л. 280. Лист 280 перепутан с листом 286.
- ²²¹ Дополнения к 3-му тому Дворцовых разрядов. СПб, 1854. С. 192-193.
- ²²² Доп. к 3 т. ДР. С. 192-193.
- ²²³ АЮЗР. Т. 15. С. 435-441.
- ²²⁴ Там же. Т. 4. С. 262.
- ²²⁵ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Сочинения. М., 1991. Кн. VI. Т. 11. С. 50.
- ²²⁶ *Смирнов Н. В.* «Как под Конотопом упадок учинился ...»... С. 349
- ²²⁷ Дополнения к 3 т. Дворцовых разрядов. С. 194-195.
- ²²⁸ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Сочинения. М., 1991. Кн. VI. Т. 11. С. 50.
- ²²⁹ *Смолий В. А., Степанков В. С.* Богдан Хмельницький. Київ, 2003. С. 273.

²³⁰ *Апанович О.* Застосування гетьманом І. Виговським стратегічних і тактичних принципів Богдана Хмельницького в Конотопській битві // Конотопська битва 1659 року. Збірка наукових праць. Київ, 1996. С. 23.

²³¹ *Лазаревский А. М.* Описание старой Малороссии. Т. 2. Киев, 1893. С. 210.

²³² РГБ. Ф.722. Оп.1. Д.320; *Булычев А.А.* Указ. Соч. С.105,235.

²³³ Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга в 1661 году // Утверждение династии. История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII-XVIII вв. М., 1997. С.110.

²³⁴ В 7175 (1667) году сентября 5, упомянута в документах вдова князя Семена Романовича Пожарского – Авдотья Васильевна: «описные книги писал Володимерского уезду вотчины окольничего князь Семена Романовича Пожарского жены его вдовы княгини Авдотьи Васильевны села Якимова церковный дьячок Васька Васильев 7175 года 5 сентября». Ее земли отошли в 1700 году Московскому Ивановскому женскому монастырю.

²³⁵ *Булычев А.А.* Указ. Соч. С.105.

²³⁶ Коллманн Н.Ш. Соединенные чеством. Государство и общество в России раннего нового времени. М.,2001. С. 393.

²³⁷ Новгородский хронограф XVII в... С.305.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт Российской истории
изд. РУССКАЯ СИМФОНИЯ
ОБЩЕСТВО ПАМЯТИ ИГУМЕНИИ ТАИСИИ
Санкт-Петербург
2009 г.

ББК ТЗ(2)461-683

ББК ТЗ(2)461-685

ISBN 978-5-91041-047-7

Б 12

Отпечатано в типографии

«Невская жемчужина»

194021, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д.22

Заказ № 151, Тираж 780 экз.

Лицензия ПЛД № 69-331 от 18.01.99 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Происхождение князя С.Р. Пожарского.....	4
В сражениях с крымскими татарами и на службе при дворе (1645-53).....	13
Война с Речью Посполитой и бои со шведами (1654-56).....	28
Измена гетмана И.Выговского и миф о «резне» в Сребном (1658-59).....	40
Осада Конотопа 20 апреля – 27 июня 1659 г.	63
Битва под Конотопом 28 июня (8 июля) 1659 года.....	76
Казнь русских пленных и отступление к Путивлю 29 июня – 10 июля.....	105
Потери сторон и итоги кампании.....	125
Причины поражения и значение битвы.....	139
Последний русский богатырь.....	148
Приложение: Песня о гибели Семена Пожарского...	155
Примечания	161

Бабулин И.Б.

Князь Семен Пожарский и Конотопская битва. – СПб.:
Общество памяти игумении Таисии, 2009. – 168 с.: ил.

Книга посвящена забытому русскому святому – благоверному князю Симеону Пожарскому и его воинам, героически погибшим на конотопских полях летом 1659 года.

Историческое исследование основано на вновь открытых документах и новом прочтении уже известных. Предназначено исследователям, преподавателям, аспирантам, студентам, учащимся высших и средних учебных заведений, краеведам, всем интересующимся отечественной историей.

Автор книги Бабулин Игорь Борисович – соискатель отд. аспирантуры Института Российской истории РАН, автор ряда публикаций по истории армии и военной истории России XVII в.

ББК ТЗ(2)461-683
ББК ТЗ(2)461-685
Б 12

ISBN 978-5-91041-047-7

© Институт Российской истории РАН, 2009

© Издательство «Русская симфония», 2009

© Общество памяти игумении Таисии, 2009

Вооружение русского воеводы середины XVII века. *Московская Оружейная палата*

